

АПРЕЛЬ | 2010

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1917

о чём писала пресса
накануне
катастрофы

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО?

Мы почти разучились задавать вопросы, которые были совершенно привычны нам еще каких-то пару десятилетий назад: о чем этот фильм, о чем эта книга? Не в смысле сюжета, а в смысле – что хотел сказать автор. Вместо этого мы обмениваемся ничего не значащими, практически не требующими ответа восклицаниями: «прикольно!», «забавно», «любопытно». Ну, или что-то вроде этого. Редко когда теперь в узком семейном кругу обсуждается, что именно хотел сказать автор того или иного произведения. Кажется, что ушла во многом уже глубина восприятия искусства. Многие на это скажут, что эта глубина ушла потому, что ушла и глубина творчества. Первейшей задачей искусства стала его «продаваемость», то есть коммерческий успех. Стало быть – успех не столько среди пары десятков высоколобых критиков и эстетствующих интеллигентов, сколько среди широкой потребительской массы. Которая, в свою очередь, уже давно не пишет сочинений в школе и оттого не обладает навыками сколь-либо вдумчивого именно что анализа литературного или иного произведения. Которая ищет в кинотеатре, на книжной полке или в музее не поля для работы мысли и (само)воспитания чувств, но аттракциона, развлечения, отвлечения от «напряга» жизни. Думать над искусством стало лень и немодно.

В ответ на это в высоких политических и общественных кругах периодически возникают дискуссии, а то и готовые решения: мол, нужен государственный заказ. Ближайший исторический прецедент – культурная жизнь Советского Союза, подчинявшаяся принципу «социалистического реализма». Наиболее точно он был сформулирован в Уставе Союза писателей: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Что сейчас может служить идейной и духовной основой для создания «госзаказа» к культуре? И может ли в наше время такой вот госзаказ предложить решение для тех проблем, что описаны выше?

В этом номере журнала вы найдете сразу несколько статей, посвященных людям искусства, а также их произведениям – кинематографическим, литературным, музыкальным. Для таких мастеров госзаказ, наверное, и не нужен. Их убеждения, мировосприятие уже задают высокую планку требований к собственному творчеству. Нам, зрителям, слушателям, почитателям или даже критикам, остается лишь соглашаться либо не соглашаться с предлагаемыми стандартами. Надеемся, что и дальше будем обходиться без того, чтобы кто-то предписывал нам узкие рамки «надлежащего» мировосприятия. Надеемся также, что научимся отделять талантливое от сиюминутной халтуры. ●

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

Председатель
попечительского совета,
президент Международной
ассоциации
преподавателей русского
языка и литературы,
президент Санкт-
Петербургского
государственного
университета [01]

[02]

[03]

[04]

[05]

[06]

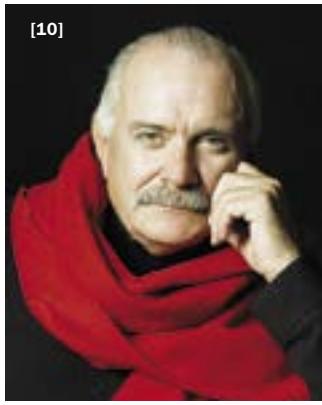
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**
Председатель наблюдатель-
ного совета Российского
общества преподавателей
русского языка и литерату-
ры, декан филологического
факультета СПбГУ [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**
Начальник Управления
Президента Российской Фе-
дерации по межрегиональ-
ным и культурным связям
с зарубежными
странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
Председатель комиссии
Совета Федерации
по культуре, заместитель
председателя комиссии
Российской Федерации
по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**
Генеральный директор
ФГУП «Всероссийская
государственная телевизи-
онная радиовещательная
компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**
Генеральный директор
ИТАР-ТАСС [06]

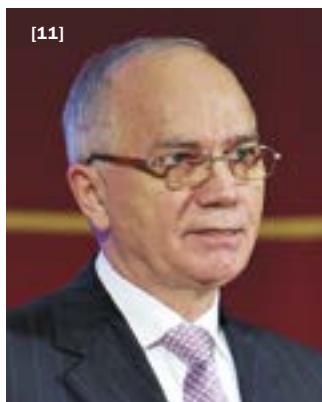
**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**
Митрополит Волоколам-
ский, председатель Отдела
внешних церковных
связей Московского
патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**
Президент Государственно-
го института русского языка
им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**
Министр иностранных дел
Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**
Президент Российского
фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**
Руководитель Федераль-
ного агентства по делам
СНГ, соотечественников,
проживающих за рубежом,
и по международному гума-
нитарному сотрудничеству
«Россотрудничество») [11]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

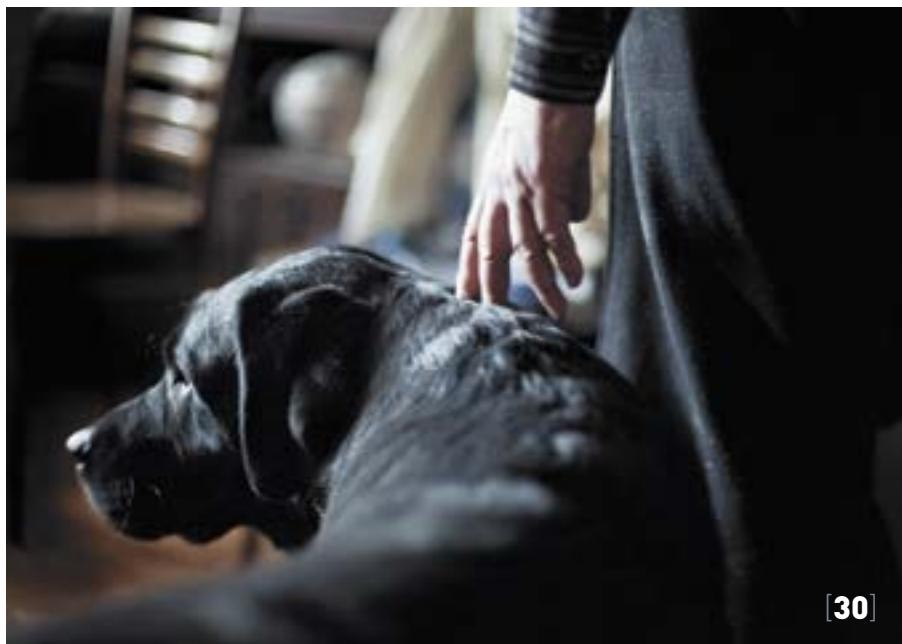
**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Заместитель министра
Министерства
образования и науки
Российской Федерации [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНДРОНИК СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОДЕРЖАНИЕ |

[30]

[49]

[26]

[60]

PHOTOEXPRESS

РУССКИЙ МИР

- 06 | Двери открыты для всех
- 08 | Не даром вспомнит вся Россия
- 09 | Ученые-мигранты
- 10 | Россия – Япония: в ожидании «золотого века»

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 12 | Николай «Бессмертный»
- 14 | Русский запас
- 18 | Блокада – еще не самое страшное...
- 22 | Тайна «Бостона» А-20

СИТУАЦИИ

- 26 | Центрально-американские заметки
- 30 | Поводыри
- 34 | Любимый солнечный пес

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 40 | Мат-часть

НАСЛЕДИЕ

- 44 | Врата нашей учености
- 49 | Дикий ветер и русский рай
- 54 | Пятнадцать лет скитаний

ИНТЕРВЬЮ

- 60 | Модернизация и опричнина – вещи несовместные

ИТАР-ТАСС

РИА НОВОСТИ

66 | О правде
искусства
и искусстве
правды
70 | Приглашение
к диалогу

КУЛЬТУРА
74 | Литфонд
81 | Кочевник
в Эрмитаже

ЛЮДИ И ВРЕМЯ
86 | Фрак народа
ЮБИЛЕЙ
90 | Пятьдесят лет
странствий
ЗАРИСОВКИ
ЖИЗНИ
94 | Бегство

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Василий ЖУРАВЛЕВ
Александра ПУШКАРЬ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Алексей УРАЗОВ
Наталья ШЕРГИНА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ

Русский центр в Риге отметил свой первый день рождения

БАЛТИЙСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ, ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ НАЗЫВАВШАЯСЯ БАЛТИЙСКИМ РУССКИМ ИНСТИТУТОМ, – ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ ЕВРОПЫ, ГДЕ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. СЕГОДНЯ ЗДЕСЬ УЧИТСЯ ОКОЛО 8 ТЫСЯЧ СТУДЕНТОВ ИЗ ЛАТВИИ И ДРУГИХ СТРАН МИРА.

В МАРТЕ 2009 ГОДА ПРИ УЧАСТИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ попечительского совета фонда «Русский мир» Людмилы Вербицкой, директора европейских программ фонда Алексея Громыко и посла РФ в Латвии Александра Вешнякова на базе БМА в Риге был торжественно открыт Русский центр. Возглавил его председатель правления академии, доктор философии, академик Валерий Никифоров. В координационный совет также вошли председатель русской общины Латвии Вячеслав Алтухов, директор академической библиотеки Латвийского университета Вента Коцере и другие видные представители научных кругов Латвии.

Русский центр расположился на втором этаже главного здания академии, как раз по соседству с библиотекой. Вход сюда – свободный. Светлое, очень просторное помещение, современные книжные стеллажи, удобная мебель, компьютеры, на стене – большой плазменный экран. Но

ценителя литературы, конечно, в первую очередь привлекают книги на русском языке – и совсем новые, только что изданные, и старинные, почти раритетные издания. Здесь иллюстрированные энциклопедии, словари, сочинения Карамзина, Костомарова, Соловьева, Ключевского. «Русские легенды и предания», справочный сборник «Народы России» в рассказах и картинках, «Русские храмы», «История русского дворянства», роскошные альбомы по искусству, истории Москвы и Санкт-Петербурга, знакомая нам с юности прекрасная серия «Жизнь замечательных людей»... «Конечно, в наше время получить такой бесценный подарок – это величайшая редкость, – говорит мой гид по Русскому центру, его хозяйка Ольга Здебская. – Кроме того, мы сочли целесообразным разместить здесь и свой русскоязычный книжный фонд, который накапливался годами, в основном за счет книг, подаренных вузу преподавателями БМА из личных собраний». Помимо книг рижане получили в подарок от фонда «Русский мир» обширную коллекцию мультимедийных изданий – электронные и аудиокниги, художественные фильмы, учебно-методические пособия и обучающие программы по русскому языку, истории искусств, культурологии. Сразу же после открытия центра на первое заседание координационного совета были приглашены представители русских общественных организаций (их сегодня в Латвии насчитывается более 50), а также журналисты русскоязычных СМИ и представители православной церкви. На заседании обсуждался вопрос о том, какую нишу в жизни латвийского общества должен занять новый Русский центр. По общему мнению, именно ему предстояло стать очагом русской культуры и русского языка в Латвии, благо для этого здесь были собраны все

необходимые ресурсы. Спустя год можно сказать, что рижский центр со своей миссией достойно справился. Начали свою деятельность с презентации Русского центра, ведь было важно, чтобы как можно больше людей узнало о его существовании. Первыми, конечно, были студенты. С нынешнего учебного года всех первокурсников академии посвящают в «Студенты Русского центра» с вручением сувениров и фирменных блокнотов от фонда «Русский мир». «Для нас было очень важно привлечь сюда нашу молодежь, – рассказывает Ольга Здебская, на которую возложены обязанности библиотекаря-методиста центра. – Не секрет, что сегодня наши школьники, да и студенты тоже, чудовищно мало знают о русской культуре, истории, литературе. Скажу больше – в этом плане мы их потеряли. Мне, например, сегодня очень тяжело проводить литературную конференцию по творчеству наших соотечественников Валентина Пикуля, Николая Задорнова – молодые их не знают. В лучшем случае спросят: «Это папа сатирика Михаила Задорнова?» А между прочим, преподавателем английского языка у нас работает дочь Николая Задорнова – Людмила Николаевна, с ее помощью мы сейчас как раз готовим вечер памяти ее отца-писателя. Надеемся восполнить пробел в образовании студентов».

За минувший год в Русском центре прошли литературные конференции и книжные выставки, посвященные жизни и творчеству Пушкина, Гоголя, семьи Рерихов. С богатейшим книжным фондом и медиаколлекцией в первый год существования центра удалось познакомить не только студентов БМА, но и учащихся многих других вузов и школ Латвии. Особое внимание при этом обращалось на литературу по русскому языку, культуре русской речи, стилистике русского языка, различные словари. А чтобы первая встреча с Русским миром ребятам лучше запомнилась и стала маленьким праздником, на новичков здесь надевают ярко-красные майки с надписью «Время говорить по-русски!».

Осенью в Балтийской международной академии прошел первый учительский семинар, организованный при поддержке фонда «Русский мир» на тему «Актуальные вопросы преподавания русского языка как иностранного». В семинаре принимали участие и получили сертификаты 130 учителей русского языка из школ Латвии. Лекции чи-

тали московские преподаватели Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Наталья Битехтина и Нина Кирсанова. Некоторые из участников семинара потом приходили в Русский центр со своими учениками и проводили здесь с ними открытые уроки.

Презентацию Русского центра с чаем и пирогами Ольга Здебская провела и для своих коллег-библиотекарей из семи городов Латвии, подготовила обзор литературы по тематическим разделам фонда, рассказала о ближайших планах и мероприятиях. Весьма плодотворным оказалось сотрудничество с руководителем гуманитарного семинара, историком Сергеем Мазуром, координатором проекта фонда «Русский мир» – «Три века русской культуры в Латвии». На базе Русского центра в январе и феврале этого года прошли тематические семинары и научные дискуссии по философии, модернизму и постмодернизму в музыке, русской литературе на постсоветском пространстве. Чтения проходили с участием ведущих ученых – антропологов, политологов, социологов, филологов и музыковедов из России, Франции, Латвии. В гуманитарных семинарах активное участие принимали студенты и представители творческой интеллигенции – историки, писатели, поэты, переводчики, журналисты и молодые политики, работающие в разных структурах и политических организациях Латвии.

По четвергам двери Русского центра открыты специально для представителей старшего поколения, в основном бывших преподавателей рижских вузов. Выйдя на пенсию, они объединились в литературно-исторический клуб «Современник». Вместе отмечают различные календарные даты и события, обсуждают проблемы современности, различные аспекты внутренней и внешней политики Латвии и России. В помещениях рижского центра свои заседания проводят книголюбы, знатоки русской поэзии и литературы, клуб любителей русской словесности, создателем и ведущей которого стала доктор педагогики, профессор, преподаватель БМА Лариса Гайдарова. А в начале марта в Русском центре БМА начал работу клуб «Студенческий мир», инициаторами его создания стали студенты-культурологи.

О планах на будущее журналу «Русский мир.ru» рассказал директор рижского Русского центра профессор БМА Валерий Никифоров: «Недавно я вернулся из Будапешта, где участвовал в семинаре руководителей Русских центров фонда «Русский мир», по всему миру их создано уже более 40. В таком формате нас всех собрали впервые. Акцент делался на совершенствовании образования на русском языке и участии в этом процессе Русских центров. Нас принимали в Будапештском университете, с которым мы сейчас готовим совместный проект по мультикультурным коммуникациям. Прибалтику представлял также профессор Андрей Красноглазов из Эстонии, мы договорились о проведении совместных мероприятий на базе нашей академии. В эти дни фонд «Русский мир» открывает в Латвии еще один Русский центр – в Даугавпилсе, втором городе после Риги по количеству русскоязычного населения. Конечно, мы собираемся работать с ними в тесном контакте, будем дружить центрами».

Алла Березовская

НЕ ДАРОМ ВСПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ

17 МАРТА 2010 ГОДА В ЗДАНИИ МУЗЕЯ-ПАНОРАМЫ «БОРОДИНСКАЯ БИТВА» В МОСКВЕ СОСТОЯЛОСЬ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ПОДГОТОВКЕ К ПРАЗДНОВАНИЮ 200-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА.

В Данном случае за этим «не даром» стоит 2 миллиарда 380 миллионов бюджетных рублей, выделенных государством на ожидаемые в 2012 году празднества. И это – хорошо!

Доселе власти РФ отключали привычный режим экономики только по случаю юбилеев, связанных с Великой Отечественной войной. Например, 300-летие Полтавской виктории в прошлом году праздновали весьма скромно. Что уж говорить о победах Смутного времени, Афганском исходе или поле Куликовом. К слову, в этом году Куликовской битве – 630 лет, дата также совсем не квадратная.

Итак, деньги есть. Опять-таки, в отличие от привычной практики последних 25 лет, есть запас времени. Два с лишним года – это приличный резерв.

Осталось выяснить, что будет сделано за это время и на эти деньги.

По словам председательствовавшего на заседании вице-премьера правительства Александра Жукова, план основных мероприятий уже утвержден и включает в себя строительство при Государственном Историческом музее павильона, в котором разместится постоянно действующая экспозиция. Насколько понял автор этих строк, под павильоном подразумевается здание бывше-

го Музея Ленина. Основу коллекции нового музея будут черпать в запасниках ГИМа. Кроме того, пройдут большие восстановительные работы на Бородинском поле, модернизируется Бородинская панорама.

Об активном участии в празднованиях заявили руководители регионов, в которых по большей части и вершились судьбы страны в 1812 году, – Москвы, Калужской и Смоленской областей. Представителя Московской области среди участников заседания обнаружить не удалось.

Выступавшие высказали ряд интересных соображений. В частности, губернатор Калужской области Анатолий Артамонов заострил вопрос об исторически значимых зданиях и комплексах, переданных в муниципальную или конфессиональную собственность. Закон сегодня запрещает выделять на их нужды бюджетные средства, но как быть тогда с Черноостровским женским монастырем в Малоярославце? Именно он стал центром знаменитой битвы в сентябре 1812 года. Ни силами епархии, ни с помощью благотворителей монастырь не сможет достойно подготовиться к юбилею. Аналогичная ситуация сложилась вокруг локального памятника истории и культуры имения Полотняный Завод, в котором родилась будущая жена Пушкина Наталья Гончарова и где в 1812 году располагался штаб Кутузова. Глава Росохранкультуры Александр Кибовский предложил создать при комиссии Общественный совет, в который вошли бы частные лица, неформальные и благотворительные организации – они и на идеи богаты, и конкретную помочь могут оказать.

Петер фон Гесс.
«Бородинское сражение» (1843).
В центре картины раненый
Багратион, рядом с ним на коне
Коновницын. Вдали виднеется
каре лейб-гвардии

Вице-спикер Государственной думы Светлана Журова напомнила, что ожидающееся событие – не только взрослый праздник. И если мы хотим нести традицию дальше, с новыми поколениями надо говорить на понятном им языке.

Актуальное предложение-пожелание высказал вице-премьер Жуков. Оно было адресовано кинематографу. Александр Дмитриевич напомнил, что к 150-летию победы в войне 1812 года были сделаны такие ленты, как «Гусарская баллада» и «Война и мир». Хорошо бы и сейчас сделать что-нибудь подобное, тем более что есть и время, и материальные возможности. Правда, генеральный директор ВГТРК Олег Добродеев отнесся к этой мысли довольно скептически. И в том числе потому, что не

уверен, что в современном российском кинематографе есть такие, кто мог бы «поднять» подобный проект.

Под занавес встречи прозвучало приглашение высказаться участникам «второго ряда», но слова никто не взял. Сначала это показалось странным, но чуть позже подумалось: если план мероприятий, размер и адреса финансовых влияний определены распоряжением правительства аж 9 ноября 2009 года, то, может быть, время идей и проектов уже миновало. И пришло время что-то делать. Хотя у автора этих строк при чтении «Плана мероприятий» сложилось иное мнение: есть еще о чем подумать, чтобы в 2012 году вспомнила Россия про день Бородина. ●

Михаил Быков

УЧЕНЫЕ-МИГРАНТЫ

МИГРАЦИЯ УЧЕНЫХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ЯВЛЕНИЕ ВПОЛНЕ ЗАКОНОМЕРНОЕ. ПО НЕКОТОРЫМ ОЦЕНКАМ, СЕГОДНЯ В МИРЕ ОКОЛО 3 МИЛЛИОНОВ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ, В ЧИСЛО КОТОРЫХ ВХОДЯТ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ. РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ, РАБОТАЮЩИЕ ЗА РУБЕЖОМ, ТОЖЕ РЕШИЛИ, ЧТО ИМ ПОРА КООРДИНИРОВАТЬСЯ.

12

НОЯБРЯ 2009 ГОДА В ЕЖЕГОДНОМ ПОСЛАНИИ Федеральному Собранию президент Российской Федерации Д.А. Медведев, назвав в качестве перспективной задачи формирование комфортной среды для осуществления в России исследований и разработок мирового уровня, указал на необходимость «привлекать к работе в России наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых, а также предпринимателей, имеющих опыт коммерциализации подготовленных разработок».

По данным Российского НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере, в странах ЕС только за последние пять лет интеллектуальная миграция выросла на 40 процентов. Россия находится лишь в «начале пути» по числу уехавших специалистов. На первом месте Великобритания, которую ежегодно покидают 1 миллион 441 тысяча лиц с высшим образованием (среди них не только ученые). Из Германии уезжают 817 тысяч, а из России чуть более 200 тысяч человек. То есть отъезд ученых на работу за рубеж – это, вопреки расхожему обыкновенному мнению, не исключительно российская проблема.

По данным фонда «Открытая экономика», после 2000 года из России уезжают в основном молодые исследователи и студенты. Едут учиться главным образом в Германию, где сейчас приблизительно 12,5 тысячи студентов из России (в 2001 году их было 800). Получать степень PhD наши молодые ученые предпочитают по большей части в США. В последние годы наблюдается тенденция к переезду российских исследователей в страны Юго-Восточной Азии, где им предлагают вполне конкурентоспособные условия для работы.

За пределами России сформировалась широкая русскоязычная научная диаспора. Анализ, проведенный на основе базы Scopus, показал, что более 50 процентов публикаций российской научной диаспоры идет из США; наиболее цитируемые российские ученые также работают в США – на их долю приходится 44 процента всех ссылок (после 2003 года). Лидируют по индексу цитируемости выпускники МГУ, на втором месте – выпускники МФТИ. А вот на долю русских ученых, работающих в России, приходится всего 10 процентов ссылок.

Задача вовлечения представителей русской научной диаспоры в решение проблем инновационного роста отечественной экономики стала одним из заявленных государственных приоритетов. Министерством образования и науки Российской Федерации разработана и реализуется Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», привлекаются из-за рубежа к международной экспертизе российских научных и инновационных проектов русскоязычные ученые, проводятся международные форумы с участием представителей русскоговорящей научной диаспоры. Дело в том, что многие из них просто не знают об этой программе почти ничего. Хотя об участии в международной экспертизе российских проектов мнение сложилось в целом положительное.

Проводимые с 2008 года по инициативе и при участии Минобрнауки РФ международные конференции и семинары стали той площадкой, где закладываются подходы к разработке системы отношений сотрудничества российского научного сообщества с мировой наукой. Так, 1–3 апреля в Томске пройдет Международная научно-практическая конференция «Развитие научно-технического сотрудничества российских научных и научно-образовательных центров с учеными-соотечественниками, работающими за рубежом». 20–23 мая в Берлине состоится Конгресс соотечественников-выпускников российских вузов, работающих в России и за рубежом. Информация об обоих мероприятиях размещена на сайте «Диалог с русскоязычными учеными» <http://dialog.extech.ru>. ●

Евгений Васильев

РОССИЯ – ЯПОНИЯ: В ОЖИДАНИИ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗА НОВЫЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ДИАЛОГ ЭКСПЕРТОВ-2010» СОСТОЯЛАСЬ 15-16 МАРТА В СТОЛИЧНОМ ОТЕЛЕ «АРАТА ПАРК ХАЙЯТТ». ОРГАНИЗАТОРАМИ КОНФЕРЕНЦИИ ВЫСТУПИЛИ: ФОНД «РУССКИЙ МИР», ФОНД «ЕДИНСТВО ВО ИМЯ РОССИИ», А ТАКЖЕ ВЕДУЩИЙ ЯПОНСКИЙ «МОЗГОВОЙ ЦЕНТР» – НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ «АНПОКЭН».

Э

ТО ТРАДИЦИОННАЯ – 28-Я ПО СЧЕТУ – ВСТРЕЧА экспертов и политиков двух стран, посвященная поискам подходов к нормализации и развитию двусторонних отношений. У истоков форума – а первый раз он состоялся в 1983 году – стоял патриарх отечественной политики Евгений Максимович Примаков, в то время директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук СССР. Кстати, по завершении конференции он принял у себя в Торгово-промышленной палате многочисленную японскую делегацию во главе с со-председателем «АНПОКЭН» Сигэки Хакамадой. Открывая конференцию, глава фондов «Русский мир» и «Единство во имя России» Вячеслав Никонов напомнил о произошедшем в прошлом году «настоящем геополитическом сдвиге» – утрате власти после пятидесяти лет правления Либерально-демократической партией Японии и приходе на политический олимп Демократической партии. Конечно, сказал он, в Москве внимательно наблюдают за дальнейшей траекторией политического процесса в соседнем государстве, размышляют о возможном влиянии этого процесса на двусторонние отношения стран.

Аналогичным образом, сказал Сигэки Хакамада, в Японии внимательно следят за развитием внутриполитической ситуации в России. Кстати, накануне отъезда японского «десанта» на конференцию «За новые российско-японские отношения» в Москву руководителей делегации принял премьер-министр Юкио Хатояма.

Как и раньше, участники конференции затронули самую болезненную тему двусторонних отношений – вопрос «возвращения северных территорий». И как прежде, обе стороны констатировали, что по поводу возвращения Россией Японии четырех южнокурильских остров-

вов существует консенсус как в японском обществе (возвращать все!), так и в российском (не возвращать). Однако, говорилось на конференции, данное противоречие не должно блокировать развитие двусторонних отношений в экономической, культурной и других областях, мешать осмыслианию различных проблем глобального и регионального измерения, с которыми сталкиваются и еще могут столкнуться обе страны. Отсюда и обсуждавшиеся на конференции темы – «Возвращение Китая и японо-российские отношения», «Экономический и финансовый кризис и современный мир». Им были посвящены отдельные заседания.

Но самым оживленным было обсуждение роли культуры в японо-российских отношениях. Посол Японии Масахару Коно с удовлетворением отметил не только тот факт, что за год пребывания его в должности главы дипмиссии в Москве наметился рост товарооборота между двумя странами, но и некоторое оживление культурных связей. В качестве успешного примера он привел совместную постановку Национального театра Японии и Большого театра, которая была успешно осуществлена в прошлом году. Новый японский премьер, отметил посол, преисполнен решимости заключить мирный договор с Россией, а также решить проблему «северных территорий».

Выступивший с докладом, посвященным культурному сотрудничеству, профессор Тамоцу Аоки с сожалением отметил, что в Японии почти незнакомы с современной российской культурой. В стране не демонстрируются российские фильмы, почти не издаются произведения современных российских авторов, а общий объем культурных связей по-прежнему очень мал. Надо предпринять конкретные меры, чтобы активизировать культурные обмены, заявил господин Аоки, который в 90-е годы возглавлял Управление по делам культуры в японском правительстве.

В 50-е и 60-е годы, вспоминал влиятельный политик и политолог Тадамаса Фукиура (председатель совета директоров научно-исследовательского института «Евразия 21»), наблюдался более благоприятный климат в наших отношениях, когда и культурные связи переживали заметное развитие. «Как же воссоздать сходный климат в двусторонних отношениях? Территориальная проблема – вот та косточка, что мешает принимать различные вкусные угощения, которые мы можем приготовить», – уверен Фукиура.

Однако российские участники не согласились с такой точкой зрения, продолжая развивать мысль о том, что различные «вкусные угощения» в любом случае должны готовиться, иначе в двусторонних отношениях никогда не воцарится атмосфера, при которой возможно будет разрешение застарелых проблем. В этом контексте японской стороне было предложено активнее подключаться к реализации задач модернизации экономики и перевода ее на инновационный путь развития. И в этом плане перед сотрудничеством двух стран открываются поистине безграничные горизонты. Конечно, при этом должно будет развиваться и сотрудничество в области добычи и переработки углеводородного

сырья, в котором уже достигнуты важные успехи (пример – проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2»).

Директор департамента международного сотрудничества Торгово-промышленной палаты РФ Сергей Васильев, констатируя достигнутый за последние несколько лет «небывалый размах» экономического и инвестиционного сотрудничества, подчеркнул, что это обстоятельство ведет к укреплению взаимопонимания и взаимного доверия, дает толчок реализации новых культурных проектов.

Недостаточный масштаб культурного сотрудничества между Россией и Японией, заявил в своем докладе Тамоцу Аоки, особенно контрастирует на фоне того большого внимания, которое придается сейчас в Восточной Азии «мягкой силе». Лидерами в продвижении своей «мягкой силы» являются Китай и Южная Корея. Даже Япония по сравнению с ними отстает.

Заместитель председателя Оргкомитета российского фестиваля в Японии, глава общества «Россия – Япония» Игорь Романенко отметил, что среди россиян наблюдается настоящий взрыв интереса к Японии и ее культуре. Причем он проявляется на разных уровнях: от элитарного до бытового, от японских ресторанов до японского ландшафта на дачах, японской кухни дома и т.д. «Культурный бум» Японии в России подкреплен и большим объемом переводов произведений классических и современных японских авторов. В 2003–2008 годах было издано свыше 300 произведений, причем в основном на деньги российских предпринимателей. Только около двух десятков книг было издано на деньги японского правительства. То есть «японская культурная экспансия» в России, считает Романенко, вполне самодостаточна и не нуждается в господдержке.

Выступившие на конференции отмечали и все более широкое распространение японского языка в России.

По оценкам, в настоящее время японский изучают около 5 тысяч россиян (в то время как число изучающих русский в Японии измеряется несколькими сотнями человек). Почти во всех крупнейших городах России в местных университетах появились кафедры японского языка, причем многие изучают японский не обязательно с целью практического применения, а из стремления приобщиться к японской культуре.

Пришло время больших культурных проектов, согласились с мнением докладчиков участники конференции, поддержав призыв Игоря Романенко приложить усилия для того, чтобы XXI век стал «золотым веком» российско-японского культурного сотрудничества».

Увы, сказал Вячеслав Никонов, подводя итоги культурной дискуссии, «в Японии отношение к России очень плохое. Хуже, чем к какой-то другой стране. И такое отношение довольно устойчивое. В российских учебниках ничего плохого о Японии не прочтешь. А вот в Японии, напротив, ничего хорошего о России в учебниках и СМИ не найти. В России идея создания японских культурных центров не отвергается, а вот в Японии все делается с огромным трудом. Я сужу по тому, с каким трудом мы открывали Русские центры в Японии. Пока удалось открыть только один, в городе Хакодате».

В свою очередь, Сигэки Хакамада сообщил, что в Японии, увы, очень мало студентов желает изучать русский язык и культуру России. «Например, – сказал он, – в моем университете мы имеем соглашение с МГУ, и мои студенты ездят на стажировку в Россию, но таких мало, и их круг не расширяется. Предложено было отобрать 30 университетов для развития студенческих обменов с Россией в рамках программы Global 30, однако потом правительство Хатоямы свернуло эту программу по соображениям экономии».

Евгений Верлин

Алла Березовская [Рига]

НИКОЛАЙ «БЕССМЕРТНЫЙ»

Он падал в горящем самолете на землю... одиннадцать раз. И остался в живых.

ВДУШЕ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ИЛЬИНКОВ остался летчиком. В свои 90 с лишним лет он ходит так, будто летает, – стремительно, энергично, целеустремленно. На ходу рассказывает о жизни, о войне. Я едва успеваю за ним. И пытаюсь понять: как это ему удалось? Он должен был погибнуть одиннадцать раз, когда падал в горящем самолете. Он должен ходить с палочкой – ведь в его позвоночнике после войны осталось четыре осколка. А ему хоть бы хны!

...Он смеется над моим удивлением. Но потом соглашается: да, видимо, заговоренный он, другого объяснения нет. Мама за него очень сильно молилась, вот и вымогила защиту своему сыну на Небесах.

Николай Ильинков родился в 1919 году на Смоленщине в бедной крестьянской семье. Через два года погиб отец. Мать осталась с двумя малышами на руках... Тяжело приходилось. В армию Николай попал по комсомольскому набору еще в 1939-м, хотел пойти в моряки, но ростом не вышел...

Девять фронтов

Николай окончил летную школу в Омске и был направлен в авиаполк, который базировался под Ленинградом. Незадолго до войны он виделся с матерью, и она ему показалась: ходила, мол, к гадалке и та предсказала, что если сын ее переживет 1945 год, а затем свое собственное 45-летие, то станет бессмертным. Сражаясь в небе с немецкими истребителями, штурман Ильинков знал: он просто обязан выжить. Чтобы дальше все было как по маслу. А выжить порой было ох как непросто...

Однажды зенитный снаряд разорвался прямо в кабине бомбардировщика. С великим трудом дотянули самолет до земли и почти рухнули на «брюхо». Из самолета его вытаскивали без сознания. Ни-

колая в тот раз спас парашют, осколочные ранения оказались хотя и тяжелыми, но не смертельными. В 1942-м комсорга полка Колю Ильинкова за боевые заслуги наградили орденом Ленина. Награду он получал из рук маршала Мерецкого на Волховском фронте. А вообще, фронтов в его боевой биографии было девять. В их числе и 3-й Белорусский.

«В 1943 году наш 124-й полк – гвардейский Ленинградский Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова бомбардировочный авиационный полк, – с гордостью уточняет Николай Семенович, – базировался под Ельней на аэродроме Ченцово, потом около города Борисово. Мы участвовали в освобождении Белоруссии, в операции «Багратион». В день приходилось по два боевых вылета совершать. Надо

было уничтожать вражеские укрепления, чтобы расчистить путь наземным войскам...».

...Николай увидел, что мотор их «Пешки» (пикирующий бомбардировщик Пе-2) загорелся. Пытаясь сбить пламя, они начали маневрировать в небе, но огонь все разгорался. Значит, надо прыгать с парашютом. Не впервые, но плохо, что внизу-то – сплошь немецкие части. Но ничего не поделаешь: в небе гореть – верная смерть. Весь экипаж – три человека – приземлился в лесу. Вроде все тихо. Но куда двигаться? И тут вдруг мальчишки какие-то деревенские к ним подбегают, в деревне многие видели, как самолет в небе загорелся... Пацаны показали дорогу к речке, чтобы можно было по воде от собак уйти. Летчики так и сделали. Потом еще ночь в лесу

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

прятались, пока наконец не вышли на нейтральную территорию. Тут их и подобрали наши солдаты, помогли добраться до авиаполка. Здесь их уже похоронили, как-никак трое суток прошло. А «покойнички» хоть и обгорелые, обросшие, грязные, но живыми вернулись! Вот уж встреча была радостная!

– Вам, наверное, в виде исключения тут же налили 100 граммов, все-таки столько пришлось пережить?

– Нет, по 100 граммов нам наливали после каждого возвращения из боя, а тут уж нам на радостях выдали аж по 200! – поправил меня ветеран.

Заговоренный

Впрочем, это были не первые и не последние его похороны.

А эта история произошла зимой под Сталинградом. Они успешно отбомбились и возвращались на базу в составе эскадрильи из девяти экипажей. И тут неожиданно «выскочил» немецкий истребитель. Самолет Ильинкова был подбит. Николай увидел, что правый мотор дымит, а из бензобака топливо вытекает.

«Коля, я вижу. Готовься, сейчас сядешься будем. Жестко», – предупредил командир и спикировал на зараженное поле, недалеко от шоссе. Бомбардировщик плюхнулся на землю и... не загорелся, что уже

было большим чудом. Только клубы снега и дыма взметнулись высоко вверх...

Летчики выбрались, счастливые, что в такой передряге живыми остались, давай обниматься, прыгать... А тут вдруг видят со стороны шоссе к ним бегут наши солдаты, что-то кричат, руками машут отчаянно. Сначала ничего не поняли, побежали им навстречу, а те еще громче закричали: «Мины, ми-ин-ны-ы-ы! Ложитесь, сейчас рванет, мать вашу!»

Оказалось, они приземлились на минное поле. Летчики так и застыли в ужасе, даже ногу переставить уже никто не решался. Пришлось ждать саперов из танковой бригады, чтобы те расчистили проход... А в авиаполку их тем временем... правильно, похоронили. Ведь ребята из эскадрильи своими глазами видели, как самолет однополчан рухнул на землю, видели клубы дыма. В полку не просто горевали по безвременно погибшим товарищам, а объявили дополнительный боевой вылет, чтобы отомстить врачу. Отомстили, конечно, но тут как раз «погибшие товарищи» и подоспели... В общем, вскоре комсорг полка стал героической личностью. Про него многие так и говорили: «заговоренный Коля Ильинков, хоть и комсомолец».

За время Великой Отечественной войны Николай Ильинков совершил 126 боевых вылетов, участвовал в 58 воздушных боях, сбил 13 истребителей противника, из них – 8 на его личном счету, а 5 – были уничтожены в групповых боях. Четыре раза летчик Ильинков выбрасывался с парашютом из горящего самолета, одиннадцать раз падал вместе с самолетом. Трижды был ранен, имеет 5 боевых орденов и 22 медали.

Николай Семенович – единственный ветеран войны в Латвии, кто с полковым знаменем своего знаменитого 124-го авиаполка принимал участие в Параде Победы в Москве на Красной площади 24 июня 1945 года, а затем был приглашен на торжественный ужин в Большой Кремлевский дворец в честь Дня Победы.

«Ну вот, вы практически перечислили все, чем я особенно горжусь в свои 90 лет, – улыбается легендарный летчик. – А третья моя гордость состоит в том, что я и сейчас нахожусь в хорошей физической форме. Отметил и 45-летие, как предсказывали, и 90-летие... Дожил до 65-летия нашей Победы! У меня две замечательные дочки, две внучки, две правнучки и один правнук!»

А ведь права оказалась гадалка! ☺

Николай Семенович Ильинков [4-й справа во 2-м ряду] в российском посольстве в Латвии на награждении ветеранов войны медалью к 65-летию Победы

Алексей Уразов

РУССКИЙ ЗАПАС

Подводная лодка С-56 стоит на Корабельной набережной Владивостока на вечном почетном приколе. А когда-то с ее палубы советские подводники видели и тропическую Коста-Рику, и шумный Сан-Франциско, и хмурый Галифакс. Далекие от Европы уголки, где тоже шла мировая война. Было это в декабре 1942 года. До Тегеранской конференции, открывшей Второй фронт союзников, оставалось еще 11 месяцев...

НИКОГДА НЕ ПОДУМАЕШЬ, что Алексею Игнатьевичу Помазану 94 года! В уютной московской квартире нас встречает скромный пенсионер – инженер-проектировщик, создатель легендарной лодки С-56. «Это не наша модель, – уточняет Алексей Игнатьевич. – Это немецкая UB. У наших шпангоуты располагались иначе. Но тоже 84 шпангоута по 700 миллиметров. Кроме 50-го и 51-го, они по 500 миллиметров». Поразительно! Наверное, не каждый человек даже средних лет сможет в деталях рассказать, что он делал десять лет назад. А Алексей Игнатьевич помнит, кажется, все: «Что вы удивляетесь? Ведь у

нас была сталинская дисциплина. Нам из Ленинграда привозили корпуса «эсок», мы их во Владивостоке полностью собирали, и они уже шли на наш Тихоокеанский флот. Перед войной, в 1940-м, мы целую серию таких лодок собрали».

В советском подводном флоте во время Великой Отечественной было немало германского. В 30-е годы Москва и Берлин делились друг с другом некоторыми военными технологиями. В итоге наши лодки среднего класса немногим отличались от «пираний Гитлера». «Мне потом наши подводники рассказывали часто: смотрю в перископ и не понимаю, наши это лодки или не наши. Очертания

корпуса – наши, по звуку – похожа, а через мгновение понимаю, что не наша... Торпеда тогда на полминуты опередила немецкую. Парадоксы политики», – вздыхает Помазан.

«Шел сентябрь 1942 года. Японцы так и не вступили в войну против СССР, а немец как раз поднажал на Севере – топил караваны с ленд-лизом. Тогда командование решило: укрепить Северный флот и перебросить с Тихого океана в Мурманск четыре подлодки, – вспоминает Алексей Игнатьевич. – Как раз те, которые я проектировал, – С-51, С-54, С-55 и С-56. К ним для усиления прикрепили С-15, Л-15 и Л-16». Стrатегический замысел по тем временам рискованный. Ведь речь шла о первом межокеаническом подводном переходе: из Петропавловска-Камчатского через американскую военно-морскую базу Датч-Харбор, Сан-Франциско, Панамский канал, Галифакс, Рейкьявик и, наконец, в Мурманск. И это притом, что «волчьи стаи» подлодок Кригсмарине (Kriegsmarine – так назывались германские военно-морские силы в Третьем рейхе. – Прим. ред.) вели охоту в Мировом океане. «Приказ есть приказ. Но мы, инженеры, стали думать, как выдержат переход лодки. Такой переход – это перепады температуры. Ведь до этого ходили только в Охотском и Японском морях, а тут – через два океана! Надеялись на русский запас». Запас, о котором говорит Алексей Игнатьевич, это как раз детище его инженерной группы. «Двигатели мы ставили самые мощные по тем временам – две тысячи лошадиных сил. Но было у лодок и слабое место – аккумуляторы. Здоровенные такие, как чемодан. Погоняют их немного, а потом надо подзарядку делать. А ведь это только над водой. Опасно».

Набережная Владивостока.
Подводная лодка С-56,
экспонат Мемориального
комплекса «Боевая слава
Тихоокеанского флота»

ИТАР-ТАСС

Умудренный
опытом
морской
волк

РОМАН ШЕПОМЕНЦЕВ

На мушке у самураев

Из порта приписки лодки вышли 5 октября 1942 года. «Операция была сверхсекретная. Матросы только в пути узнали, куда идут лодки. А вот японцы пронюхали, что караван вышел из порта. И начали охоту за «эсками», – рассказывает Помазан. Действия японцев – официально так и не начавших войну против СССР – объяснить легко. «Эски» были новейшими образцами советского подводного флота. Потопление или захват их в плен были мечтой противника. Командиром С-56 был товарищ Алексея Игнатьевича – Григорий Щедрин. Это потом он напишет ставшие библией подводников мемуары «На борту С-56», а в октябре 1942-го его экипаж ждали неизвестность и зловещие глубины океана. На подходе к Первому Курильскому проливу С-56 попадает в шторм. Щедрин решает не сбавлять ход, чтобы быстрее пройти бурю. Но как только лодка проскочила смертельный пролив и вышла в Тихий океан, встал левый двигатель. Вахтенный матрос не уследил за уровнем масла и сжег упорный подшипник. «Что делать? – вспоминает Алексей Помазан. – Пошли на одном правом. Но через несколько минут лопнула труба маслопровода и у правого двигателя. В итоге корабль встал, а ветер начал гнать судно к береговым рифам. А там – или смерть, или

японский плен. В итоге ребята запустили вхолостую левый двигатель, который стал снабжать маслом правый. Так и добрались до Петропавловска, где встали у нашей плавбазы «Север». Из Петропавловска путь лежал через Берингово море к востоку Алеутских островов, на американскую базу Датч-Харбор. Алеутский архипелаг, мимо которого должны были пройти советские лодки, являлся тогда театром боев американцев и японцев. К тому же у подводников не было хороших карт. Лишь одна мелкая генеральная карта Берингова моря и лоция этой же акватории от 1910 года. Во время перехода в 820 милях от Сан-Франциско С-56 была атакована подводной лодкой неизвестного противника. Буквально за 30 секунд она пошла на дно. Никто не спасся. Кто атаковал, до сих пор неизвестно. Немцы? Японцы? А может, и союзники случайно пальнули... Утром 23 октября С-56 и С-51 оказались вблизи острова Амакнак. Из бухты навстречу им вышел крейсер «Индиянаполис». Советские субмарины в сопровождении «американца» прошли ворота гавани военно-морской базы Датч-Харбор.

Задолго до Эльбы

«Когда ребята подошли к берегу, их уже ждала толпа американцев. Только представьте: русские на американской военной базе! Да еще

и на своих подлодках! Языковой барьер преодолели быстро. Выглядело это как потом уже на Эльбе в апреле 1945 года. Вовсю общались. Угощали табаком. На минуту показалось, что и войны-то никакой нет. Щедрин потом рассказывал, что американцы никак не могли поверить, что русские сами могут строить такие лодки, без иностранных инструкторов», – смеется Помазан. На базе моряки узнали, что в связи с гибелью Л-16 американское командование решило отправить наши лодки в Сан-Франциско под охраной двух американских миноносцев. 28 октября лодки вновь вышли в океан. Утром 29-го океан был на редкость спокоен. Вдруг под днищем С-56 раздался глухой удар. Все замерли. Уже потом выяснилось, что это была неразорвавшаяся торпеда. Переход продолжался. Капитан не давал команде расслабляться: то боевую тревогу объявит, то аварийные учения. А моряки сетовали на другое: взяли мало книг. «12 стульев» и «Золотого теленка» зачитали до дыр, книгу «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях» вообще выучили наизусть. Ранним утром 5 ноября на горизонте появился американский берег. Лодки миновали плавучий маяк Сан-Франциско и вошли в залив. Все повторилось, как и в Датч-Харбор: огромная толпа жителей, радушная встреча. Стоянка в Сан-Франциско заняла несколько дней. Здесь на лодках провели текущий ремонт, пополнили запасы топлива и, не забыв о предстоящей тропической жаре, установили ходильники. На прощание 9 ноября командир американской флотилии подводных лодок устроил банкет в честь наших моряков, где командирам советских подлодок вручили нагрудные знаки подводников флота США. Американцы также передали русским карты для предстоящего перехода до военно-морской базы Коко-Соло в Панаме. Наиболее опасным считали участок пути между Сан-Франциско и Сан-Диего, где неоднократно обнаруживали японские подлодки, да и Панамский канал также был зоной активной деятельности вражеских субмариин.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В полдень 12 ноября С-56 и С-51 в сопровождении американского эсминца покинули Сан-Франциско. Две другие «эски» вышли на сутки раньше. Поздним вечером 15 ноября лодки достигли тропика Козерога. Наверное, это были самые трудные дни перехода. Удушающая жара становилась невыносимой, южное солнце не знало пощады. Температура воздуха поднялась до плюс 40 градусов. К раскаленному корпусу лодки невозможно было прикоснуться. Вахтенный на дежурстве выдавали кусочки льда. Но и их не хватало: вода уходила на охлаждение боезапаса, который нагрелся и мог взорваться. Утром 17 ноября у побережья Южной Калифорнии С-56 была атакована неизвестной подводной лодкой. Вахтенный матрос вовремя заметил след торпеды, несущейся прямо в борт кораблю. Щедрин скомандовал: «Оба самый полный!» – и лодка помчалась наперегонки со смертью. Торпеда лишь вспорола кильватерную струю метрах в 50 за кормой. 24 ноября 1942 года подводные лодки оказались у побережья Панамы. «Ребята смеялись! Наши наступают под Сталинградом, а мы тут жаримся в тропиках. За бортом плюс 28, на борту плюс 50! Вахтенных даже темные очки не спасали. Коньонктивит! Страшное дело, в общем! – говорит Помазан. В тот же день около полудня патрульный катер ВМС США встретил в условленной точке наши субмарины, которые направлялись в Панаму. В этом опасном районе подлодки были вынуждены плавать с черепашьей скоростью в 10 узлов: американская посудина

Приказ наркома
ВМФ СССР,
февраль 1945 года

Номер газеты
«Краснофлотец»,
октябрь 1944 года

быстрее идти не могла. К счастью, разразился такой тропический ливень, что в 50 метрах ничего не было видно. Ночью обе группы подлодок встретились. Утро 25 ноября застало их на реке Рио-Гранде – подходном фарватере к каналу, а вечером дивизион дальневосточных субмарин швартовался к пирсу военно-морской базы Кохо-Соло. Здесь на стоянку отводилась неделя – от Владивостока до Панамы корабли прошли 9,4 тысячи миль, дизелям требовалась профилактика. Жара испытывала на прочность и русские подлодки, и их экипажи. На палубе и пирсе, где шли ремонтные работы, натянули тенты, оборудовали души. Но все равно мотористы, работавшие с раскаленным металлом дизелей, нередко обжигали руки. Утром 2 декабря командиры подлодок прибыли в штаб базы, где их ознакомили с обстановкой на маршруте перехода Кохо-Соло – Гуантанамо – Галифакс. Карта Карибского моря и Мексиканского залива была вся испещрена кружками – так обозначались места обнаружения немецких подлодок. Суда, потопленные ими, были нанесены на

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

карту крестиками – их тоже набралось немало. Наших подводников предупредили, что наибольшую активность вражеские субмарины проявляют на широте Нью-Йорка и в окрестностях Ньюфаундленда. На сей раз первыми в путь отправились С-51 и С-56. К полудню все подготовления были завершены, и в 2 часа дня обе советские субмарины вышли в Карибское море. Их встретил штиль, видимость была прекрасной. Здесь подводники увидели затонувшие суда – жертвы немецких субмарин. Пришлось выставить дополнительных наблюдателей и все время идти противолодочным зигзагом. Вечером 4 декабря миновали Ямайку, а на следующий день причалили к пирсу военно-морской базы Гуантанамо. Менее 4 часов понадобилось для того, чтобы получить информацию об обстановке в проливах между Багамскими островами и сменить эскуорт. И вот уже берега Кубы остались позади. Лодки двинулись навстречу новым испытаниям в Атлантике. 6 декабря «эски» вошли в теплое течение Гольфстрима. Вскоре начался шторм. Крен лодки достигал 45 градусов. У С-56 сломалась гидросфера компаса. Лодка шла

«на ощупь». Ураган свирепствовал 10 дней, после чего выяснилось, что лодку отбросило от курса на 60 миль. «К тому же повредило балласт, покорежило корпус, а снарядный погреб затопило. Принять бой в таком состоянии лодка не могла. Как они дошли, до сих пор не понимаю. Благо широта Нью-Йорка была недалеко», – говорит Алексей Помазан.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

До Галифакса было рукой подать. Лодки уже встречали канадские эсминцы. На берегу советским морякам сообщили, что им очень повезло. В том районе, где они шли в направлении Галифакса, охотились «волчьи стаи» немецких подлодок – по 3–6 судов. «Эски» отправили в доки на ремонт, а до 29 декабря, даты, на которую был запланирован выход в море, команда оказалась в гостях у не менее радушных, чем американцы, канадцев. 20 дней на суше пролетели незаметно, и лодки уже легли на курс в Атлантику. Между тем приближался новый, 1943 год. Елки пришлось делать из подручных материалов – проволоки и выкрашенной зеленкой марли. На камбузе коки готовили сюрприз к новогоднему столу, нещадно гоняя всех, пытавшихся раскрыть «военную тайну».

«Подарок» подводникам приготовило и ведомство Геббельса: старшина радиостов Николай Пустовалов доложил Щедрину, что берлинское радио на волне Коминтерна на русском языке сообщило о выходе из Галифакса 5 советских подлодок, 3 из которых потоплены, а остальные «пре-

следуются доблестными морскими силами фюрера». Щедрин запретил ему об этом говорить кому-либо еще. Кстати, за время перехода гитлеровская пропаганда 17 раз объявляла об уничтожении группы «эсок».

«В полночь на мостице раздались звуки рымды. Щедрин по переговорным трубам поздравил команду, обошел все отсеки, поднялся на па-

взяли курс на Шетлендские острова. Уже на следующий день лодки прибыли в Леруик – английскую базу легких сил флота. Стоянка С-55 заняла всего два часа, а через сутки вышла в море и С-56.

Полярные мили

До Полярного оставалось лишь полторы тысячи миль, но расслабляться экипажу С-56 не приходилось: отвратительная погода и опасность встречи с кораблями противника держали в напряжении всю команду. 5 марта пересекли Северный полярный круг, и почти тотчас сигнальщики обнаружили неизвестную подводную лодку. Щедрин объявил боевую тревогу, собираясь атаковать, но в штормовых волнах субмарины потеряли друг друга.

Вновь шторм испытывал на прочность С-56. 6 марта в Норвежском море сломало ограждение кормового руля, которое угодило под гребной винт. Теперь С-56 снова нужен был ремонт. Утром 8 марта на горизонте показался заснеженный каменный мыс Териберский – одна из самых крайних точек СССР. Спустя несколько часов лодка вошла в Кольский залив. Долгое плавание заканчивалось. Стоя на мостице, Щедрин с волнением вглядывался в приближающуюся землю. Ее он ждал долгих семь месяцев. По-разному сложится судьба дальневосточных лодок. Две из них – С-55 и С-54 – погибнут в водах Скандинавии вместе со своими экипажами. Три другие пройдут всю войну, снискав военную удачу и славу. Лодка Щедрина удостоится наименования Краснознаменной и Гвардейской, а сам командир – звания Героя Советского Союза.

Уже после войны С-56 вернется во Владивосток. В 1975 году ее установят на пьедестале вечной славы на Корабельной набережной Владивостока. Она станет символом героизма советских подводников.

За работу над «эсками» Алексей Помазан удостоен 11 медалей. Каждый год 19 марта – в День моряка-подводника – он по-особенному бодр. «Я могу еще пару раз и гантельки потягать, – шутит Алексей Игнатьевич. – Это мой личный русский запас. Я – настоящий краснофлотец». ●

лубу. Это был почти русский Новый год, ведь по курсу С-56 был пролив Дрейка, а дальше Гренландия», – рассказывает Алексей Игнатьевич. Атлантика продолжала неистовствовать. 8 января океан рассвирепел, высота волн порой превышала 18 метров. Трещал корпус лодки, повредило цистерны главного балласта – все они стали пропускать воду, покорежило рули. Но утром 11 января подводники увидели на горизонте очертания Гебридских островов. Субмарина обогнула побережье Северной Шотландии, вышла в Северное море и 12 января в сопровождении британского тральщика прибыла в порт Росайт, где уже стояли С-54 и С-55. Серьезно поврежденным лодкам требовался ремонт. На шотландской базе Дандин русских принимали моряки флотилии подводных лодок, на которых воевали поляки, датчане, голландцы, французы и норвежцы. Подводники из оккупированных стран Европы сражались у берегов Скандинавии, рядом с кораблями Северного флота, куда и шли наши «эски». Двадцать восьмого февраля С-55 и С-56, эскортируемые патруль-ботом «Лох-Мантейн», оставили Росайт и

Любовь Румянцева, фото Замира Усманова

БЛОКАДА – ЕЩЕ НЕ САМОЕ СТРАШНОЕ...

Блокаду Юрий Васильевич Костылев вспоминать не любит. Сразу предупреждает: про блокаду говорить не буду. И точка. Обычно любопытные сразу отстают, видя, как у веселого и говорливого старика при слове «блокада» кривятся губы и по лицу текут слезы.

75 -ЛЕТНИЙ ЮРИЙ КОСТЫЛЕВ и его жена Валентина Александровна живут в Ленинградской области – на берегу реки Тосно, в деревне Перевоз. Первый раз мы приехали к старикам глубокой зимой: стоял 30-градусный мороз, река замерзла, на заваленной снегом дороге буксовали даже внедорожники.

Деревню хоть и присоединили к городу Никольское, все осталось прежним: деревянные дома-развалюхи, удобства на улице, топят дровами. Хотя кое-где землю у местных старожилов уже выкупили расторопные дачники – на этих участках вместо халуп красуются современные коттеджи.

После пожара, в котором пять лет назад сгорел дом, Юрий Васильевич с женой ютятся в утепленном вагонкой сарайчике. Из радостей цивилизации здесь только телефон: провели линию, когда деревню присоединили к городу.

Юрий Васильевич – инвалид. У него нет ног и нескольких пальцев на руках. Он не выходит из дома, поэтому гостей у калитки встречает Валентина Александровна. Она в валенках, ватнике. Прежде чем впустить нас, загоняет в будку не в меру резвого Мальчика – собаку Костылевых.

Обычно Валентина Александровна еще на улице предупреждает новых людей, чтобы те ненароком не испугались, увидев «полчеловека», которым стал ее супруг более 15 лет назад. «До 1994 года Юра был здоровенным мужиком, шофером, – вздыхает женщина. – А потом случилось несчастье, он заболел болезнью Рейно. Стал жаловаться, что немеют пальцы рук и ног. Уж я говорила ему, чтобы сходил к врачу... В итоге началась гангрена. Ноги пришлось отнять полностью, пальцы – частично. Юра теперь беспомощен, все хозяйство на мне. А мне с каждым годом все труднее ходить за ним. У нас раньше была скотина – коровка и козы, все пришлось продать».

После такого «предупреждения» ожидаешь увидеть угрюмого, истерзанного беспомощностью инвалида. Тем сильнее поражает вид Юрия Васильевича, который живо соскаивает со своего топчана на специальную каталку и торопится встретить гостей. Видя нашу растерянность, он тут же берет ситуацию в свои руки и под шуточки да прибауточки начинает рассаживать пришедших. «Да вы садитесь вот здесь, места у нас много-го, всем хватит, – говорит он, обводя рукой

трехметровую комнатушку, в которой помещаются только его топчан, кровать жены и две табуретки. – Видите, как мы живем? Лучше всех, так и напишите».

Валентина Александровна пока расстапливает печку – сарай не предназначался для людского жилья, был построен только в один кирпич толщиной, и даже деревянная внутренняя отделка не спасает от постоянных сквозняков. «Когда температура опускается ниже нуля, мы топим несколько раз в день, – говорит она. – В эту зиму такие морозы, что приходится топить каждые два часа. Хорошо хоть у деда пенсия большая, как у блокадника и ветерана труда, дрова можем покупать».

«Умирать, так вместе!»

Блокаду 5-летний Юра встретил в деревне Овчин на Неве. Деревня оказалась практически на линии фронта. Еще в августе всех детей было решено эвакуировать в более безопасное место. Среди малышей был и Юра Костылев – с узелком необходимых вещей мать посадила его к другим ребятам в телегу. Вспоминая этот момент, обычно смешливый Юрий Васильевич даже спустя семь десятилетий не может сдер-

жать слез, замолкает и лишь машет рукой. «Его мать Клавдия Ивановна рассказывала мне, как это было, — приходит на помощь мужу Валентина Александровна. — Сидят дети в телеге, а Клавдия Ивановна стоит с документами Юры в руках. И тут ее вдруг как осенило: куда ж я сына своего отправляю, одного?! Она буквально выхватила мальчика и скакала в объятиях — умирать, так вместе! Так транспорт и уехал без него».

«И ведь как вышло, — добавляет Костылев. — Мать моя права оказалась. Детей посадили на баржу, повезли через Ладогу. Баржу подбили, она утонула, никто не выжил. И я бы тоже уже давно корюшку кормил». Это был первый раз, когда судьба спасла Костылева от смерти. В итоге семья осталась в Овцине, в кольце блокады, почти на линии фронта. Жили вчетвером — мать со своей сестрой и Юра с двоюродным братом. Как выжили, Юрий Костылев и сам не знает. «Лошадь зарезали, остались голова и копыта. Так и выжили», — коротко говорит он.

Детство — счастливое время, несмотря на блокаду и войну. Потому что ребенок воспринимает происходящее как само собой разумеющееся — даже если случаются совсем страш-

ные вещи, вроде голода, смерти и бомбёжек. И, лишь взрослея, Юрий Васильевич постепенно осознавал и заново переживал свои детские воспоминания. Наверное, поэтому рассказать об этом он может только после рюмки самогона. «Прямо за нашим домом находилось особое отделение, — вспоминает он. — Теперь я понимаю, что это было отделение «Смерш». Я забирался на

чердак и смотрел через щелку, как арестованные солдаты копали сами себе ямы, а потом офицер их расстреливал. Мы тогда не спрашивали, за что своих убивают, и так было ясно — за невыполнение приказов». Эти же офицеры в одну ночь высыпали из Овцина всех этнических немцев: их колония жила вместе с русскими в этом местечке со времен Екатерины II. «Говорили, что одного из них засекли, когда он подавал световые сигналы немецким самолетам, — рассказывает Костылев. — И высыпали сразу всех. Мы тогда не знали куда. Потом, через много лет, в Новой Ладоге на свадьбе случайно встретили одного из наших бывших земляков, он рассказал, что их отправили на реку Лену на лесозаготовки. Многие не выжили».

Дети при любых обстоятельствах умудряются хулиганить и искать приключения. Юра с компанией были заняты постоянным поиском еды. Например, ходили на Неву и вилкой вылавливали в воде «бычков». Хотя подходить к Неве строго запрещалось военными — из-за подводных мин, обстрелов. Один раз ребятам несказанно повезло: их, сидящих на берегу, заметил перевозчик, который как раз вез партию хлеба в овчинский магазин. Он попросил помочь ему перетаскать товар с берега до магазина. За это обещал дать горбушку. «Мы согласились, а когда перевозчик отвернулся, то я незаметно одну буханку бросил в кусты на берегу, — вспоминает Юрий Васильевич. — Когда мы выполнили работу, то тихонько вернулись на место нашего «клада». И набросились на батон — съели его буквально за минуту».

Минута счастливой сытости чуть не стоила пацанам жизни: их голодные желудки не восприняли подобный хлебный «удар». «Нас так согнуло, что мы не могли вздохнуть, — смеется Костылев. — Думали, отдадим Богу душу. Повезло нам, что в бывшем детском садике был изолятор, и сердобольная медсестра сделала нам экстренное промывание желудка». Помимо поиска еды у ребят было еще одно хобби — коллекционирование оружия и пороха. Благо найти ружье, автомат или патроны

в деревне не составляло никакого труда – фронт рядом. Все ценные находки тащили на чердак, устроив там склад. И какое было горе, когда мать, проведав об увлечении сына и племянника, сообщила об оружии соседям – офицерам-чекистам! Те без лишних разговоров забрали все сокровища.

«Как-то старшие ребята нашли влажный порох, – вспоминает Юрий Васильевич. – Я уговорил их отсыпать немного мне. Ребята сказали, что порох надо ссыпать в печку – тогда он загорится «как надо». Я пришел домой. Матери, к несчастью, в избе не было, поэтому я запросто открыл дверцу русской печи и кинул туда весь свой запас. У нас дом был на две семьи, поэтому дымоход и печь были спаренными с соседями. Попыхнуло так, что у соседки из печки вырвались языки пламени. Она кинулась к нам, стучалась в дверь, потом побежала искать мою мать. Когда обе женщины ворвались в комнату, то не сразу нашли меня – все было в дыму, а я с опаленной рожей спрятался под столом. Ну и попало же тогда мне!»

Когда блокаду прорвали, Юре было уже восемь лет. Он видел, как задень до решающего боя мимо деревни к линии фронта шли наши солдаты – каждый тащил на себе фанерную лодку. А на следующий день после прорыва блокады по Неве плыли трупы. Их было так много, что вылавливать не имело смысла – тела запутывались в сетях, сети связывались и катером тащились по реке в Ленинград. Детям тоже нашлась работа: они бродили по берегу и снимали медальоны с тех трупов, которые прибило к берегу. За каждый медальон в отделении «Смерш» давали конфетку. «Смерть была настолько привычной, что мы воспринимали мертвых как обыденную деталь обстановки, – говорит блокадник. – Я помню, как таскал матери воду из Невы. Чтобы набрать воды, мог запросто прошагать по прибившемуся к берегу трупу – как по мосткам. Воду, кстати, пить было нельзя, в ней было слишком много трупного яда. Поэтому выдавались таблетки перекиси водорода для дезинфекции».

Кулибин из Перевоза

Семья Костылевых прошла через военные годы без потерь: мать, тетка, Юра и его двоюродный брат остались живы. Казалось, страшнее блокады в жизни уже ничего быть не может, а, значит, все будет только лучше. Сначала так и было. Юра вырос, отслужил в армии десантником, работал шофером в Якутии. Потом вернулся в родной город, женился. Первый раз неудачно, потом второй – на своей землячке Валентине. Валентина была фельдшером, оказалась справной и несварливой хозяйствой, очень любила посмеяться. Пара переехала жить в деревню Перевоз. «Мы с 1973 года вместе, – смеется старик. – Давно пора на молодую женку менять. А то моя дерется – бьет меня, мне-то ей не ответить...». Пока болезнь не сделала из него инвалида, Костылев работал, что-то изобретал, мастерил, переделывал. Все соседи, раскрыв рты, смотрели на самодельный трактор, который Юрий Васильевич сконструировал. «Как вспашешь им, земля становится как пух. – Мастер до сих пор с удовольствием вспоминает свое изобретение. – Тут раньше на дачах отдыхали все директора институтов, так они прибежали, осматривали, один даже предложил мне в его конструкторское бюро пойти. Но я тогда отказался – специальности-то у меня нет, положение будет шаткое. После этого случая меня прозвали «доцент».

...Болезнь Рейно чуть не убила мастера-шофера. Но и тут – во второй раз – судьба в лице одного районного доктора («Дай Бог ему здоровья», – не устает повторять Валентина Александровна) вытащила Костылева с того света.

Но даже и после болезни Юрий Васильевич не смог сидеть на месте.

Чуть только потеплеет – с кровати прыгает на самодельную каталку («Сделал сам под себя») и за порог – в «Оку» для инвалидов с ручным управлением, выделенную местными властями. Только его Валентина Александровна и видела – колесит по Ленинградской области, ездит в Питер к друзьям. Без машины Костылев себя не мыслит, поэтому каждый год мужественно вступает в бой с медицинскими комиссиями. Те не верят, что инвалид с такими нарушениями может водить машину. «По их правилам, если нет указательных пальцев, то управлять автомобилем я не могу, – размахивает Юрий Васильевич своими культиями. – Но у меня есть один прием. Они мне твердят: «Вы физически не можете управлять транспортом!» А я им в ответ: «Ну, садитесь, я вас прокачу». После этого аргумента обычно даже самые вредные врачи сдаются. Жаль, зимой не могу ездить – кости мерзнут».

Беда за бедой

Страшной болезни оказалось мало. В 2005 году на семью Костылевых свалилось новое несчастье: сгорел их деревянный дом, построенный хозяином своими руками. По версии пожарных, из-за шквального ветра заискрили провода ЛЭП, проходящей рядом с участком. Вопреки нормам безопасности провода соприкасались с ветками дерева, стоящего рядом, – видимо, это и вызвало короткое замыкание. Ветер дул в сторону дома, деревянные постройки загорелись мгновенно. Все произошло глубокой ночью, если бы старики спали, их давно не было бы в живых. Но тут в третий раз вмешалась судьба: супруги засиделись перед телевизором. Когда дом загорелся,

Валентина Александровна только и успела, что взвалить на себя мужа и выбежать на улицу. Спасли лишь немногие документы, все имущество сгорело вместе с домом, в том числе и любимая «Ока». «Я как был без штанов, так и оказался на снегу, – вспоминает ту мартовскую ночь погорелец. – Хорошо, соседи подоспели, пересадили меня на саночки. Но все равно вся кожа облезла».

Первое время мужу с женой пришлось жить в бане – бетонном помещении размером два на два метра. Потом над погорельцами сжалились местные власти – за счет муниципалитета из сарая Костылевых, где раньше держали скотину, сделали более или менее пригодное для жизни жилище. Правда, печку пришлось ставить самим, да и удобства все оказались на улице. Что это значит для безногого инвалида – и так понятно. Продолжалось это пять лет. Старики жили в сарае, пытаясь отсудить у энергетиков компенсацию за сгоревший дом и имущество. Но, столкнувшись с российской судебной системой, Костылевы испили чашу унижения до самого дна. «Нас так мурлыкли, затягивали дело, проводили дополнительные экспертизы, – показывает Юрий Васильевич на гору бумаг, лежащих у него

на кровати. – В суд я явиться не мог – он на третьем этаже, как мне по лестнице подниматься? Мои интересы представлял прокурор Тосненского района. После долгой тяжбы вердикт суда был таков: неисправность линии электропередачи не могла вызвать такого пожара. Мы еще и сами виноваты остались».

Скоро весна

Так всю оставшуюся жизнь старики, наверное, и прожили бы в сарае, но отчаявшимся людям пришла в голову идея написать о своей беде в газету. «Мы только и слышим по радио, что ветеранам у нас везде почет и уважение, – горячится Юрий Васильевич. – А меня и наша районная власть, и суд, и прокуратура пять лет на три буквы посыпали. Глава района ни разу к моей машине не подошел, хотя я его у здания администрации караулил, чтобы объяснить свою ситуацию. Мол, он принимает только в кабинете по приемным часам. А что мне делать, если мне к нему в кабинет на третий этаж не забраться никак?!»

Когда старики приглашали журналистов, они и не верили, что эффект будет мгновенным. Уже через неделю после публикации соседям Костылевых в очередной раз пришлось удив-

ляться: к сгоревшему дому по разбитой дороге в гости к блокадникам приехали сразу четыре иномарки с правительственные номерами. Представители областной и районной власти чувствовали себя неуютно. Во-первых, в тесном сарае им было не разместиться, а во-вторых, Юрий Костылев не скучился на выражения, высказывая все то, что ему не удавалось сказать за пять лет после пожара. «Не нужны мне ваши квартиры и дома, – гремел он, игнорируя просьбы жены: «Юра, перестань!» – Я правду знать хочу! Почему на меня всем наплевать было столько лет?! Вы сейчас для вида наобещаете, а потом ваши секретарши будут меня отфутболивать, эту школу я уже проходил!» Лишь спустя некоторое время чиновникам удалось-таки объяснить старику, что из-за изменений федерального закона семье Костылевых, как нуждающимся в улучшении жилищных условий ветеранам, полагается отдельное жилье – квартира или дом. Сначала новоселье планировали к 2011 году, но под впечатлением от увиденного власти решили, что справедливее будет построить старику новый дом уже к 65-й годовщине Победы.

«Вы знаете, мы даже поверили в то, что действительно нам построят дом, – поделилась радостью Валентина Александровна через месяц после визита районных властей. – К нам уже приезжал подрядчик, утрясли все детали. Одноэтажный дом построят по современной финской технологии, там будут все удобства с горячим душем и туалетом, погреб для моих запасов на зиму, гараж для Юриной новой «Оки». Все соседи нас поздравляют, радуются за то, что мы со стариком наконец-то заживем по-человечески».

…Валентина Александровна обязательно провожает всех гостей до калитки. И всегда машет рукой на прощание, пока посетители уходят вдоль реки. Потом разворачивается и, по-стариковски ковыляя в валенках, идет в дом: следить за хозяйством, ухаживать за своим инвалидом-мужем, а в свободное время – мечтать о новоселье. И ждать, когда растают сугробы и придет долгожданная весна.

Алла Березовская [Рига]

ТАЙНА «БОСТОНА» А-20

Летом 2008 года два друга-аквалангиста, Алексей Кравчук и Андрис Вилкс, нашли на дне Рижского залива у рыбацкого поселка Вецаки обломки самолета. На счету молодых дайверов уже было три затонувших корабля, но самолет попался впервые. О находке они рассказали известному исследователю истории балтийских фортификационных сооружений, автору книг по военной истории, авиационному инженеру по образованию Юрию Мелконову.

ЕМУ ПОНАДОБИЛОСЬ ДВА года, чтобы в мельчайших подробностях восстановить историю гибели советского самолета. Довольно быстро удалось выяснить, что это – останки американского бомбардировщика «Бостон» А-20, которые во время Великой Отечественной войны поставлялись в СССР из США по ленд-лизу. На Балтийском флоте «американцы» состояли на вооружении 51-го и 1-го гвардейских минно-торпедных полков. Помимо приборов водолазы извлекли из кабины пилота рычаг управления двигателем. Все ручки левого двигателя стояли в положении «полный газ», а рычаги правого находились в положении «закрыто». Это означало, что пилот бомбардировщика был жив до момента падения и летел на одном моторе, управляя горящей машиной. При приводнении центроплан самолета не разрушился, значит, летчику удалось совершить посадку на воду. Чтобы это сделать, надо быть не просто хорошим пилотом, а летчиком от Бога!

Но кто он был – этот ас? Помимо командира на бомбардировщике такого класса должно было быть еще два члена экипажа. Удалось ли им спастись? Юрий Мелконов начал искать ответы на эти и другие вопросы. Предстояло самым тщательным образом изучить каждую деталь. Ведь иногда и простая пуговица может стать ниточкой, потянув за которую можно развязать даже самый запутанный морской узел.

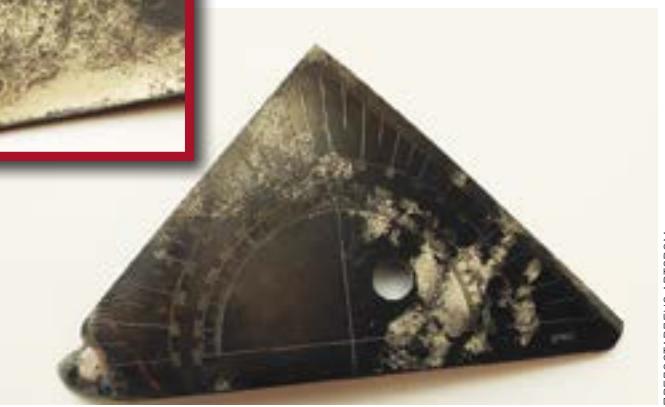

Штурманский треугольник-транспортир. Внизу – буквы «ЛПВ»

В истории с рижским «Бостоном» таких ниточек было несколько. Во-первых, маленький треугольник-транспортир, на одном краешке которого с большим трудом удалось восстановить маркировку: «1940 г.», а на втором – нацарапанные буквы «ЛПВ». Во-вторых, в обгоревшей кабине был найден планшет с картами, пустая почтовая карточка и обертка от шоколадной плитки с надписью «Ленинградская шоколадная фабрика». Лучший в Латвии реставратор старинных документов Ария Убарсте несколько месяцев расшифровывала карту полета. Удалось установить маршрут «Бостона» – он начался в районе Ленинграда, а самой дальней точкой полета, судя по отметкам на карте, был маяк Ужава на побережье Курляндии.

В списках советского 51-го авиаполка не оказалось летчика с инициалами ЛПВ. В поисках обладателя инициалов Юрий Мелконов связался с историками флота и авиации разных стран. Сообщения приходили с Украины, из России, Германии, Финляндии, США. Но увы... Тогда Юрий рассказал о своих поисках на одном из исторических сайтов в Интернете и попросил совета у бывших и нынешних военных летчиков.

Первый ответ пришел из латвийского городка Ниды. Проживающий здесь Вадим Бухарин сообщил, что в книге М. Львова «Пароль – Балтика» упоминается экипаж «Бостона», который не вернулся с боевого задания 27 ноября 1943 года. Управлял бомбардировщиком капитан 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка Летуновский Петр Васильевич. Он числился пропавшим без вести...

Ас из Летуновки

Из посольства России в Латвии пришел ответ на запрос Юрия Мелконова, из которого следовало, что гвардии капитан Петр Васильевич Летуновский родился в 1918 году в селе Летуновка Никифоровского района Тамбовской области. Что ж, может быть, земляки на Тамбовщине что-то знают о судьбе пропавшего летчика? По просьбе рижанина его рассказ о находке самолета в Рижском заливе напечатали в феврале 2009 года в никифоровской район-

сте 1942 года. Через полгода – второй орден Красного Знамени, за участие в прорыве блокады Ленинграда. К тому времени он совершил 272 боевых вылета. Еще через полгода, 3 июня 1943 года, как сказано в Указе, «за уничтожение фашистского тральщика, трех транспортов, груженных боевой техникой, бронепоезда, самолета и разрушение ряда важных промышленных объектов» старший лейтенант из поселка Летуновка был награжден третьим орденом Красного Знамени. 6 ноября 1943 года, за три недели до

своего рокового полета над Балтикой, экипаж гвардии капитана Летуновского заработал для своего командира четвертый орден Красного Знамени. У его штурмана Николая Демченко это был третий орден, а у стрелка-радиста Алексея Кузьмина – первый. Вручал награды лично командующий Балтийским флотом вице-адмирал В.Ф. Трибуц. Петру Летуновскому было тогда 25 лет...

Из их легендарного летного экипажа до Победы дошел только Алексей Кузьмин. Он умер в начале 80-х в Нижнем Новгороде, но оставил свои воспоминания. В том числе и рассказ о гибели «Бостона».

Как это было

На рассвете 27 ноября 1943 года с ленинградского аэродрома Каменка «Бостон» А-20 вылетел в свой последний полет. Бомбардировщик должен был найти и уничтожить суда противника в Ирбенском проливе. Сначала летели над Финским заливом, затем – над материковой частью Эстонии, вышли в Рижский залив и приступили к поиску вражеских кораблей. Но лишь в самой конечной точке маршрута «Бостон» увидел необычный одинокий транспорт, малым ходом двигавшийся вдоль берега. Ничего похожего раньше им встречать не приходилось. Это была плавучая батарея «Роберт Мюллер», предназначенная для противовоздушной обороны военных конвоев, о чем нашим летчикам рассказывали на инструктаже авиаполка. Его огневая мощь равнялась трем сторожевикам... Командир принимает решение – атаковать!

Одна из торпед угодила по плавбатарее. И тут же в ответ с «Роберта Мюллера» грохнули зенитные пушки. Летуновский открыл огонь из двух носовых пулеметов «Браунинг» 50-го калибра. Но и «Бостону» здорово досталось: задымили оба мотора... «Задание выполнили. Транспорт потоплен. Горим, падаем», – радиировал на базу Кузьмин. Самолет погрузился в воду и быстро ушел на дно. Летчики успели натянуть желтые спасжилеты и выбраться из кабины. А вот надувную лодку вытащить не удалось. Николай Демченко был ранен в голову, едва держался на плаву.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Командир экипажа гвардии капитан
Петр Васильевич Летуновский

Стрелок-радист гвардии старший сержант
Алексей Ананьевич Кузьмин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Штурман гвардии старший лейтенант
Николай Иванович Демченко

ной газете «Знамя». И вскоре появились отклики от читателей, а затем нашлись и родственники Петра Летуновского. В школе на родине героя есть стенд, посвященный летчику. По имеющейся здесь информации, все трое членов экипажа выжили в тот роковой полет, но попали в плен, где двое из них и погибли...

Так, по переписке они и познакомились – автор статьи и Жанна Алексеевна Брусник, племянница погибшего летчика Летуновского. Она давно уже занималась поисками двоюродного брата своей матери. Знала, что после окончания сельхозтехникума по спецнабору его отправили на срочную учебу в военную школу летчиков. Через год началась война...

Свой первый орден Боевого Красного Знамени Летуновский получил в авгу-

Конец ноября на Балтике, вода в море ледяная. До берега не менее 10 километров. Жить летчикам оставалось от силы минут двадцать...

В воспоминаниях Кузьмина говорилось о латышских рыбаках, пришедших им на помощь.

Юрий Мелконов, изучив место падения самолета, прикинул, что это могли быть только жители близлежащего рыбакского поселка Вецаки. После войны здесь был создан рыболовецкий колхоз «9 Мая». При содействии бывшего директора колхозного музея истории и рыболовства, Владислава Букловского, Юрию удалось почти полностью реконструировать события 27 ноября 1943 года.

...В тот день хозяин рыбачьей лодки Георг Иннус с утра был в плохом настроении. Было холодно и сырое, но надо было идти в море, менять сети. На лодке пошли впятером – Георг, Микелис, Давид, Ян Эдуард, Мартынш. У всех рыбаков была одна фамилия – Иннус.

Иннусы – древний ливский род, рыбачили на Даугаве и в Рижском заливе еще много веков назад. Георг и Микелис – старые приятели, служили в русской армии в Первую мировую. Георг служил в составе Латышского стрелкового полка, Микелис – в Волынском стрелковом полку. Георг был красный латышский стрелок, его полк охранял Смольный, потом Кремль, приходилось стоять на посту и у квартиры Ленина.

Из Вецдаугавы (Старая Даугава) вышли засветло. Вдали над заливом в небе кружило пять-шесть немецких самолетов, а на рейде стоял фашистский боевой корабль. С западной стороны появился еще один самолет. Большой, двухмоторный, он летел низко над водой, дымил и терял высоту. Наконец он снизился прямо к волнам и, поднимая тучу брызг, плавно сел на воду. Через минуту-другую самолет исчез с поверхности моря. Точка приво-

Лето 2008 года. Юрий Мелконов (справа) с рижскими водолазами Алексеем Кравчуком (слева) и Андрисом Вилксом, в его руках – поднятый со дна Рижского залива рычаг управления двигателем из кабины летчика «Бостона» А-20

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

днения была километрах в двух от сетей Иннусов. «Надо посмотреть, может, летчики успели вылезти», – сказал Георг и повернул руль в сторону упавшего самолета.

Через километр рыбаки уже ясно видели желтое пятно в море, а когда подошли ближе, разглядели трех человек в спасательных жилетах. Они махали руками и кричали: «Спасите нас! Не бойтесь – мы советские летчики!» Закон рыбака: увидел человека в море – спасай! Рыбаки кинули в море веревочные концы и затащили всех троих в лодку. Летчики были совсем закоченевшие. «Откуда же вы прилетели?» – поинтересовался один из рыбаков. «Из Ленинграда», – подумав, ответил старший летчик. «А немцы говорят, что Ленинград они давно взяли и Москву тоже», – удивился Георг. «Не взяли они Ленинград и никогда не возьмут, и Москву они не взяли». «Можете высадить нас на берег, как стемнеет? Не передавайте нас немцам», – обратился к Георгу Петр Летуновский.

Георг Иннус помолчал, посмотрел в море и ответил: «Весь берег Мангалсалы, перед которым мы находимся, – военная зона. От устья реки Гауя до устья Дауны на протяжении 17 километров у немцев наблюдательные посты. На старых русских береговых батареях немцы устроили склады снарядов. Охрана там, патрули с собаками... И вообще,

куда вы пойдете мокрые, с раненым в холодную ночь? Местные жители обязаны сообщать властям о советских военнопленных и евреях, есть специальный приказ комендатуры. За ослушание и укрывательство расстрелят, дом заберут, а семью в лагерь Саласпилс. Как можно сохранить вас в тайне? По возвращении с рыбной ловли мы должны прийти на контрольный пункт и предъявить немцам лодку и все, что в ней есть. Да и падение вашего самолета немцы видели с берега...»

Георг задумался, еще раз посмотрел на небо и море. Ветер крепчал, волна усиливалась, накралывал дождь, надо было решать: «Вот что, ребята, я вам посоветую. Снимайте-ка вы свои погоны, доставайте документы и все это в воду. Путь у нас может быть только один – к причалу на контрольном пункте. И ордена снимите. Такие, как у вас ордена, просто так не дают. Поймут немцы, сколько вы их солдат побили, могут со злости и к стенке поставить. Эти германские повадки я еще по Первой мировой помню – если брали в плен солдата с Георгиевским крестом, могли враз и кончить».

Летчики пошептались между собой и принялись снимать погоны, вынимать все из карманов. Демченко снял с себя планшетку с картой полета. Летуновский стал откручивать ордена. Вещи завернули в кусок па-

русины, обмотали веревкой, срезали с сетей камень-груз и привязали к свертку. Пакет полетел за борт. Рыбаки накинули на мокрых летчиков свои брезентовые робы, поделились табаком.

Drei russischen Flieger!

Контрольный пункт находился на левом берегу Даугавы, у Даугавгривского маяка. К причалу подошли тихо. На пирсе одиноко торчал часовой. Лодку пришвартовали, и один из рыбаков по-немецки объяснил часовому, что у них на борту три русских летчика. Часовой ошарашенно посмотрел на русских, переспросил: «Drei russischen Flieger?» Из караула прибежало человек десять застанных солдат, и пленных повели в караульное помещение,

армию. Затем, как неподдающихся, бросили в концлагерь для летного состава в городе Лодзь, в Польше, разделили по разным блокам. Петр и Николай попали в офицерский, Алексей Кузьмин – в сержантский, из которого позже его увезли в лагерь для военнопленных в Германии. Больше с Летуновским и Демченко он не встречался...

По рассказам офицеров, которые были в плену вместе с нашими летчиками, известно, что Петр Летуновский и Николай Демченко совершили четыре попытки побега из лагеря. Ни одна не удалась. После четвертого побега немцы предупредили Петра: еще раз убежишишь, тебе конец. Но они все-таки рискнули. Их выдали местные поляки, к которым беглецы обратились за

Поиски продолжаются

Восстановив по крупицам все детали этой давней истории, рижский историк и публицист Юрий Мелконов написал книгу «Рижский Бостон», изданную в прошлом году в Сургуте при содействии племянницы Петра Летуновского Жанны Бруслук. А в феврале 2010 года в Латвии эта книга была издана на латышском языке. На ее презентацию в Ригу приезжала Жанна Алексеевна, она поблагодарила всех, кто принимал участие в поисках самолета ее погибшего дяди и расследовании его последнего полета.

Гости из Сургута вместе с Юрием Мелконовым побывала и в маленьком рыбакском поселке, где по сей день живут дети и внуки большого семейства Иннус. На пороге своего дома Жанну Алексеевну встретил Петерис, сын Мартины Иннуса. После того как забрали отца, Петерис с девяти лет начал ходить в море, помогал рыбакам и получал за это полведра салаки. Нужно было помогать матери Эмме кормить четверых детей, оставшихся без отца. Потом колхоз отправил его учиться в морскую школу. Петерис ходил в море на рыболовецких судах, был капитаном рыболовного траулера... Слушая его рассказ, она незаметно вытирала набегающие на глаза слезы. Помянули по-русски всех погибших в те суровые годы. Пожелали детям счастливого будущего, без войн и крушений...

Недавно Юрий Мелконов был удостоен журналистской награды посольства России в Латвии «Янтарное перо-2009». «Я думаю, эта книга важна не только для русских читателей, но и для латышей – это ведь наша общая история, мы не должны забывать ее. Это наш человеческий и христианский долг», – сказал Юрий Мелконов журналу «Русский мир.ру». – А мы продолжаем поиски, сейчас вот связались с архивами Польши и Германии, ищем материалы о пребывании Петра Летуновского в плену. По итогам нашего расследования, собираемся подавать документы по представлению бесстрашного летчика к званию Героя. Он по праву его заслужил, пусть и посмертно». ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

За книгу «Рижский Бостон» ее автору была вручена премия «Янтарное перо-2009»

прихватив с собой рыбаков для объяснений. Пленных переодели в сухую одежду, выдали им солдатские рабочие комбинезоны. Пришел немец с санитарной сумкой, перевязал раненого. Солдат принес термос с едой, пленников накормили.

Вскоре к пирсу подошел военный катер, русских повели на корабль. Летуновский задержался и, обращаясь к Георгу, сказал: «Спасибо, отец, что вытащил нас и жизнь спас». «Чем мог, помог. Держитесь!» – успел ответить Георг.

Советских летчиков привезли в Ригу, потом отправили в Псков. Здесь их пару недель продержали в лагере вербовки во власовскую

помощью. Как погиб Демченко, неизвестно, а Петра, избитого и истерзанного собаками, приволокли в лагерь и прилюдно расстреляли... Латышские рыбаки Иннусы за то, что передали русских летчиков немцам, были арестованы сотрудниками «Смерша» в феврале 1945 года как «пособники гитлеровских оккупантов» и приговорены к 10 годам лагерей. Все пятеро отбыли срок от звонка до звонка – кто на Севере, кто в Сибири. После возвращения из ссылки в Латвию продолжали ловить рыбу, работая в рыболовецком колхозе «9 Мая». Были реабилитированы в 1956 году. Сегодня никого из них уже нет в живых...

Вячеслав Никонов,
исполнительный директор фонда «Русский мир»

ЦЕНТРАЛЬНО-АМЕРИКАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Визит министра иностранных дел Сергея Лаврова в четыре страны Центральной Америки – Кубу, Никарагуа, Гватемалу и Мексику – был расценен российскими СМИ как «возвращение России» в этот регион земного шара. Впервые посетив его – по одному маршруту с министром, – пришел к выводу (заметки на новеньком), что не все так однозначно. В чем-то тезис о «возвращении» бесспорен: впервые после раз渲ала СССР наша страна здимо заявила там о себе, чем вызвала положительные эмоции. Встречали везде хорошо. Заслуга отечественной дипломатии очевидна. Но, с другой стороны, тезис этот не вполне корректен: кое-где нас никогда и не было, а в иные места возвращаться либо некуда, либо надо это делать более решительно.

В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА у нас было абсолютное присутствие на Кубе. СССР обеспечивал военно-политическое прикрытие этого основного антиамериканского и социалистического форпоста в Западном полушарии, создавал промышленность и инфраструктуру, снабжал энергоносителями и всем необходимым – в день разгружалось по пять наших судов. Российская Федерация, отказавшись от антиамериканизма, ушла почти одномоментно, что напоминало бегство. Куба

осталась один на один со своими проблемами и с жесткой блокадой со стороны США, от которых ее отделяют 80 миль. Последовала экономическая разруха, не преодоленная до сих пор. Энергоснабжение – и то далеко не везде – удалось восстановить лишь пару лет назад с помощью Венесуэлы. Бедность очевидная: средняя зарплата около 10 долларов в месяц, цена пары бутылок рома. Спасают бесплатные обеды на работе да слегка пробивающийся частный сектор, связанный прежде всего с обслуживанием туристов.

Министр иностранных дел РФ
Сергей Лавров и исполнительный
директор фонда «Русский мир»
Вячеслав Никонов открывают Кабинет
Русского мира для Мексиканской
ассоциации преподавателей русского языка
в Национальном политехническом институте
(Мехико)

Кубинское руководство ищет любые доступные в условиях блокады источники средств и находит их. Туристическим сектором занялась Испания, развивающая сеть первоклассных курортов, например на белоснежных пляжах в Варадеро. В его аэропорту приземляются десятки авиарейсов – в основном из Канады и Европы, наших нет. Число туристов превысило 2 миллиона в год, большинство – канадцы, россиян – около 30 тысяч. Построенные и брошенные нами никелевые предприятия сейчас в канадской собственности. Над созданными СССР нефтяными производствами развеваются китайские флаги. Автомобильный парк, состоящий в основном из американских лимузинов 1950-х годов и проржавевших «москвичей» (их называют «московичи» и очень уважают) и «жигулей» классических серий, сейчас активно пополняется китайскими и японскими моделями. Единственная немаловажная ниша, занятая Россией, – самолеты гражданской авиации, которые больше никто Гаване не продает. На Кубе нас ждут и даже не очень сильно на Россию обзываются. Но вот только возвращаться почти некуда, все, что мы бросили, уже принадлежит другим. В Никарагуа советское присутствие заключалось в поддержке сандинистов Даниэля Ортеги при приходе к власти и материальной помощи – после. Когда перестали их поддерживать, сандинисты выборы проиграли. Но недавно вновь и без нашей помощи вернулись к власти, получив в свои руки хозяйство незавидное. Средний уровень жизни в капиталистической Никарагуа повышен, чем на Кубе, но бьющей в глаза нищеты и разрухи – тоже гораздо больше. Столица Манагуа была почти полностью разрушена землетрясением – устояли только постро-

Варадеро, Куба

Сергей Лавров и Вячеслав Никонов на открытии Кабинета Русского мира в школе-интернате детского приюта православного монастыря Животворящей Троицы в Гватемале

PHOTAS/ALAMY

енные американцами гостиница и банк – в 1972 году и с тех пор не восстановлена. Миллионный город состоит по преимуществу из одноэтажных построек ангарно-барачного стиля (говорят, внутри многих из них очень даже ничего, есть и районы вилл), мусор в обилии свален по обочинам. Преступность зашкаливает, большинство населения вооружено. Даже при прогулке по центральной площади, где стоят развалины кафедрального собора, не избежать небесплатной опеки со стороны человека с помповым ружьем, лениво отгоняющего от тебя попрошайек и карманников. Никарагуа, ставшая первым после России государством, признавшим независимость Южной Осетии и Абхазии, нуждается в большой внешней помощи и рассчитывает на нее. Но готовы ли мы ее оказать? В Гватемале, которая рассматривалась как лояльный сторонник США, мы раньше вообще не присутствова-

PHOTAS/ALAMY

Кафедральный собор в Гватемале

ли. Даже посол появился лишь три года назад. Именно в Гватемале, с участием Владимира Путина состоялось решение о проведении в 2014 году зимней Олимпиады в Сочи, что придало импульс двусторонним отношениям. Страна интересная – один из лидеров Центральной Америки, этнически наиболее однородное население, гордящееся своим происхождением от цивилизации майя. Гватемала-сити похож на столичный город, хотя, как и почти везде в регионе (за исключением Кубы), место больших контрастов и высо-

кой преступности. Приход России, о которой почти ничего не знает даже элита, восприняли со сдержаным интересом: пока не вполне понимают, что мы можем предложить. В Мексике с ее 108-миллионным населением и с ВВП в районе 1 триллиона долларов уровень жизни где-то вдвое ниже нашего, при этом до 40 процентов населения неграмотны и имеют доходы ниже прожиточного уровня. Российские позиции более заметны. Мы продавали ей вертолеты и сторожевые корабли, сотрудничаем в рамках «Большой двадцатки»

PHOTOS/ALAMY

Столица Мексики
Мехико

На церемонии
открытия Кабинета
Русского мира
в Национальном
политехническом
институте

и Совета Безопасности ООН, где Мексика сейчас располагает статусом непостоянного члена. Однако страна смотрит на север, а не через Атлантический океан. В Соединенных Штатах находится 50 мексиканских консульств – мировой рекорд для любой пары стран, – что отражает число эмигрантов, для защиты от наплыва которых Вашингтон строит пограничную стену. А к югу от этой границы американцы помогают мекси-

канской армии, ведущей неравные боевые действия с превосходящими силами наркокартелей. В современном мире многое зависит от культурного влияния, от распространения языка, диаспоральной организованности. В СССР и России училось много студентов из Латинской Америки. Сейчас по-прежнему существуют небольшие квоты на бесплатное обучение, но, как правило, они не выбираются. У потенциальных stu-

дентов нет денег на билеты, предлагаемые им стипендии не покрывают затрат на проживание в России, знание русского языка низкое. В некоторых странах его не преподают вовсе – ни в одной школе, ни в одном вузе. Центр фонда «Русский мир», создаваемый в Центральноамериканском университете Манагуа, стал первым местом, где можно учить русский язык в столь дружественной нам Никарагуа. Кабинет фонда в детском приюте при монастыре Животворящей Троицы, который содержит православная подвижница мать Инесс, стал первым местом, где учат русский в Гватемале. Преподаватели – поддержанные нами соотечественники и преподаватели из России: своих-то нет вообще. На Кубе преподаватели есть, однако и там русский язык за последние двадцать лет свои позиции сильно сдал. До сих пор каждый десятый кубинец скажет несколько слов по-русски, но это число сокращается. Чаще общаются с вами по-английски. 19-я Международная книжная ярмарка в Гаване, где Россия в этом году стала почетным гостем, открытие нами Русского центра в Национальной библиотеке им. Хосе

PHOTAS/ALAMY

Марти стали заметными и долгоожданными событиями в культурной жизни, но они не способны компенсировать уже понесенные потери. Соотечественники начинают организовываться, однако у них до сих пор нет юридического статуса. В Мексике почти 15-тысячная русскоязычная диаспора, до 5 тысяч выпускников наших вузов, Мексиканская ассоциация преподавателей русского языка и литературы включает представителей 26 вузов. При этом число студентов-русистов не велико, а соотечественники, как это часто бывает, не могут договориться друг с другом. Надеюсь, хоть немного поможет Русский центр, который мы запустили на базе столичного Политехнического института с его 180 тысячами студентов.

Играть более активную роль в Центральной, шире – Латинской, Америке Россия в состоянии. Однако это требует серьезных инвестиций – как государственных, так и частных. Тем более что там весьма активны и другие страны, прежде всего континентальный гигант – США. Можно услышать много нехестных слов в адрес «гринго», но

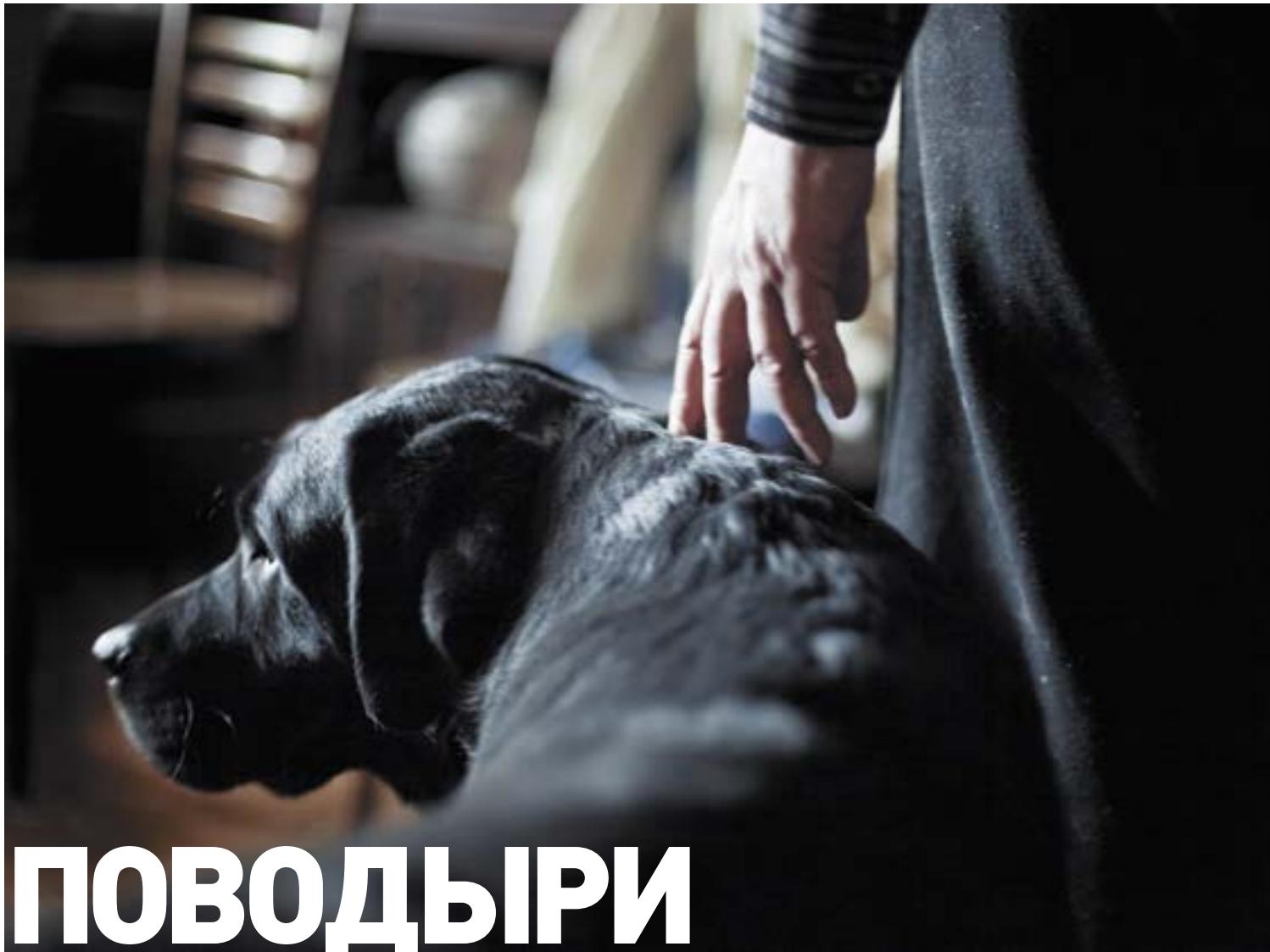
Кафедральный собор в Манагуа, Никарагуа

В Кабинете
Русского мира
в Национальном
политехническом
институте

Америку явно уважают, инвестиции и помощь в борьбе с наркомафией приветствуют. Даже кубинцы зависят от денег, присыпаемых их родственниками из Соединенных Штатов. Налицо и растущая роль Китая, который в период экономического кризиса выделил 56 миллиардов долларов на покупку дешевеющих промышленных активов по всему миру. Роль России как инвестора пока минимальна, бизнес

наш в малоизвестную Латинскую Америку идет крайне неохотно, а анонсированные еще три года назад государственные программы предоставления помощи для целей развития остаются на бумаге. «Возвращение» или первое пришествие, основанные лишь на прежних симпатиях либо на отсутствии антипатий, при всех дипломатических успехах вряд ли могут быть слишком масштабными. ☀

ПОВОДЫРИ

Оксана Прилепина, фото Антона Беркасова

Трудное это дело – подобрать каждую пару. Здесь почти все как в браке. Нужно, чтобы совпали темпераменты, характеры, общий уровень развития, психологическая зрелость. Только тогда можно считать, что пара – собака-поводырь и человек – сложилась.

«ЖЕНЩИНЕ В ВОЗРАСТЕ ПОНАДОБИТСЯ НЕКРУПНАЯ УРАВновешенная собака, – объясняет на пальцах сложную алгебру совместимости директор учебно-кинологического центра Елена Орочко. – Молодому парню подойдет энергичная, молодая собака. Нужно учесть маршруты, по которым будет ходить наша пара, – простыми они будут или сложными? Когда мы учтем все нюансы и перейдем к знакомству, следует убедиться, нет ли ошибки, насколько у человека это решение зрелое. Ведь собаку-поводыря большинство людей воспринимают как безгрешное сверхъестественное создание, которое куда надо отведет да еще кофе утром сварит».

Восемь энтузиастов

История эта началась в тот момент, когда после дефолта 1998 года, на волне кризиса, в подмосковной Купавне закрылась единственная в России школа собак-поводырей при Обществе слепых. Уникальные специалисты-дрессировщики с огромным стажем работы, готовившие по 130 собак в год, заявили руководству, что готовы работать «до лучших времен» бесплатно, но... В итоге все закончилось заявлениями «по собственному желанию».

«Мы энтузиасты своего дела. Мы всегда неформально относились к работе, старались, чтобы направление развивалось. Надо понимать, что собаководство в России лишь недавно приобрело относительно культурную форму, – рассказывает Елена Орочко. – Когда я пришла работать в Купавну – а это было очень престижное, приличное место для дрессировщика, – нас окрестные

жители называли не иначе как «собачником». Было за что: запахи, условия, люди в ватниках. Но как мы не хотели оттуда увольняться! В общем, на совести дружного принципиального коллектива тяжким грузом лежал уникальный опыт работы с собаками и незрячими людьми. И тогда мы решили любимого дела не бросать».

В итоге восемь упорных и опытных дрессировщиков создали некоммерческую организацию «Собаки – помощники инвалидов». Как и прежде, они занимаются любимым делом – воспитывают собак-поводырей и готовят будущие кадры.

Первые четыре года работали практически стихийно. Случайным образом находились подходящие лабрадоры и голден ретриверы – именно эти собаки демонстрируют лучшие качества для поводырей. Кто-то дарил щенков, кто-то отка-

зывался от взрослой собаки. Так же случайно находились волонтеры, которые соглашались взять животных на временное содержание. Естественно, не всегда одновременно находились и собаки, и волонтеры. А ведь нужно еще работать с незрячими людьми, обучая их обращению с подготовленной собакой-поводырем...

Из-за отсутствия помещения, нехватки денег и избытка проблем дрессировщикам удавалось подготовить не более двух-трех собак в год. Чтобы дело окончательно не развалилось, Елена Орочко зарегистрировала в 2003 году учебно-кинологический центр «Собаки – помощники инвалидов». Ведь юридическое лицо может, по крайней мере, спонсоров привлекать.

«Коммерческую деятельность мы отмели сразу, – объясняет Елена Орочко. – На нее ушла бы масса вре-

мени и сил, но результаты вряд ли решили бы проблему с финансированием центра. И, конечно, речь не шла о платной подготовке собак для слепых. Наша основная цель была и есть одна: сохранить возможность для инвалидов получать высококвалифицированную помощь бесплатно. При этом мы еще должны обязательно заниматься подготовкой кадров. Ведь кто-то должен продолжать это дело, а средний возраст наших дрессировщиков – больше 40 лет. Но у нас уже есть два новых человека – девушки 18 и 30 лет». Постепенно дело начало спориться. Проектом заинтересовался благотворительный фонд «Дорога вместе» (российское представительство американского фонда United Way). Наконец, появилась возможность оплачивать волонтерам корм для собак и ветеринарные услуги. Теперь УКЦ мог воспитать до десяти собак в год.

Ищем волонтеров

Когда центр только создавался, энтузиасты-дрессировщики сомневались в том, что удастся найти волонтеров, готовых безвозмездно растить собак, любить и холить, а потом отдавать их незнакомым людям. Ведь традиции такого добровольчества в стране никогда не было. Опасения оправдались, так что пионерами выращивания собак на дому в 2005 году стали американские семьи топ-менеджеров, приехавших работать в Москву. По счастливой случайности эти люди уже имели необходимый опыт, поскольку у себя на родине воспитывали собак-поводырей. И нашлись они тоже случайно: откликнулись на объявление в скромной городской газете.

А вскоре появились и российские волонтеры. «Мы ожидали, что на наши призывы откликнутся в основном представители среднего класса, но к нашему удивлению, среди волонтеров оказалось много семей скромного достатка», – говорит Елена Орочко.

Одна из таких временных хозяек-волонтеров – Татьяна Сазонова, 25-летняя выпускница Московской ветеринарной академии им. К.И. Скрябина, ассистент врача в ветеринарной клинике «Белый клык». В свободное от работы время она читает литературу по специальности, рисует витражи, ходит в пешие походы на Алтай и Байкал. Когда-то увлекалась верховой ездой, участвовала в скачках и даже держала собственных лошадей в своем домике в деревне. Но это – дорогое удовольствие, и в итоге животных пришлось продать. Татьяна обожает собак, когда-то у нее были такса и дворняжка. А после того, как в Интернете она случайно наткнулась на сайт «Собаки – помощников инвалидов», решила участвовать в их волонтерской программе.

Спустя три дня после знакомства Татьяны с Еленой Орочко в доме появился трехмесячный лабрадор Один. Вместе с ним доставили миски, корм, шлейку, клетку, игрушки, белую трость для занятий и т.п. Клетка нужна для послушания

и для того, чтобы бестолкового детеныша, грызущего все, что он видит, можно было оставить дома одного. Татьяне дают деньги на сухой корм: восьмимесячный щенок съедает 15 кг (3500 рублей) за месяц с небольшим. «На мое решение повлиял комплекс причин, – объясняет Татьяна. – Не только желание познакомиться с новой породой и участвовать в добром деле. Я к тому времени только познакомилась с Лешей, и для меня решение жить вместе с ним было важным шагом. Я хотела устроить нам дополнительное испытание, взять щенка и посмотреть, не бросит ли Леша меня в трудной ситуации. Была удивлена, когда он шел гулять и в пять утра, и поздно вечером, и с работы мог отпроситься ради прогулки с Одним, если я уходила на дежурство. Так что вопрос со свадьбой уже решен».

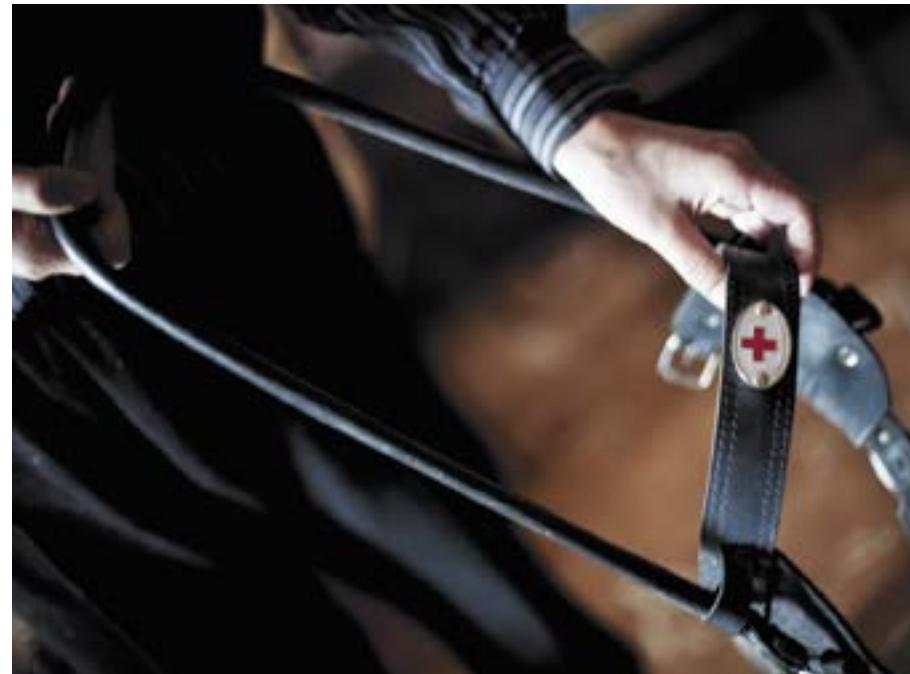
Раз или два в неделю к Одину приходят дрессировщицы, занимаются с ним, готовят к «работе». Татьяна тоже обучает его всяким приемам, требует вести себя дома прилично. Хотя он и так молодец, его любят даже морская свинка Фрося, не говоря уже о друзьях по собачьей площадке. В полтора-два года Один будет готов переселиться к новому, незрячему хозяину. Татьяна предполагает не думать об этом.

Гюта, Патрик и Митька

Кто растил черного лабрадора Митьку, незрячий 58-летний пенсионер Сергей Тихонов даже не задумывался. И Митькой его три года назад назвал сам, потому что имя, вписанное в собачий паспорт, выговорить невозможно: Гудквайс Миднайт Винд.

Сергей потерял зрение в 1985 году после неудачной операции по удалению глаукомы в клинике Федорова. Прошел реабилитационные курсы при Всероссийском обществе слепых (ВОС). Его научили готовить еду, шить на машинке, читать по методу Брайля, а через полгода дали собаку-поводыря – эрдэльтерьера Гюту. С Гютой Сергей ездил на новую работу – предприятие от ВОС, где бывший радиомеханик собирал розетки. Через полгода после того, как Гюта умерла, в доме у Сергея появился черный лабрадор Патрик. С ним Сергей тоже ездил на работу и даже выигрывал награды на конкурсах собак-поводырей. «Поумнее Гюты был», – отрекомендовал Патрика хозяин. Когда не стало Патрика, Сергей обратился в центр «Собаки – помощники инвалидов», ведь специалисты из УКЦ опекали Патрика всю его жизнь. Так у Сергея появился Митя.

«Я без собаки уже не могу хорошо ориентироваться, – говорит Сер-

гей, – хотя всю жизнь прожил в этом месте. У нас то яму выкопают и не обнесут заграждением, то мотоциклы ревут так, что не слышно машины сзади. Да и под забыл я уже, что и где находится. А с Митей идешь уверенно». Сергею помогает 32-летний сын. Он подарил на 23 февраля папе синтезатор – новое домашнее развлечение, кроме радио, DVD, телевизора, «говорящих часов» и «говорящих книг». Правительство Москвы выплачивает 10 тысяч рублей в год на корм собаке: мясо, овощи, крупы. Пенсионер живет вдвоем с женой, тоже теряющей зрение.

«Мить, ты красивый, а, скажи? Гулять пойдем?» – Сергей надевает на Митю шлейку с опознавательными знаками, берет в руку белую трость. Собака чаще всего ходит по четырем маршрутам: магазин, булочная, аптека – это недалеко от дома, а вот чтобы добраться до библиотеки, надо преодолеть несколько станций метро. Любимая команда у Мити, конечно, «Гулять!» – это означает свободную беготню по парку.

Около каждой ступеньки на лестнице, бордюра или человека Митя прилежно останавливается. По команде «Сидеть!» не двигается с места, даже когда Сергей делает вид, что уходит. Если Митя останавливается перед опасным препятствием, а хозяин по инерции еще делает

пару шагов вперед, пес начинает упираться, направлять. Во время «работы» Митя с другими животными не играет. У чужих еду никогда не берет. «Он сообразительнее Патрика, – говорит Сергей. – Однажды автобус ждем, подходит мужчина: «У вас собака умная?» Отвечаю: «Не дура». – «И скажет, какой автобус приехал?» – «Конечно! Будет 185 раз лаять».

С окружающими Митя ни разу в жизни не нарвался на конфликт. Для детворы во дворе эта пара – вообще предмет гордости. А для Сергея Митя – и поводырь, и друг, и стимул хоть к какой-то социальной жизни. «Конечно, жизнь после потери зрения сильно изменилась, – объясняет Сергей. – Ездить куда-то стало неинтересно: ничего же не видишь. Если бы не собака, я бы даже гулять не ходил».

Хорошее дело хороших людей

Конечно, без собственного помещения УКЦ «Собаки – помощники инвалидов» работает волонтеры. Нужна база, где можно держать и дрессировать собак, временно селить инвалидов, приезжающих за поводырями из других регионов, проводить образовательные мероприятия для стажеров и инвалидов. База должна отвечать самым современным

требованиям к содержанию собак: отапливаемые, светлые помещения, со всеми необходимыми коммуникациями, оборудованные в соответствии с нормами содержания животных. Это дорогое удовольствие, не говоря уже о том, что желательно все это хозяйство устроить как можно ближе к Москве: поводыри должны учиться в городской среде. Елена Орочки готовит проекты для представления в правительство Москвы: надеется получить помощь, но мечтает о спонсоре, владельце помещения, который пустит хороших людей делать хорошее дело.

«Я была в английской школе собак-поводырей, – рассказывает Елена, – вот с чего надо брать пример. В школе более сорока лет проводятся программы по разведению, отбираются лучшие особи, есть спермобанк. Они размещают в волонтерских семьях по тысяче щенков в год, из которых аж 80 процентов являются профпригодными. В Купавне у нас этот показатель был ниже 10 процентов».

Сотрудники УКЦ готовят собак не только для незрячих. Несколько лет назад в центр обратилась семья с просьбой подготовить собаку-терапевта для больного ребенка. Этот случай в итоге перерос в целое интересное направление. Но это – уже совсем другая история... ☀

Оксана Прилепина, фото Антона Беркасова

ЛЮБИМЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ПЕС

- Сейчас у нас начинается балет! Приготовились!
- С собаками?!
- Да, с собаками. Итак, упражнения: «гусеничка», «ручеек», «диагональ», «зайчик»!

Ч

ЕТЫРЕ МАЛЫША С ГОЛДЕН РЕТРИВЕРАМИ сначала идут по кругу, а затем – по сложным траекториям, выполняя распоряжения Татьяны Любимовой. Каждый отдает своему четвероногому спутнику команды: «Рядом!», «Сидеть!», «Лежать!», «Зайчик!» По последней команде собака садится на задние лапы, держа передние перед грудью. «Степа – молодец! Очень красиво сейчас стоишь!» – громко подбадривает воспитанника Татьяна и вполголоса советуется с психологом, которая идет со Степой под руку: «Новую диагональ делаем? Ну – давай!» Со стороны все это действительно похоже на репетицию танца. С ходу не каждый взрослый повторит все эти движения и «па», да еще с собакой. Так в московской школе №1492 начинается очередное занятие группы «Солнечный пес». Прекрасное помещение изостудии со стеклянным потолком и гипсовыми Аполлонами в шкафу предоставила директор

школы Татьяна Аникина, после того как в блогах прочитала о деятельности Татьяны Любимовой, придумавшей и создавшей «Солнечного пса». Ребята репетируют программу для выступления на монопородной кинологической выставке, которая проходит в Москве весной каждого года. «Солнечный пес» уже несколько лет демонстрирует на ней поразительные возможности голден ретриверов в качестве собак-терапевтов

для детей, больных ДЦП, аутизмом, олигофренией, синдромом Дауна, эпилепсией и другими тяжелыми заболеваниями. Это единственная в мире группа таких детей, выступающих с собаками. Причем выступают они не хуже, чем здоровые взрослые на самой престижной в мире выставке собак «Крафт». Занятия «Солнечного пса» помимо школы №1492 проходят также в Культурно-просветительском центре

во имя святителя Иоанна Златоуста и в реабилитационном центре для детей с синдромом Дауна Team is Dream. Большинство участников группы ходят к Татьяне регулярно, некоторые даже годами. В среднем занятия ежемесячно посещают около пятидесяти человек, возраст которых колеблется от двух до двадцати лет. А недавно «Солнечный пес» совместно с центром «Лекотека» начал программу «Встреча с собакой» – одноразовые занятия. Кроме того, животные и специалисты «Солнечного пса» регулярно выезжают в Центр лечебной педагогики, в интернаты, детдома, на праздники, организованные различными обществами инвалидов.

Живой коврик

Сложно поверить, что собаки могут делать такое. Они понимают все команды, не кусаются, держат любую дистанцию и не делают резких движений. Например, малыши боятся собак. И тогда она, подчиняясь хозяйке и интуиции, в другом углу комнаты будет целый час изображать дружелюбие: махать хвостом, делать пируэты, крутиться волчком. Или, например, с бубенчиком на ошейнике будет дефилировать по комнате, возбуждая детский интерес. При этом она не приблизиться к ребенку, ни разу не зарычит и не залает.

Какие только роли не приходится играть собакам! На новогодней елке-2010 они имитировали цирковых лошадок, прыгали через барьеры, бегали по кругу и катали на спинах самых маленьких ребятишек. Еще они могут «считать»: по команде лают нужное количество раз, отвечая, например, на вопрос: «Сколько у тебя лап?» А по команде «Коврик!» голдены-терапевты укладываются на пол «плечом к плечу». И на них или между ними ложатся дети: малыши могут кричать, дрыгать ногами-руками, а лохматые «коврики» даже не дернутся!

Первоначальную дрессировку чудо-животные проходят в центре «Собаки – помощники инвалидов» по специальному курсу собак-терапевтов. Дрессировать их начинают с года или полутора, когда характер полностью сформирован и уже можно отобрать наиболее пригодных для этой

непростой работы животных: неагрессивных, терпеливых, умных, не боящихся резких звуков, любящих людей и т.д. Требований – целый список. Три или пять месяцев кандидаты в терапевты интенсивно дрессируются, а затем получают опыт и дополнительные навыки в «Солнечном псе». Сейчас в центре служат пять голден ретриверов: Олли, ее дочка Ника, внук Джой, а также Тайна и Ней. Первые три принадлежат руководителю «Солнечного пса» Татьяне Любимовой, две последние – волонтерам Захаровым, которые приводят питомцев на работу и, если надо, участвуют в занятиях. Часто с ретривером Тайней вместо родителей приходит сын Захаровых, 14-летний Андрей. Для новеньких детей он и Тайна с явным удовольствием исполняют сложный музыкальный номер – «Вальс». «У меня нет друзей, одноклассники не в курсе моих занятий, я им не рассказывал, – говорит Андрей. – Здесь мне нравится. А дома у меня три собаки: Тайна, Шера и Луша. Голден ретриверы – самые лучшие собаки на земле. Иногда они лучше людей». Угощение для мохнатых артистов «Солнечного пса» – крекеры. Часто их приносят сами дети. Больше с родителями ничего здесь не берут. У «Солнечного пса» принципиальная позиция: помочь должна быть бесплатной. С инвентарем для занятий – ковриками, горками и прочими игрушками – помогли спонсоры. Сейчас Татьяна мечтает о благотворителях, которые устроили бы особенно нуждающимся детям качественное медицинское обследование.

Я буду хорошим!

Занятия в группе строятся по-разному, в зависимости от числа детей, их диагнозов и возраста. Подход к каждому участнику исключительно индивидуальный. Татьяна Любимова намеренно подбирает в одну группу разных малышей. «Цели и задачи у всех разные в процессе занятия, хотя делают все одно и то же, – объясняет она. – Но девочку с олигофренией я ставлю во главе группы, что развивает у нее внимание, память, все на нее ориентируются. Схожие задачи у

девочки с синдромом Дауна. Мальчику с ДЦП ассистент все время объясняет пространственные понятия, помогает следить одновременно за руками, собакой и корректировать движения вслед за группой. Ребенку с аутизмом важно научиться действовать по общим правилам и чувствовать собаку».

Результаты поразительны. Многим детям после года-двух занятий пересмотрели диагноз в лучшую сторону. Некоторые из них после этого смогли пойти учиться в спецучреждения. Для таких детей публичное выступление – мощный стимул к развитию. Например, одна из девочек, отличавшаяся инфантильным поведением и всегда ходившая с мамой за руку, после сольного танца у елки настолько поверила в свои силы,

что начала самостоятельно ходить в школу и в бассейн.

Вот что рассказывает мама 7-летнего Андрея Наталья Владимирова, по профессии врач-терапевт: «В три с половиной года нам поставили диагноз – синдром раннего детского аутизма, недоразвитие речи, нарушение эмоционально-волевой сферы. Мы сначала занимались с лошадьми и дельфинами, потом пришли сюда. Тогда Андрей был совершенно равнодушным ребенком, мог оттолкнуть человека, как стул. Уже в начале занятий с собаками он начал замечать эмоции и настроения. Здесь он впервые забеспокоился о ком-то: «Тихо, Олли заснула!» Собаки в сыне развиваются и терпение: нужно ведь делать что скажут да еще в определенной последователь-

ности. Настоящей победой было выступление «Солнечного пса» на новогоднем празднике. В прошлом году Андрей до последнего не хотел выходить к елке, а в этом – вышел без разговоров и в конце представления очень эмоционально клянялся, почувствовав себя артистом. После так устал, будто отыграл большой спектакль, хотя это был лишь семиминутный выход. Занятия здесь ему настолько важны, что я могу пригрозить: «К собакам не поведу», он сразу делает все, что требуется: «Нет-нет-нет, я буду хорошим!» У 20-летнего Степы Кузнецова – один из самых блестящих результатов. Он с диагнозом ДЦП лишь в семь лет встал с коляски. К тому же на него в детстве напала стая бродячих собак, и с тех пор он боялся

выходить на улицу. Когда его три года назад привели в группу, мальчик зажмурился, обхватил голову руками и без остановки кричал. Несколько месяцев ушло на то, чтобы отучить его от страха перед собаками. Но как только у Степы наладился контакт с ретриверами, начались чудеса. Мальчик начал понимать сложные для него пространственные выражения: «по ковру», «за Анечкой», «через барьер». Сейчас он довольно быстро разучивает новые упражнения, владеет элементами циркового обращения с собакой, с удовольствием ходит на выставки, где может находиться несколько сотен собак и тысячи людей. «Каждое занятие я наблюдаю маленькие достижения, – говорит социальный психолог Татьяна Жильцова. –

Сегодня вот четырехлетняя Иришка с задержкой в развитии получила опыт того, что помимо ее импульсов есть еще чьи-либо: сначала она таскала за собой собаку, но под конец занятия позволила собаке себя направлять. Канис-терапия – «собакотерапия» – позволяет задействовать все сферы ребенка: физиологию, общение, такие психологические системы, как внимание, координацию. Традиционные методики делают это не настолько широко». Впрочем, со стороны не все выглядит столь оптимистично. Большинство детей дома сталкиваются с чрезмерной опекой, а потому привыкли манипулировать взрослыми. Татьяна Любимова легко отличает страх от «концерта» по соматическим проявлениям: напряжению мышц, по-

краснению щек и т.п. Но главное в том, что собаки на время занятий дают детям непрерывное ощущение счастья и совершенно новый дружелюбный мир. Даже самое замкнутое сердечко тает при виде пушистого существа, изо всех сил пытающегося выразить безграничную радость и нежность. Каждый ребенок выбирает себе «свою» собаку, та его всегда узнает, бежит именно к нему.

Понятие канис-терапии ввел в 1961 году американский психотерапевт Борис Левинсон. Он первым заметил, что пациенты лучше идут на контакт, если в кабинете находится его собака – золотистый ретривер. Два раза в неделю пса приводили в больницу, из чего впоследствии выросло целое направление – зоотерапия. «У нас этот термин иногда воспринимают неверно, как «лечение», – объясняет Татьяна Любимова. – Собака сама по себе не панацея, а всего лишь реабилитация. Часто звонят родители детей с очень серьезными заболеваниями, и им кажется, возьми они домой собаку, с ребенком станет все в порядке. Они порой не думают, что с собакой надо гулять, заниматься, что в шесть месяцев на гормональной почве она будет меняться и что это, в конце концов, финансовая нагрузка. Самая частая ошибка – берут щенка домой аутисту, что противопоказано. Из множества подобных историй хорошую знаю, к сожалению, всего одну. Чаще, намучившись, собаку отдают».

Олли, моя Олли!

«Солнечный пес» для Татьяны, большую часть жизни проработавшей иконописцем, – глубоко личная

история. У Татьяны и ее мужа Сергея, резчика по камню при храме, родился сын Саша с тяжелой формой ДЦП, но сохранным интеллектом. Чтобы сделать его жизнь максимально светлой, семья «по совету друга-психолога и Сашиними молитвами» купила голден ретривера Олли. Олли оказалась дочкой собаки, которая без специальной дрессировки по личной инициативе работала поводырем у слепого мальчика. Татьяна все же выдрессировала золотистого друга в центре «Собаки – помощники инвалидов», и Олли перевернула всю жизнь Любимовых. «В семьях, где дети растут особыми, развивается так называемая вторичная аутизация, когда все фактически оказываются в социальной изоляции, – рассказывает Татьяна. – Мы мало с кем общались, нас избегали знакомые. Но с Олли мы познакомились с огромным числом «собачников» – удивительно тактичных. И даже отношение прохожих к нам резко изменилось к лучшему». После Саши у Любимовых родилось двое здоровых детей. Когда Саши не стало, Татьяна, имея на руках такое сокровище, как Олли, по велению души начала ездить

в медцентр, где лечилась с Сашей. Для моральной поддержки больных детей. И вскоре все начали замечать неожиданный терапевтический эффект. Так, «безнадежный» мальчик-аутист к недоумению врачей стал запасать котлетки для собаки, шептать ей что-то на ухо. Его первыми словами были: «Олли, моя Олли!» Наконец, Татьяна пошла учиться на врача-дефектолога в МГТУ им. Шолохова, завела в Интернете блог, в котором писала про Олли. К ней потянулись блогеры. Сергей поддерживал жену, помогая ей. Постепенно сложилась команда: биолог Наталья Захарова, преподаватель логики и философии в вузе Юлия Горбатова (также владелица собаки) и социальный психолог, молодая мама Татьяна Жильцова. В свободные часы выпускница психологического факультета РГГУ пишет диссертацию на тему «Представление о времени у детей в разных возрастах» и растит восьмимесячного голден ретривера Майю – будущего терапевта. О причинах своей работы в «Солнечном псе» Татьяна Жильцова говорит коротко: «Интересно». «Пока еще канис-терапия мало применяется в России, – говорит

она. – Нужно патентоваться, пройти много инстанций, а главное – нужны статистические подтверждения работе. Мы еще только начинаем, итоги подводить рано. Хотя новые методики разрабатываем».

Как ни странно, «Солнечный пес», возможно, единственная в России организация, которая занимается канис-терапией, имея не только личный опыт и добрые намерения, но и профессиональных медиков, педагогов, психологов, кинологов. «Я регулярно езжу на семинары по теме, – говорит Татьяна Любимова, – и с ужасом отмечаю, как много дилетантов пытается причинить детям добро. В лучшем случае речь идет о встречах детей с собаками и положительных эмоциях, хотя терапевтический эффект от этого минимальный». Не так давно «Солнечный пес» начал переписку с чехами и поляками. «Поляки нам прислали свою книжку, – продолжает Татьяна, – и мы с удивлением узнали, что в одно время с ними пришли к одинаковым выводам. Пока о сотрудничестве и обмене опытом говорить рано. Просто приятно от мысли, что мы такие не одни».

Владимир Емельяненко, коллаж Евгении Гладкой

Нецензурная лексика, прочно обосновавшаяся в Интернете, постепенно отторгается обитателями Рунета, которые готовят свою словарную революцию.

МЭР ГОРОДА ЗАРЕЧНОГО Свердловской области Андрей Кислицын за нецензурную лексику в Сети оштрафован на 20 тысяч рублей. Таково решение городского суда, куда с иском обратилась Ирина Городецкая – глава одного из местных ТСЖ. Ее на одном из интернет-форумов мэр обвинил в воровстве в таких выражениях, что народ эту многоэтажную брань на цитаты разобрал. Редкий случай: дама через суд добилась сатисфакции, но многие жители Заречного удивляются: за что «засудили мужика»? А в Петербурге и Красноярске учащиеся университетов и вовсе возмущаются тем, что

студентов Алену Соломонову и Кирилла Брызгалова отчислили из вузов за то, что они в своих дневниках в «ЖЖ» «матерились как сапожники», критикуя университетское руководство. Мол, как можно судить, а тем более отчислять из вузов за то, что делают почти все: объясняются, прибегая к непечатной лексике, на которой, по данным социологов, изъясняются до 70% взрослых россиян? А около 90% из них пользуются матом, когда находятся в «расстроенных чувствах». Сеть давно стала языковым мусоросборником. И хотя из нее иногда извлекаются фразеологические бриллианты, манера пользователей

Интернета изъясняться в дискуссиях и дневниках чаще все же заставляет краснеть. Да и как иначе, если даже «законодатели мод» российской блогосферы – Артемий Лебедев, Максим Кононенко, Дмитрий Давыдов и многие другие – в своих блогах не особо стесняются в выражениях? Но нет худа без добра. По наблюдениям социологов да и рядовых блогеров, мат, ставший в Рунете сначала модным трендом, а потом синонимом свободы от цензуры, в последние год-два чувствует себя как минимум некомфортно. Или, как говорят блогеры, нецензурная лексика начала «грузить».

Мат как сублимация свободы?

«С матом в Сети происходит то же, что и с «олбанским» языком, – говорит Василий Прозоровский, «редактор-санитар» «ЖЖ» (sun-ukoon.livejournal.com). – «Олбанского», его диалектов и разновидностей стало так много, что даже его создатели не всегда понимают, «по какой из

феней ботать». Мне иногда смешно за ними наблюдать. Они как новички. Когда люди только приходят на ресурс, адаптация у них происходит примерно одинаково. Не важно, вваливается «пэтэушник» или студент МГИМО, у всех похожая реакция: «Свобода!» Они ее понимают как вседозволенность: можно делать ошибки, хамить, говорить на «своем» языке, вволю ругаться. Но постепенно, хотя не ко всем, приходит понимание, что общаться подобным образом – себе в убыток. Такой «свободный» от всех ограничений блог народ со временем начинает обходить стороной как «прикольный», но «туземный».

Прозоровский потому и получил кличку «редактора-санитара», что выступает против цензуры в Рунете, но подчищает специфику субкультурных постов блогеров до понятного общеразговорного уровня. И считает начавшиеся разговоры о необходимости запрета матов в Интернете вредными, но неизбежными: ругани, заменяющей понятные

слова косноязычной бранью, стало слишком много. И она уже затрудняет общение.

Первым, кто попытался направить «антиматерщинные» настроения в организованное русло, стал политтехнолог Михаил Ковалев. Он предлагает ввести судебное преследование за использование нецензурной лексики в Сети. Затяянная им «антиматерщинная» акция, похоже, рекламная: с матом Ковалев решил бороться, подав заявление в Генпрокуратуру на посты Артемия Лебедева, в которых тот без матов трех слов связать не может. Мотивация и тактика политтехнолога понятны: в день блог Лебедева читают до 150 тысяч человек. Вот только прокуратура игнорирует политтехнологический самопиар: в стране нет закона, позволяющего преследовать за нецензурную лексику, если она не оскорбляет чью-либо честь и достоинство, а значит, нет предмета для рассмотрения жалобы.

Хотя языковая проблема явно зреет: почему растет число противников некогда модного матов даже в виртуальной среде, его культивирующей? И нужно ли бороться с матом в Рунете?

Болезнь роста

«Когда Сеть начиналась, – говорит Вячеслав Правдинский, студент филологического факультета МГУ, активист МГЕР («Молодая гвардия Единой России»), выступающий за запрет матов в публичном пространстве, – язык Интернета сразу стал принимать специфические формы. Сегодня мы переживаем едва ли не пик его спецификации. «Олбанский» разделился минимум на три языка. «Падонки», как они считают, правят бал, но к ним в оппозиции находятся явные радикалы – «нупячки», идущие по пути «олбанского», постепенно делясь на подвиды. Таким образом, можно сказать, что возникло и развивается сразу несколько русских интернет-языков, которые, казалось в начале, цементируют мат. Как выясняется – казалось. Субкультуры его отторгают, а он не уживается с ними».

Как показывают исследования филологов Института русского языка им.

В.В. Виноградова (ИРИ РАН), интернет-языки как существовали внутри субкультур, так и остались внутри них. На языковую свободу, становясь понятными, вырвались лишь наиболее популярные слова и термины. Такие как, например, «смайлик», «аська» или «ящик». Но и они не стали общеупотребительными, имея более понятную и литературную замену. А субкультуры, делясь на подвиды, постепенно маргинализуются и гаснут. И никакой «цемент» в виде хрестоматийного матов не скрепляет. Наоборот, его явный перебор выполняет ту же функцию, что и засилье «падонков» или «олбанского», – не понимающие излишества матов покидают ту или иную блогосферу, которая рассматривает нецензурную лексику как норму.

«Но это вовсе не означает, что против матов надо бороться, – считает Алена Козлова, разработчик онлайн-игр, – как раз наоборот. Отпущененный в свободное плавание блогосфера, он или выдержит конкуренцию с ее специфическими языками, или сникнет, заняв свою нишу. А бороться с ним – то же самое, что вырезать здоровый аппендикс. Можно, конечно, но какой смысл? К месту использованный мат – все равно что набор «смайлов» в языке. Он безупречно передает настроение».

Эту позицию частично разделяют и ученые ИРИ РАН, подчеркивая, что почти все социологические опросы свидетельствуют: блогосфера перекормлена доступностью бранью и начинает от нее отгораживаться. Одни блоги уходят в субкультуру интернет-языков. Другие (их, правда, заметно меньше, и они, как правило, связаны с деловым или профессиональным общением) начали возвращаться к грамотной речи и даже презираемым ранее знакам препинания и заглавным буквам! Еще недавно Интернет обещал похоронить их как вид, а сегодня знаки препинания и заглавные буквы возвращают письму разборчивость, упорядоченность и смысл. И тем не менее движение за запрещение нецензурной лексики набирает обороты именно тогда, когда ее использование в виртуальной среде и так пошло на убыль.

Antimat.ru как мода

Причем наметились две тенденции. Идеологическая – когда сторонники запрета публичного мата перестали стесняться быть высмеянными за отстаивание морали и начали объединяться в общественные движения. И репрессивная – когда за фривольные выражения в Сети начали штрафовать, пользуясь нормами закона.

«Я выступаю за запрет мата не только потому, что он снижает планку морали или превращает общение в «междусобойчик», мешающий привлечению в блоги широкой аудитории, – говорит Михаил Ковалев, – это все частности. Да, правы те, кто говорит, что к месту употребленное нецензурное выражение упрощает язык и даже создает некий образ. Но проблема в другом. Я абсолютно убежден – нас ждет великая словарная революция. Она не за горами. Обратите внимание: 65% современной аудитории ТВ – это люди среднего и старшего возраста, а молодежь постепенно перемещается из ТВ в социальные сети. Через двадцать-тридцать лет Рунет перестанет быть автономным явлением. Все или почти все переместятся туда, а телевидение станет лишь частью или даже одной из ниш Рунета. Все настоящие интеллектуальные прорывы и культурные феномены будут формироваться в Сети. Рунет станет нормой. Вопрос – нормой чего, если сегодня идеологии и технологии Интернета последовательно формируют моду на мат? Даже если он в Сети обретет нишу, это будет означать, что публичный мат станет допустимым в Большом театре, на лекции или в школе. Вот почему надо формировать моду на общение без матов».

И похоже, Ковалев четко уловил новое общественное настроение. Неспроста в блогосфере появился целый ряд сетей, которые четко обозначают свою позицию: «Жизнь без матов», – «Одноклассники», например, и примыкающие к ним по содержанию социальные сети. Но что еще более неожиданно: многие университетские сайты и молодежные форумы переходят на специальные программы, блокирующие нецен-

Каким выглядит человек, если он матерится?*

- 93% – более взрослым;
- 91% – более эпатажным;
- 71% – смелым;
- 44% – обычным, так говорят все;
- 21% – хамом;
- 12% – хулиганом;
- 1% – затруднились ответить.

* Опрошено 557 учащихся Барнаула в возрасте от 15 до 19 лет.

Источник: кафедра социальных технологий и управления Алтайского госуниверситета (АГУ).

Как вы относитесь к ненормативной лексике?

- 44% – нормально;
- 77% – допускаю употребление матов в компании друзей;
- 75% – мат можно употреблять в конфликтной ситуации;
- 39% – допускаю употребление для связки слов;
- 45% – употребление нецензурной браны – это неконтролируемая привычка;
- 14% – мат свойствен русскому менталитету.

Источник: ВЦИОМ.

зурную речь. Для этого желающему достаточно подключить специальную программу Antimat.ru. Это система антимата, представляет собой модуль на языке Perl, обнаруживает, заменяет или удаляет нецензурную лексику из строки с текстом. Этой строкой могут быть сообщения в гостевой книге, чате, форуме или живая речь в блогосфере. «Все просто, – объясняет разработчик программы Antimat.ru программист Илья Солдаткин, – в живой речи программа заменяет матерные слова на «бип» или любую фразу, которую захочет установить пользователь. На письме мат можно писать латинскими буквами, можно оставлять пробелы, делать подчеркивания или другие символы-разделители. Причем самостоятельно пользоваться программой может каждый. Она содержит подробную «обучалку» – tutorial – о том, как поставить модуль, настроить поддержку русского языка – lokal. И вообще, пошаговую инструкцию, в которой не заблудишься». Солдаткин не считает себя ханжой. Он не скрывает, что изредка использует крепкое словцо, но уверен, что в Сети скопилось слишком много агрессии и злобы, которые аккумулирует мат. Это и делает востребованной его программу – своеобразную защитную реакцию от вседозволенности непечатной лексики. Ему вторят ученые Института социологии РАН: часто блогеры, посетители чатов и форумов виртуально поливают грязью всех и вся просто потому, что

в Сети отсутствует субъектность – все анонимно, а они так вымешают свою трусость или неудачливость в реальной жизни, в которой не преуспели. Но Интернет постепенно превращается в плавильный котел, лабораторию, в которой формируются новые среды. Для начала – языковые, а за ними маячат и духовные. Может, поэтому очень важным становится то, что сети «устали» от перегрузки матов. И сегодня многие понимают: пользоваться нецензурной лексикой как бы не комильфо. На языке Сети это называется «баян», то есть пользоваться устаревшим, «отстойным» языком.

Antimat как вид репрессии

Однако естественное, но медленное угасание матов в Рунете может затормозить общественная активность его противников. Ведь история мэра Кислицына, оштрафованного за брань в виртуальном пространстве, пока единичный случай, а не массовое явление.

В январе 2010 года в Красноярске лидера сибирского движения «Левый фронт» Дениса Стяжкина приговорили к домашнему аресту и общественным работам за размещенную на популярном сервисе «В контакте» картинку с рекламой митинга левых сил в родном городе. Причиной ареста стал не митинг, санкционированный властями, а «аватарка» – надпись-реклама в Сети, предлагавшая пойти по известному на Руси адресу из трех

букв некоему человеку, похожему на одно из первых лиц России. Сначала сотрудники милиции предложили Стяжкину убрать матерную картинку. Когда этого не произошло, мировой судья вынес обвинение по статье 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство») – за нарушение общественного порядка, выраженное в явно неуважительной форме, в публичном месте.

То есть закон квалифицирует Интернет как публичное место. И если находит нужным, наказывает за мат в Сети. Или бездействует – как в случае с 18-летним Анатолием Ющенко, исключенным из Мурманского

вокруг личных виртуальных дневников разгораются по всей России. Все чаще причинами штрафов и увольнений становятся неугодные начальству записи в «ЖЖ». Так, уже в марте 2010 года мировым судом Нижнего Новгорода на 7 тысяч рублей был оштрафован электромонтер компании «Вимм-Биль-Данн» Александр Самойлов за то, что в своем посте поместил информацию о зарплатах всех работников фирмы, сопроводив список нецензурным комментарием, претендующим на общественный протест.

«Эти решения спорны и несовершенны, как и сам закон, но чаще

самое, что вменить в вину человеку то, что он пишет на форуме, заболев гриппом или находясь в нетрезвом состоянии. Но главное в другом: общественная ретивость по поводу запрещения в Сети мата оказывает обществу медвежью услугу. И без всяких законных репрессивных мер матерщина стала загибаться в Рунете, а противодействие ей даст новый виток ее популярности».

Antimat как закон

«К сожалению, закона, регламентирующего вторжение в личное интернет-пространство человека, в России пока нет, – комментирует ситуацию с растущими скандалами из-за виртуальных дневников адвокат Анатолий Кучерена, член Общественной палаты. – Закон еще предстоит разрабатывать. Но за брань в Интернете студентов отчислить могут, если это прописано в Уставе учебного заведения. Так же как и штрафовать и даже увольнять с работы, если мат был сопряжен с нарушением общественного порядка или с оскорблением чести и достоинства оппонента. Другое дело, что помимо обязанностей перед законом у посетителей социальных сетей должны быть права на личное интернет-пространство. А они пока не только не прописаны, но и не проработаны даже на уровне проекта».

Более того, как опасаются многие блогеры, общественное наступление на мат в Сети – всего лишь удобный предлог для того, чтобы вся глобальная сеть в будущем оказалась под жестким контролем властей. В конце 2009 года в Госдуме, где идут предварительные слушания законопроекта по регламентации личного интернет-пространства, представитель Центра информационной безопасности ФСБ Дмитрий Фролов заявил, что «необходимо расширить полномочия спецслужб по контролю над коммуникационными системами и трафиком Сети».

Итак, противостояние обозначено. Вся надежда на баланс сил в обществе, способном принять разумный закон, регулирующий сетевые языковые отношения.

Незнание не освобождает от ответственности

Лишь 49% опрошенных ВЦИОМом граждан знают о том, что нецензурная брань в общественных местах является нарушением законов, как административного, так и уголовного.

Статья 130 УК РФ. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, наказывается штрафом в размере до 100 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... или общественными работами на срок до 6 месяцев.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении... или СМИ, наказывается штрафом в размере до 200 минимальных размеров оплаты труда, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного... либо обязательными работами на срок до 180 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года.

Статья 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Мелкое хулиганство

Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, влечет наложение административного штрафа в размере от 5 до 10 минимальных размеров оплаты труда или административный арест на срок до 15 суток.

колледжа экономики, статистики и информатики за то, что в своем дневнике в «ЖЖ» он нецензурно раскритиковал концерт, организованный студенческим советом. Через день распечатанный на ксероксе пост Ющенко красовался на стенах колледжа. Студенту руководство заведения запретило вести дневник. Он отказался, а через две недели был вынужден написать заявление об отчислении. Подобные скандалы

они просто, как в случае с отчислением из вузов студентов, абсурдны и даже противозаконны, – считает Василий Прозоровский. – Интернет пока не подпадает под существующее сегодня определение общественного места, это место свободного доступа, но не улица и не стадион. И судить за мат в Сети, не сопряженный с другим правонарушением, оскорблением например, это, на мой взгляд, то же

ВРАТА НАШЕЙ УЧЕНОСТИ

В сравнении того, как магнит привлекает к себе железо, так он природными и самообразованными способностями своими обратил внимание на себя.

Петр Великий о Леонтии Магницком

АВТОР ПЕРВОГО РУССКОГО УЧЕБНИКА МАТЕМАТИКИ ЛЕОНТИЙ Филиппович Магницкий раз и навсегда определил образ отечественной науки с ее великой свободой по отношению к земным истинам и великим смирением перед Истиной Небесной. Ломоносов назвал его «вратами своей учености», Петр I уподобил магниту. Из этого сравнения царь произвел новое имя, даровав его математику. Но фамилия не пришлась впору. Магницкий носил ее не по своей воле, то и дело объясняя, что-де не поляк, а русский. О своем легендарном предке «Русскому миру.ру» рассказывает потомок ученого, кандидат физических наук, сотрудник астрономического отделения физического факультета МГУ, автор монографии о Леонтии Магницком Александр Константинович Магницкий.

— Магницкого называют «предтечей Ломоносова», но не особо его помнят. Вот вы преподаете в МГУ. Студенты спрашивают вас о вашей фамилии? Она им о чем-то говорит?

— Мое поколение Магницкого помнит. Раньше приводились даже задачи из его учебника. Что касается молодых, то в массе своей, я думаю, они не зададут такого вопроса. Хотя наши студенты на астрономическом отделении Леонтия Филипповича, конечно, знают. Ведь он не только первый российский математик, но и первый астроном. Он первым ввел в российский обиход понятия «миллион» и «триллион», первым в мире вычислил широту и долготу главных русских городов, составил первые в России руководства по геометрии и тригонометрии. Да и учебник Магницкого — это настоящая энциклопедия знаний. Это и навигация, и география, и геометрия, и физика, и механика, и геодезия, и много-много других наук. В 1703 году «Арифметика, сиречь наука числительная» была напечатана колоссальным для того времени тиражом, в 2400 экземпляров, и в

течение полувека являлась основной для русской науки.

— А есть ли памятник Магницкому?

— На родине Леонтия Филипповича в Осташково местные власти в 2009 году приняли решение построить ему мемориал. Памятник ученому — единственный в России — открыли еще в год его 300-летия, в 1969-м. Он сделан в виде стелы, так как ни одного портрета Магницкого у нас нет. Так вот, этот памятник планируют заменить и разбить вокруг него сквер. Проект есть, однако пока ничего не сделано.

— В Осташково какие-то следы пребывания Магницких остались?

— Нет. После отъезда в Москву ни Леонтий Филиппович, ни его потомки туда больше не возвращались. Все жили в Петербурге, в Москве. Впоследствии сын Магницкого Иван обосновался в Нижегородской области. Оттуда идут мои корни.

— Как вы занялись изучением Магницкого?

— Случайно. Я вообще, не гуманитарного склада человек. Я астрофизик, специалист по фотометрии. Но в начале 90-х у меня возникли пробле-

мы — семейные, с деньгами, с работой. И как раз в этот момент руководитель исторического отдела нашего института профессор Петр Владимирович Щеглов предложил мне эту тему. «Кому же, — сказал он, — этим заниматься, как не вам?» Я начал работать, собрал много неизвестного материала и написал книгу о Магницком. В издательстве ее приняли, и теперь дело лишь за окончательной правкой.

— Вы пользовались только сторонней литературой или в вашей семье сохранились какие-то воспоминания, архивы, личные вещи вашего предка?

— Мой отец, который тоже был ученым, профессором агрохимии, много о нем рассказывал. В то время никакой литературы о Магницком не было, и эти рассказы были для меня единственным источником информации. Что касается реликвий, то в нашей семье ничего не осталось. Но в 2005 году, когда отца уже не было в живых, я неожиданно оказался обладателем мощей Леонтия Филипповича. А получилось так. В течение 36 лет Магницкий был прихожанином храма Георгия Победоносца на Лубянке, но похоронили его в храме Гребневской иконы Божией Матери. Там в 1733 году нашла упокоение жена Магницкого, Мария Гаврилова, а спустя шесть лет, в 1739-м, и он сам. Вообще-то на гребневском кладбище хоронили только знать, и Магницкий попал туда, вероятно, благодаря знакомству со Стефаном Яворским, Местоблюстителем Патриаршего престола. Его брат был настоятелем этого храма. Храм стоял неподалеку от того места, где сейчас располагается Музей Маяковского. До его установки там был пустырь. Когда пустырь разрывали, на раскопках присутствовал профессор истории Андronов, описавший их. На четырехметровой глубине помещалась дубовая колода. В ней сохранились кости, сапоги, чернильница в виде лампадки, гусиное перо. Андronов отвез надгробные плиты Марии Гавриловой и Леонтия Филипповича в храм Василия Блаженного, где они и сейчас находятся. Помимо надгробия Андronов попросил еще череп Леонтия Филипповича и чернильницу. Но пока он отвезил плиты, скелет пропал из кладовки, куда

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его поместили после экстремации (есть надежда, что рабочие вновь его закопали и впоследствии его можно будет извлечь). А в кладовке совершенно случайно осталась одна кость – фрагмент руки Магницкого, той самой, которой писалась «Арифметика». Андронов взял ее себе. Далее случайно в Библиотеке им. Ленина он знакомится с Михаилом Либерманом. Зная, что тот является потомком губернатора Санкт-Петербурга Романа Брюса, который был наставником и другом Леонтия Филипповича, Андронов вручает кость ему. Во время войны Михаил Либерман попадает в плен. После освобождения, боясь ареста, он передает реликвию своему младшему брату, Алексею. Михаила действительно репрессируют, и кость остается у Алексея. Алексей умирает в 90-е годы, и мони переходят к его доче-

ри, Татьяне Алексеевне Либерман. И вот как-то раз, в компании, ей показывают фотографию паломнического лагеря на Селигере, в организации которого я принимал участие. Она спросила, кто делал снимки. Ей ответили: Магницкий. Она всплеснула руками: «Как – Магницкий? Да у меня же останки Магницкого! Срочно ведите меня к нему!» И в 2005 году в храме Георгия Победоносца, прихожанином которого был Леонтий Филиппович и прихожанином которого являюсь я, мы встретились, и она вручила мне эту кость. Я считаю, что ее следует захоронить, и не в музее Сухаревской башни, который собираются создавать, а в приделе Георгиевского храма.

– У вас в роду все занимались наукой?
– Дед был священником, расстрелян в сталинские времена. И прадед – священник. Другой дед, по ма-

теринской линии, был членом IV Государственной думы. Пустовойтов Иван Иванович. Он был крестьянин, но владел немецким языком, выписывал агротехнические журналы из Германии. По реформе Столыпина дед взял землю в Саратовской губернии и устроил ху́зяйство так, что прославился на всю губернию и был выбран в Государственную думу. После революции его тоже расстреляли.

– У Леонтия Филипповича был один сын?

– Двое. Причем о втором сыне я узнал ненароком, потому что до сих пор считалось, что у него был только сын Иван. Но, собирая материал о Лефортово, в одной книге, посвященной немецким школам в Москве, я вдруг наткнулся на упомина-

«Арифметика»
Магницкого

ние о некоем Василии Магницком. А поскольку фамилия Магницкий была придумана Петром, других ее носителей, кроме самого Леонтия Филипповича и его прямых потомков, на Руси не было. Да и сам факт, что этот Василий оказался в немецкой школе, тоже свидетельствует о том, что он сын Леонтия Филипповича. Сам Магницкий начинал с изучения языков и своих сыновей пустил по тому же пути. Известно, что Иван Леонтьевич с 1727 по 1729 год учился в Славяно-греко-латинской академии, а потом в университете при Санкт-Петербургской Академии наук. В итоге он стал переводчиком и преподавал в Морской академии, возникшей после раздела Навигацкой школы в 1715 году.

– А что известно о супруге Магницкого?

– Мария Гавриловна была дочерью приказного дьяка Гаврилы Окунькова, у которого помимо нее было еще двое сыновей. Как и отец, оба служили в монастырском и сенатском приказах, жили в Москве. Первое время после женитьбы Магницкие жили скучно. У них уже появились дети (год рождения первого сына, Ивана, судя по всему, 1700-й), но не было своего пристанища, и жили они у приятелей, переходя из дома в дом. Об этом покровитель Магницкого Курбатов пишет Петру I. Мария Гавриловна умерла в 1733 году, «чрезмерно развеселившись от радостной встречи с сыном». Речь идет как раз об Иване, о чем мы узнаем из эпитафии, подписанной «горькослезный Иван».

– Известно, что именно Курбатов рекомендовал Магницкого Петру. Что это за человек и каким вообще было окружение Магницкого в Москве?

– Алексей Александрович Курбатов занимал пост царского «прибыльщика», говоря современным языком, министра финансов. Какое-то время он возглавлял Оружейную палату. Навигацкая школа находилась в ее ведомстве, и он принимал живейшее участие в судьбе ее учеников и учителей. То, что сановник столь высокого ранга хлопотал о Магницком перед царем, говорит о популярности ученого у российской знати. Судя по всему, Леонтий

Филиппович приобрел ее как репетитор. Вероятно, он обучал не только детей, но и взрослых. Тогда это было в порядке вещей. Но первым покровителем Магницкого по его прибытии в Москву был, по всей видимости, Карион Истомин. Иеромонах, личный секретарь двух патриархов, придворный поэт, он был старше Леонтия Филипповича на двадцать лет и в пору их знакомства занимал видное место в и церковной, и в светской иерархии. Входя в число доверенных лиц царицы Софьи Алексеевны, он нередко выступал в роли ее советника и даже предлагал создать храм науки, свободной от религиозной идеологии, что особенно интересно, учитывая, что сам он был священнослужителем. Вероятно, с Магницким он познакомился тогда, когда тот учился в Славяно-греко-латинской академии. Потом они вместе участвовали в процессе о ереси Тверитинова. Карион Истомин выступал на стороне Магницкого.

– В число воспитанников Магницкого входил и Ломоносов. Как складывались их отношения?

– Их знакомство произошло, вероятно, в 1730 году, когда Михайло Ломоносов пришел в Навигацкую школу. Но здесь ему делать было

ничего: к этому времени он знал «Арифметику» почти наизусть! Поняв это, Леонтий Филиппович, видимо, направил его в Славяно-греко-латинскую академию. У Ломоносова было желание заниматься наукой, а наука-то вся на латыни писана! Их судьбы вообще во многом схожи. Примерно в 1685 году с рыбным обозом из селигерского края прибывает в Москву Магницкий, который тогда еще был Теляшиным (в литературе о Магницком его называют Телятиным, что неверно). Точно так же, нескользкими годами позже, с рыбным обозом приезжает из Холмогор Ломоносов. В юности оба хотели стать священниками. Когда Ломоносов выразил намерение принять духовный сан, ему отказали, так как он не из священнического рода. Михайло Васильевич подчинился этому решению как проявлению Высшей Воли. На самом деле его дед по материнской линии был дьяконом, и при желании он мог это доказать. Леонтий Филиппович тоже мечтал о пути священнослужителя и имел для этого все резоны. Святитель Нектарий, основатель Нило-Столобенской пустыни, приходился ему двоюродным дедом. Оба – и Магницкий, и Ломоносов – были чтецами в

Император Петр I.
Гравюра Шрейера.
Конец XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТЫЕВЫМ

Степан Яворский (1658–1722), церковный деятель, президент Синода, митрополит Рязанский и Муромский. Гравировал Алексей Зубов, 1729

церкви, оба нуждались попрежнему, но, как пишет Михаил Васильевич, «наук не оставили». Но самое главное, что объединяло обоих ученых, – это их мировоззрение и, в частности, отношение к религии. Будучи верующими людьми, и тот, и другой отделили церковь от науки, поняв то, чего многие не понимают до сих пор. Что религия – это мировоззрение, а наука – способ изучения материального мира.

– **Магницкий входил в число ближайших сподвижников Петра. Как он относился к реформам?**

– Вообще, современники по большей части ненавидели Петра. Если сейчас всех заставить ходить в немыслимой одежде, это не понравится. Точно так же реагировали на нововведения Петра его подданные. Что до Леонтия Филипповича, то в начале преобразований, когда противодействие им было сильнейшее, он оставался на стороне Петра, но, когда царь приступил к церковной реформе, выступил против. Однако инициативы Петра в области образования он всегда поддерживал.

В 1701 году Петр своим указом создает Навигацкую школу в Москве. С самого ее открытия Леонтий Филиппович преподавал в ней, а в последние десять лет своей жизни ее возглавлял. Именно для нее он писал свои знаменитые учебники.

– **Если вернуться к разногласиям между вашим прапорщиком и Петром – что именно в церковной реформе не устраивало Магницкого?**

– Петр превратил церковь в министерство и поставил управлять ею обер-прокурора, фактически сам себя назначил главой церкви. Попытка заменить церковь государством предпринималась еще Алексеем Михайловичем. Петр эту политику продолжил. Новый духовный регламент был принят в 1721 году. Царь распустил церковный собор и лично назначил нового патриарха. Для этого из Киева был выписан Феофан Прокопович – ловкий и умный человек, готовый на все, чтобы угодить власти. Он и стал главным проводником государевой воли для духовенства. Архимандрит Феодосий Яновский, бывший фактическим главой

церкви до Прокоповича, не годился для этой цели и был смешен. Все это возмущало Магницкого. Леонтий Филиппович был истинно верующим человеком и не мог согласиться с попранием церкви. Наиболее ярким проявлением этого недовольства стало его участие в деле о ереси Дмитрия Тверитинова.

– **В чем заключалась ересь?**

– В открытой пропаганде протестантизма, которая велась на протяжении пятнадцати лет. В основе ее лежали те же догматы, так же отрицались иконы. Презирая уклад русской жизни и стремясь переделать все на европейский манер, Петр обратился к его основе – православию. Тверитинов понял государеву волю и поспешил ее исполнить. Произошло это не без сторонней помощи. Он учился у немецких лекарей, они его и наускали. Тверитинов впоследствии в этом сознался. Вообще, этот процесс сыграл колоссальную роль в жизни петровской России, став своего рода оселком, на котором царь проверял лояльность подданных. Сенат собирался дважды. Суд длился несколько месяцев. В это время глумления над церковью уличные шествия и всепьянейшие соборы достигли апогея. Первая сатанинская месса была устроена Петром I 15 января 1715 года, как раз накануне сенатского суда. Это было то самое венчание престарелого Никиты Зотова, которое вошло в историю как «Патриаршья свадьба». Рассмотрение дела было поручено Феодосию Яновскому. Помимо прочего на него была возложена миссия примирить Магницкого с реформированной церковью. Но Магницкий, невзирая на давние отношения, связанные его с архимандритом, при встрече не только не пошел к нему под благословение, но даже не поздравился. Впоследствии собор во главе с митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном Яворским собрал восемьдесят сказок против Тверитинова и отлучил от церкви и его, и самого Феодосия Яновского. Петр аннулировал это решение, а Магницкий его признал и отказался иметь дело с Яновским.

– **Почему Магницкий оказался под следствием?**

Москва. Церковь Гребневской иконы Божией Матери на Лубянской площади. 1881

– Потому что выражал свою позицию открыто! История сохранила его «Записку о ереси Тверитинова», в которой он обличает протестантизм. Предполагается, что «Записка» была адресована митрополиту Новгородскому и являлась приглашением на диспут, который и состоялся в доме Магницкого на Лубянке. Он длился одиннадцать часов в присутствии многих важных персон.

– У Магницкого же были высокие покровители! Кто-то вступился за него в ходе процесса?

– Три человека, самые близкие к Петру, оказались на его стороне. Причем двое из них сами находились под следствием! Это были светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и государственный канцлер Гаврила Иванович Головкин. Суд состоялся в 1715 году. Петр оказывал давление. Все, кто противился ереси, были арестованы, в том числе и Магницкий. С Магницким говорил сам Петр, и в этот же день допроса его освободил, «не найдя в нем вины». Петр знал, что делал: ему важно было запугать всех, от мала до велика. Магницкий понимал это, от своих принципов не отступил. На заседании суда Федор Матвеевич Апраксин и рыдал, и падал на стол, говоря Леонтию Филипповичу: «Куда ты идешь, ты, простой, ничтожный человек!» Магницкий ему отвечал, что, как у того на корабле каждый ма-

трос выполняет свое дело, так же и он на своем месте делает то, что должно. Это говорит о высоком нравственном достоинстве Леонтия Филипповича. Петр I не любил, чтобы ему перечили.

– Свой путь 15-летний Магницкий начал как возчик для доставки рыбы монахам в Иосифо-Волоколамский монастырь близ Москвы. Пораженные способностями отрока братья решили готовить его в священнослужители. Как получилось, что он все-таки стал ученым?

– Тут Промысел Божий. Наверное, он был нужнее своей стране не священником, а ученым.

– Разве он волен был выбирать?

– Думаю, это был его личный выбор. Ничего не мешало ему стать священником. Я глубоко уверен, что раз он окончил Славяно-греко-латинскую академию и не рукоположился, наука в нем сильно перетягивала. Он кем угодно мог стать, будучи внукаем племянником архимандрита Нектария (в миру его звали Николай Павлович Теляшин). Его родной брат, Иоанн Павлович, был дедом Леонтия Филипповича). Его родственники были священниками, сам он исходил из Нило-Столобенской пустыни и обладал большими познаниями в богословии. Известно, что в 1715 году он был одним из первых читателей «Камня веры», писанного Стефаном Яворским и запрещенного к опубликованию Петром I. Петр лютеран-

ский катехизис разрешил печатать, а «Камень веры» запретил!

– Петр жаловал Магницкому деревни во Владимирской и Тамбовской губерниях и сверх того наградил его «саксонским кафтаном и другою одеждой». Но учителям-иностранцам платили больше. Они действительно были лучше русских или это результат субъективного отношения к ним Петра?

– Петр и Магницкого щедро одарил. Помимо прочего ему была жалована богато украшенная икона Николая Святителя. Наконец, судя по тому, что Магницкий был похоронен в храме Гребневской Божией Матери, ему было жаловано и дворянство. При жизни Магницкого звали профессором и признавали равным Фарварсону (Андрей Фарварсон, английский ученый, любимец Петра, большую часть жизни проживший в России). Помимо него в Навигацкой школе были еще двое учителей-англичан, Грейс и Гвин. «Но те, – как писал в своем докладе Алексей Александрович Курбатов, – до Магницкого наукой не дошли». Что касается иностранцев, договор с ними был действительно на большую сумму, но Петр I его не соблюдал. Фарварсону он заплатил меньше, чем полагалось. Впоследствии и Леонтию Филипповичу подняли зарплату. Кроме того, в 1703 году сразу после издания «Арифметики» ему построили дом за государственный счет – на Лубянке, близ храма Георгия Победоносца. Это произошло в марте, а уже летом Леонтий Филиппович просил освободить его от Навигацкой школы. То есть он готов был потерять и дом, и другие блага из-за конфликта с учителями-англичанами. И конфликт этот произошел, вероятно, из-за высокомерия учителей.

– В первые годы учеников принимали без сословных ограничений. Как долго этот порядок сохранялся?

– Петру I позарез нужны были морские офицеры. Дворян не хватало, и учеников набирали среди всех сословий. После 1715 года, когда открылась Морская академия в Санкт-Петербурге, началось разделение по сословиям. В Москве давали начальное образование, а высшее получали в Санкт-Петербурге. ●

Беседовала Саша Канноне

Ирина Лукьянова

ДИКИЙ ВЕТЕР И РУССКИЙ РАЙ

Можно ли на пороге исторических катаклизмов предвидеть, что ждет страну и тебя лично? Можно ли предусмотреть, принять меры, чтобы зубчатые колеса истории не зацепили тебя и семью? Старые журналы времен забытой войны, в канун революционных событий рассказывали о войне и мире и строили прогнозы, которые жизнь скоро опрокинула.

ЖУРНАЛЫ 1916–1917 ГОДОВ, ПОСЛЕДНИХ ДО-революционных, и сохранили особый дух старой России, и уловили уже порывы ветра неизбежных перемен. Жизнь на их страницах еще нормальная, но уже трудная, еще консервативная, но уже открытая новому. Уже страшная, с похоронками и столбцами имен убитых в газетах, но еще обычная, привычная, сохраняющая мирный, неперевернутый уклад.

Интересней всего, наверное, смотреть на прессу для обычного, интеллигентного читателя – небогатого, но образованного; именно на него ориентировались популярнейшие «Нива», «Огонек» и множество других газет и журналов. Врачи, курсистки, студенты, преподаватели и учителя, средние чиновники и юристы, земские деятели, инженеры, среднее офицерство – все это были читатели тонких журналов обо всем на свете. В 1916–1917 годах весь мир уже устал от войны, но она по-прежнему оставалась главной темой журнальных статей. На обложках красовались зарисовки фронтовых художников, а статьи подробно рассказывали о войне с самых разных ракурсов.

Об истощении Австро-Германии

Литературно-художественное приложение к «Ниве», например, весь 1916 год печатало серию страшно

обстоятельных статей полковника К. Шумского, в которых он подробно, с картами, рассказывал, где и как ведется война, как снабжаются армии, что происходит на фронте у союзников. Любимые темы Шумского – «Об истощении Австро-Германии», «О развязке войны», «Приблизилось ли истощение противника». Приблизилось, уверял Шумский изнемогающего от

войны читателя: третьего года войны не выдержит ни Германия, ни Австрия, «это истощение Австро-Германии должно наступить, и его можно ожидать уже в 1917 году». В 1917 году Австро-Германия не истощилась, война не кончилась, а сам Шумский уехал из России навсегда, поселился во Франции, там умер и был похоронен на кладбище Пер-Лашез.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Об английских стрелках и эльзасских крестьянках

Иллюстрированный журнал «Весь мир» рассказывал читателю и о последних новостях на театре военных действий – битве на реке Сомме, обороне Вердена, – и о технических новинках этой войны. На страницах журнала мелькают аэро-планы и подводные лодки, читателям подробно рассказывают о пулемете, «наиболее гуманном орудии в современной войне» (прилагаемый рисунок демонстрировал, как именно пулемет косит ряды пехоты), показывают модель германского укрепленного участка, «железобетонное пулеметное гнездо», «новейший перископ – наружный вид наблюдательного аппарата с хижиной для наблюдателя». Военные корреспонденты исправно доставляли в журнал портреты бойцов и жанровые сценки: вот казацкая полевая баня, вот отдых на привале, вот кавалеристы, вот летчики, вот бойцы в новейших противогазах. Художники слали рисунки, изображающие военные сцены, которые невозможно было запечатлеть фотоаппаратом: не потащишь его с собой в зимнюю разведку, переходить вброд ледяную речушку в намокающих валенках, не возьмешь в атаку. Еще одна постоянная журнальная тема – достижения науки и техники в области протезирования: вот как пристегиваются искусственные руки и ноги, вот как немцы учат своих инвалидов держать равновесие и прыгать через препятствия на одной ноге.

Война во «Весь мире» в самом деле всемирна: читателю охотно рассказывали о «бушидоо – религии японского солдата», об озорных проделках английского лейтенанта Смили, о битвах, которые ведут с австро-германскими войсками союзники. Приводили открытки, изготовленные для немецких солдат, с напечатанным заранее текстом, чтобы не трудиться, его сочиняя. Например, таким: «Военная служба стоит очень дорого, а потому ваш преданный сын ждет с нетерпением присылки денег».

Союзники в этой войне представляли на страницах журналов почти

Дзятин.
Галиция.
Железнодорожный мост. На обороте письмо с фронта: «Этот мост разрушен нами...»

родными, близкими, понятными. Иностранные летчики и моряки весело улыбались с фотографий, сидели в море с мачт, позировали на фоне огромных античных ваз, найденных в жарких краях при рытье окопов. «Английские стрелки помогают эльзассским крестьянкам убирать жатву. На этой почве возникает немало романов», – извещала подпись под фотографией обнимающихся парочек. В «Ниве» Корней Чуковский подробно рассказывал после поездки в Англию о том, как английские женщины и дети заменили ушедших на фронт мужчин, как взяли на себя их работу и обязанности и гордо, ответственно выполняют их. В другой публикации – приводил переводы фронтовых писем английских солдат, очень похожих на письма, приходившие с германского фронта в русские семьи.

Неужели мне не пить чаши...

С фронта писали много – и домой, и в газеты-журналы. Писать письма было чуть ли не единственным развлечением на фронте.

Через «Весь мир» солдаты искали себе «крестных матерей» – женщин, готовых вступить с ними в переписку и даже прислать что-нибудь полезное. К крестным матерям было принято обращаться в слезливо-взвышенном тоне, описывать унылое осенне ненастье или скучные солдатские досуги, как-нибудь эдак: «Милые читательницы, я, баталер Балтийского флота, служащий уже три года на далеком севере финских скал и в продолжение этого времени не слыша и звука родного языка, очень желал бы, дорогия мамаши, завести хотя бы с одной переписочку, которая сочувствует жизни моряка. Город Або, Финляндия,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

8-я отдельная рота артиллерийского приморского флота, М. Агееву». Другие просто присыпали списки необходимого: «Имею нужду в рубашках, исподниках, портнянках, карандаше, письменной бумаге, конвертах, сахаре, сухарях, ножике, табаке, спичках». Чаще всего крестных матерей просили прислать книги, старые журналы и венские гармони: солдаты на позициях изнемогали от скуки. Впрочем, просили также балалайки и мандолины, «скрипку и ноты для нея», гитару, электрические фонарики, сапожный инструмент, бумагу, химические карандаши – ими было удобнее всего писать. Некоторые солдаты и нижние чины пытались

Газета «Известия Центрального военно-промышленного комитета»

Императрица Александра Федоровна с дочерьми, великими княжнами Ольгой (стоит) и Татьяной, в костюмах сестер милосердия. Царское Село. 1914 год

продолжить образование и просили у добрых мамаш учебники латинского и греческого, «физику Кравича, Древнюю и новую историю Иловайского, Историю средних веков Иванова».

«Приходской листок» опубликовал в 1916 году несколько писем с фронта, адресованных священникам. В одном из них прихожанин простиенно рассуждает о Рождестве Христовом, вспоминает о дарах волхвов и, сожалея, что не может принести никаких даров, пишет батюшке: «Мне жаль, что я в столь глубокой с вами разлуке и не могу провести этот праздник во храме единодушно с Вами и разделить церковные песнопения пополам, но делать нечего надо покориться судьбе, неужели мне не пить чаши, которую дал мне Отец наш Небесный?»

«Военный вестник», публикуя обзор фольклора военного времени, приводил печальные частушки солдаток:

«Миша Миша мой солдатик
Помнишь Варю ты свою
Али в немском скверном царстве
Ты томишься во плену?»

А газета «Вечернее время» напечатала солдатскую песню, записанную малограммовым воином: «Если войска в нас нихватает своих жен мы вооружим стариков с печи потащим по Россию ниодадим».

Юмор тоже теперь стал военный.

«Посетительница лазарета:

– Я думаю, вам очень тоскливо здесь?

Раненый:

– О нет. Ведь к нам не допускают посетителей ежедневно».

Не разбивая стекол

Женщины в форме сестер милосердия стали уже привычным явлением; на старых журнальных фотографиях мы видим в сестринской форме и царицу Александру Федоровну с царевнами Ольгой и Татьяной среди раненых Царскосельского госпи-

Дует ветер

Дует ветер бьет в юга
Мрачнам воздухам свежит
Нитриатель браты видин
Иколоны иреды
Пули воюют пере нами
Нинаделалба вреды
Сонце залиса заходит
Азаря все горит
Будим бится мы все время
Допоследнива конца
В нас воиска иши многа
Изабьем как подлеца
Если войска в нас нихватает
Своих жен мы вооружим
Стариков с печи потащим
Но Россию ниодадим
Слезы горкие польюце
Будут лица без конца
Нинадешь нигде солдата
Как русака молодца.

Песни запаснова солдата

таля. Канцелярия Петроградский
Ея Величества го- женский батальон
сударыни импера- на отдыхе.
трицы Марии Фе-
одоровны изве-
щала, что «прием

пожертвований деньгами и веща-
ми в пользу раненых и больных во-
инов принимается в собственном
Его Величества Аничковом Дворце,
Фонтанка, 50 по средам, четвергам
и пятницам от 11 – 3 час. дня».

Новое явление для 1916–1917 годов – первые женские военные фор-
мирования: женщины-моряки в
Мурманске, женский батальон смер-
ти в Петрограде.

Приложение к «Ниве», публикуя ре-
цензию на книгу «Трагедия суфра-
жистки», мемуары одной из лидеров
английского движения за равнопра-
вие женщин, замечало не без ехид-
ства: «В то время как женщины на
континенте (в особенности в России
и Финляндии) завоевывают свои пра-
ва тихо и скромно, путем постоянно-
го расширения культурной работы
на разных поприщах, не крича о «по-
пранных» правах и засилье мужчин,
не разбивая стекол, английские жен-
щины идут путем натиска и бурного
захвата». Однако и натиск, и бурный
захват, и битве стекол с началом ми-
ровой войны отошли на второй план:
борьба за права женщин вступила в
новую стадию, когда сама жизнь по-
требовала от женщин покинуть кух-
ню и детскую, чтобы воевать и рабо-
тать наравне с мужчинами.

Татьяна Щепкина-Куперник, просла-
вившаяся потом своими переводами
Ростана, напечатала в приложении к
«Ниве» стихи о женщинах, заменив-
ших на покосе мужей и братьев:
«Косы звонкие метки и остры,
Жарок вянувших трав аромат.

Бог на помощь вам, жены, вам, сестры,
Наших ратников – наших солдат».

Журналы предреволюционных лет публикуют портреты женщин-
врачей и женщин-общественных
деятельниц, демонстрируют фотогра-
фии благотворительной столо-
вой, открытой Лигой равнопра-
вия женщин, и кооперативных
курсов при Лиге. Рассказывают о
воспитанницах Новороссийской
женской гимназии, которые куль-
тивируют лекарственные травы в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

помощь промышленности, и пуб-
ликуют душераздирающие рассказы о подвигах сестер милосердия на фронте.

Впрочем, женщин волнует отнюдь не только равноправие. Снаряды, пули, наблюдательные пункты и укрепленные районы прелестным образом перемежаются великосвет-
скими рассказами из жизни пре-
красных графинь и последними парижскими модами. Последняя тенденция – укороченные платья! Трены отменяются!

Парижский корреспондент «Всего
мира» Н. А. Т. в каждом своем об-
зоре пытается пророчить: «Трудно
сказать, какие материи будут в мо-

Офицеры
женского
батальона.
Петроград.
Июль 1917 года

де для нарядных туалетов. Однако, кажется, в особен-
ное употребление войдет всевозмож-
ного рода тюль».

Средний журналь-
ный читатель большого штата при-
слути не имел, а с началом войны
многое пришлось делать и самому. В помощь хозяевам журналы печа-
тали длинные подборки полезных
советов: как мыть линолеум, как от-
чистить пятна ржавчины с белья,
как стирать «пыльные тряпки» и чи-
стить «эмалированные ванны»... Все
большее место среди полезных со-
ветов начали занимать советы по за-
мене сахара медом и домашнему из-
готовлению сахара. Газета «Русский
инвалид» из номера в номер рекламировала брошюру «Чем заменить мясо: Руководство к приготовлению
вкусных, сытных и дешевых блюд». А «Весь мир» – лекарство от истоще-
ния «лецитал».

Запечатлайте эпизоды великой войны

Реклама военного времени – со-
вершенно особая тема. В 1916 году
«Русский инвалид» предлагал своим читателям: «Запечатлайте эпизо-
ды великой войны! Фото-камеры и
принадлежности к ним предлагает в
большом выборе т/д И. Стефон и Ко». Медико-техническая контора Федо-
ра Ивановича Фогеля предлагала «Дезинфекционные аппараты «Гиги-
ена» станционные и на колесах для

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великие княжны
Мария и Анастасия среди раненых
нижних чинов
в лазарете имени
Их Императорских
Высочеств.
Царское Село.
Июль 1915 года

головы в мешки с
песком, которые
тут же затягивают
тесемками.

Этнографические
типы, смешные
местные обычаи
(девушки три раза
с скачут на одной
ноге вокруг башни
в Уотерфорде, чтобы
выйти замуж в этом го-
ду), нью-йоркские

танцовщицы-босоножки, жизнен-
ный цикл цикады, пребывание
эмира Бухарского в Петрограде
и испанская королева Виктория-
Евгения с инфантом Гонсало на
морском берегу... Кажется, никто
ничего не чувствует, не понимает,
не предвидит, что впереди. Читате-
ли готовят перевязочные материа-
лы для госпиталей, взяются с шах-
матными этюдами, решают задачи
на премии...

Одни поэты, кажется, чутко ловят
колебания мировых струн. Они точно
что-то знали и провидели – каж-
дый в меру своего таланта. Н. Горлов
страшает читателя со страниц при-
ложения к «Ниве»:

«Оживают призраки каменных гробниц,
Льнут к оконным впадинам впадины
глазниц,

Точно к сердцу тягнется мертвая рука
И томит безглазая жуткая тоска!»

Сергей Городецкий, наоборот, радостно приветствовал молодежь и пророчил новую жизнь:

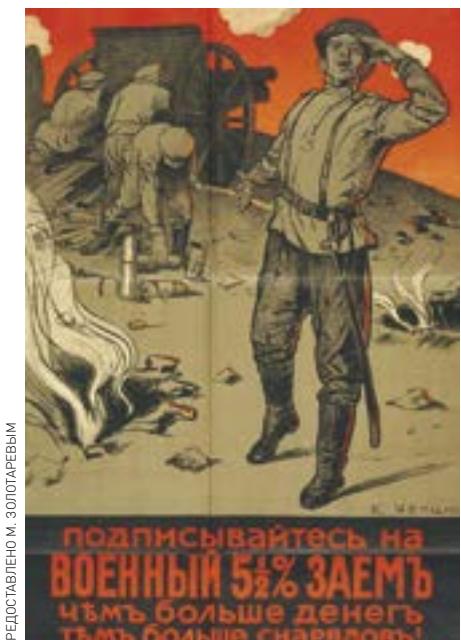
«Война минует. Станет шире,
Еще богаче русский край,
И в изумленном старом мире
Осуществится русский рай».

А Блок уже слышал завывания чер-
ного ветра перемен:

«Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?»

Двумя годами позже черный ветер
во всю силу задует в его «Двенад-
цати»: «Ветер, ветер, на всем белом
свете».

Слушайте поэтов, господа. Они да-
же если и не знают ничего, то напо-
ют верно – о черном ветре, о безглазой
тоске и о русском рае. ●

дезинфекции и дезинсекции всяко-
го рода белья и одежды, кипятиль-
ники усовершенствованные деше-
вой конструкцией.

Господам офицерам в действую-
щую армию наложенным платежом
предлагали выслать полное обмун-
дирование и снаряжение, включая
бекеши, поддевки, кожаные курт-
ки, папахи, шпоры, чемоданы, фо-
нари электрические.

В газете рекламировались «обода для
аэропланов», «настоящие финлянд-
ские санитарные повозки, брезен-
ты, непромокаемые пальто». И еще,
конечно: «Лучший ответ русских на
германские слова о мире – усилен-
ная подпись на военный заем».

О ловле страусов

При этом, конечно, читатель не те-
рял живого интереса к происходя-
щему в стране и мире. Поэтому се-
рьезные журналы вели с ним «хи-
мические беседы», рассказывали о
«материи и мировом эфире как осно-
ве вселенной», обсуждали животре-
пещущие вопросы вроде «понимают ли
собаки значение смерти» и рассу-
ждали о возможностях человеческо-
го мозга. Менее серьезные – развлече-
вали историями о «ловле страусов на
основании их всем известной при-
вычки прятать голову в песок при
приближении опасности»: туземцы
шумят и гремят трещотками, страу-
сы бегут на белых людей и прячут

Алексей Макеев

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СКИТАНИЙ

Этот удивительный человек совершил кругосветное путешествие, чтобы вернуться домой. Он прошел более 3 тысяч километров по Южной Америке, жил в Японии, Китае, Австралии, изнывал от тропических болезней, несколько лет провел в европейских тюрьмах... Владимир Наседкин выжил только благодаря удивительной силе духа и желанию вернуться в Россию.

Оксана Носовская

В 1884 ГОДУ В ХАРЬКОВЕ В семье бывших крепостных Наседкиных родился сын – Владимир. В семь лет его отдали в приходскую школу. Обучившись грамоте, Владимир начал читать своей матери романы и пьесы вслух. Литература произвела такое впечатление на неграмотную женщину, что она стала сочинять рассказы, диктуя их своему сыну. В юности Владимир увлекся революционными идеями, принимал участие в организации забастовок и распространении запрещенной литературы. Все закончилось арестом и ссылкой в Сибирь. В феврале 1907 года Наседкин с другими осужденными был отправлен из Одесской тюрьмы в глухое таежное село Мар-

тыновку Иркутской губернии. Продолев около 8 тысяч километров в трюмах пароходов, на баржах, «лодках-душегубках», пройдя немалую часть пути пешком, узники к концу лета добрались до пункта назначения.

Здесь Владимир пробыл всего... 20 минут. Обменяв у якута арестантский бушлат на старую лодку, он и еще двое ссыльных бежали. Плыли по бурной речке, вычерпывая воду из лодки. Миновав Киренск, Витим, Бодайбо, Сретенск, Благовещенск, Наседкин попадает во Владивосток. «Работа была случайная, – вспоминал Владимир, – платили за нее гроши». Почти два года Наседкин провел на Дальнем Востоке, работая кочегаром на пароходе, грузчиком в порту, ры-

баком, полировщиком в мраморной мастерской. Он опасался ареста и нигде не задерживался надолго. В итоге решил бежать в Японию.

Японский театр и товарищ Артем

На японском рыбакском судне он добрался до Хакодате, а затем попал в Нагасаки. Надеялся найти здесь соотечественников, но отыскал лишь молодого парня Саньку, который работал в гостинице за кусок хлеба и мечтал уехать в Китай. Наседкин дал Саньке денег на дорогу до Шанхая, сам же не спешил покидать Японию. Познакомился с местным башмачником, немного говорившим по-русски, стал изучать японский, попутно обучая русскому

языку японцев, которые встречали иностранные пароходы.

С самого начала своих странствий Наседкин проявлял совершенно удивительные романтизм и стремление познать окружающий мир, не жалея при этом ни сил, ни оставшихся копеек. Экономя на всем, он тратил последние деньги на билеты в японский театр, а попутно изучал систему воспитания в местных школах.

Через некоторое время Владимир на русском пароходе зайцем перебрался в Шанхай. Но и здесь он не нашел достойного заработка. Наседкин часто бесцельно бродил по огромному городу. Именно в один из таких дней он случайно встретил предводителя харьковских рабочих Федора Сергеева.

Сергеев, больше известный под кличкой «товарищ Артем», спасаясь от сибирской каторги, только что прибыл в Китай. В поисках работы земляки нашли пекарню, хозяином которой был русский. Здесь уже работали два русских парня, так что хозяин только развел руками: «Ведь вы же не захотите возить хлеб по городу!» Харьковчане, не раздумывая, впрыглись в тележки. «На улице китайцы останавливались, – вспоминал Владимир, – с удивлением разглядывали невиданное зрелище: европейцы работают как кули...» (кули – носильщик, грузчик, возчик, чернорабочий в Индии, Китае, Японии, Индонезии. – Прим. ред.). В колониальных газетах писали, что

надо выселить русских из города, потому что, работая кули, они «подрывают престиж европейцев». Прожив в Шанхае полгода и поднакопив денег, Владимир и Артем купили билеты на пароход в Австралию, надеясь найти там менее тяжелую работу.

По стопам Русского Джека

Остановившись по пути в Гонконг, на Борнео и острове Тимор, русские странники впервые увидели хижины аборигенов, кокосовые пальмы, детвору, жующую стебли сахарного тростника. Ожидали увидеть такую же туземную жизнь и в Австралии. Но Брисбен (административный центр штата Квинсленд. – Прим. ред.) мало чем

отличался от типичного европейского портового города. Едва сойдя на берег, друзья встретили соотечественников и с удивлением узнали, что в Австралии живет большая колония русских рабочих. Еще одним открытием для них стало то, что почти все рабочие здесь – члены профсоюзов и борются за свои права.

Русские рабочие в то время были уже хорошо известны в Австралии. Еще с конца XIX века по стране ходили легенды о Русском Джеке, который поражал австралийцев богатырской силой и благородством. Свой самый известный подвиг Иван Федоров (так звали Русского Джека) совершил у деревни Холл Крик, куда спешил, чтобы застолбить золотоносный участок. По пути встретил больного старателя. Русский Джек посадил больного в свою тачку и 300 километров толкал ее по бездорожью до ближайшей больницы. Позднее австралийский писатель Питер Бридж написал книгу об Иване Федорове, а в Холл Крик был установлен памятник Русскому Джеку.

Вскоре Артем и Наседкин оказались в Уорике (небольшой город в юго-восточной части штата Квинсленд. – Прим. ред.) на строительстве железной дороги в бригадах Томсона: «С первой получки я приобрел палатку и установил ее рядом с палаткой Артема. Койку устраивали из двух мешков, в виде «раскладушки». Столом служил ящик, к которому прибивали ножки. Жестянки из-под керосина использовались как умывальник. Из посуды покупали только сковородку, эмалированную кружку, тарелку, ложку и котелок для чая. Вот и все «хозяйство» австралийского землекопа...»

Бригады Томсона, состоявшие из 400 русских, шотландцев и ирландцев, считались лучшими на строительстве. Артем быстро освоился с новой работой и в соревновании по наполнению вагонетки на скорость превзошел всех. За что и получил прозвище Большой Том. В свободное от работы время он обошел все бригады в радиусе 15 километров, собрав русскую спортивную коман-

ду. Помимо спортивного коллектива Артем организовал среди соотечественников кружки по занятию музыкой и изучению английского языка.

«Эхо Австралии»

С наступлением жары работа замерла. Рабочие съезжались в Брисбен со всей Австралии, в городе целые улицы заселялись русскими. В первое же межсезонье Артем объединил всех русских в Союз русских эмигрантов (с 1914 года – Союз русских рабочих). Владимир вспоминал об этом так: «Мы встречались с земляками, приехавшими из центра сахарной промышленности Бандаберга, с угольных шахт Ньюкасла, медных рудников Нового Южного Уэльса, с золотых приисков и других районов. Среди прибывших нашлось немало хороших певцов, танцоров, музыкантов. С помощью Союза рабочих Австралии сняли помещение для устройства вечера. Огромный зал был переполнен, а у входа толпилось множество людей, желавших попасть на вечер. Актеры-любители хорошо поставили «Женитьбу» Гоголя. Даже не знавшие русского языка зрители дружно хохотали. Потом играли русские гармонисты, их сменил оркестр балалаечников. На сцену вышли танцоры, исполнявшие русские и украинские пляски. Музыка и танцы захватили австралийцев, громом аплодисментов они наградили исполнителей...»

Также силами новообразованного Союза были организованы кассы взаимопомощи и наложен выпуск первой русскоязычной газеты, «Эхо Австралии». И здесь Наседкин выделялся из всей общины. Его записки о трудиной жизни то и дело прерывались описаниями окружающей природы, посещений музеев, зоологических и ботанических садов, впечатлениями от местной литературы. В музеях Наседкин изучал как австралийскую природу, так и быт населявших регион народов и племен. Особенно впечатлило русского рабочего, что «Тасмания – целая страна! – была куплена за пару бочек спирта, несколько оде-

ял и побрякушек; «договор» был скреплен значками вождей местных племен... В Тасмании все население было истреблено. Лишь несколько уцелевших стариков поселили в «музее» бухты Лаперуз; там они жили в палатках, их подкармливали. Это были последние аборигены».

В конце 1912 года в Брисбене Владимир последний раз увиделся с Артемом, который к тому времени женился на австралийке и обзавелся собственным домом. Никто и предположить не мог, что после революции 1917 года Артем вернется на родину, станет соратником Сталина, займет пост председателя Временного правительства Украины, погибнет в 1921 году

при испытании аэровагона, будет похоронен на Красной площади, а его ребенка усыновит будущий вождь народов.

«Собственники солнца»

Владимир перебрался в Сидней, где и русских, и работы было мало: «После одиннадцати часов вечера жизнь в Сиднее замирала. На улицах оставались только бездомные и безработные. Они имели «право» бродить всю ночь; если же человека находили спящим под открытым небом или, например, в подъезде, судья приговаривал его к тяжелым принудительным работам на срок до одного года. Таких людей называли «собственниками солнца», потому что их единственным bla-

гом была возможность греться на солнце».

Целые дни Наседкин проводил в музее, библиотеке, картинной галерее. В итоге остался без единого гроша. Неожиданно для самого себя он стал «собственником солнца». Ночами Владимир бродил по Сиднею. Однажды его нашли спящим в ботаническом саду и отдали под суд. Спасло его только членство в Союзе рабочих, который к тому времени обладал большим авторитетом, так что приговор ограничился устным предупреждением.

Из Сиднея Наседкин отправился в Мельбурн. Пешком. Скитания безработных по стране были обычным делом. Золотоискатели, землекопы, шахтеры, строители бродили

по всему Восточному побережью Австралии. «По пути я думал: вряд ли есть еще другая страна, где такое множество людей передвигается пешком... В Австралии установился обычай гостеприимно относиться к путникам. На фермах были помещения, где они могли поесть, переночевать, запастись пищей на дорогу».

«Долгие часы проводил я в музейных залах Мельбурна. В минералогическом музее были собраны образцы редких полезных ископаемых. Возле модели огромного золотого самородка была надпись, что нашли его в Сибири... Так же часто я бывал в Мельбурнской библиотеке – одной из крупнейших в Австралии. В Мельбурне при мне гастролировал русский балет. Билеты стоили баснословно дорого, но в городе только и говорили о прекрасном русском искусстве, о «непревзойденной Анне Павловой».

Вернувшись в Сидней, Наседкин устроился полировщиком в мраморную мастерскую. На досуге перевел на русский язык повесть австралийского писателя Маркуса Кларка о жизни первых каторжан, сосланных из Англии в Ботани-Бэй (бухта в Сиднее), и очень жалел о том, что перевод был потерян во время дальнейших странствий.

«В один из воскресных дней я отправился за город – на мыс Куджи, где мечтал поселиться. Волны с гулом разбивались о скалы, образуя пенящийся бурлящий водоворот. Справа тянулся прекрасный отлогий пляж, на золотистый песок набегали лазурные волны. Я спустился по скалам почти к самому берегу». Владимир подружился с семьей Тук, жившей на мысе, и снял у них комнату. Но «все чаще мною овладевала тоска: воспоминания о России, о прошлом были и отрадны, и мучительны». А тут еще мамаша Тук вдруг объявила русского женихом своей дочери Бетти и пообещала добиться для него австралийского гражданства. От отчаяния Владимир бросился с любимой скалы в океан, кишащий акулами и медузами. Посмотреть на невиданный трюк сбежалась целая толпа, а на следующий

ОСКАР НАСЕДКИН

день сиднейские газеты приветствовали русского смельчака, плававшего с акулами. Герой же тем временем принял окончательное решение: любой ценой вернуться на родину.

Кузьма из Сантьяго

Попасть в Австралию оказалось легче, чем выбраться из нее: билеты на пароходы, уходившие из страны, были слишком дороги. В порту Ньюкасла Наседкину пришлось поступить матросом на немецкий парусник, подписав кабальный договор. Парусник шел в чилийский порт Вальпараисо. Океан бушевал. 33 дня деревянное судно трепали волны. «Парусам конец, скоро будет конец и судну!» – кричал шкипер. Но в итоге парусник смог причалить к берегам Чили.

Наседкину удалось сбежать с судна, но на берегу его ждало разочарование. Дело происходило летом 1914 года, когда из-за разразившейся Первой мировой войны торговля между Европой и Южной Америкой сильно сократилась. Суда, перевозившие из Чили селитру, стояли на приколе в Вальпараисо, а оставшиеся без работы моряки бедствовали на берегу.

Владимир добрался до Сантьяго, где вместе с одним русским начал продавать дешевые лубочные картички. Но затем познакомился с другим соотечественником – Кузьмой, который сообщил, что в Европу сейчас можно попасть только из Панамы. Владимир получил в Русском консульстве документ, удостоверяющий личность, и вместе с Кузьмой стал пробираться к Панамскому каналу. Пройдя пешком по побережью более 1000 километров, они оказались в порту Антофагаста. Но и отсюда не было никаких рейсов. Дальше на пути лежала пустыня Атакама. Кузьма сказал, что идти через пустыню – это верная гибель, и вернулся в Сантьяго. Владимир же запасся водой и решил рискнуть: «Шел я быстро. Вокруг пески и горы, никаких признаков жизни». Спал, закапываясь в песок: «Я так засыпал себя песком, что оставалось открытым только лицо – ночи были очень

прохладные, а песок, накаленный за день солнцем, согревал».

Через несколько дней вода кончилась. Изнемогая от жажды, Владимир почти терял сознание. Поднимался, шел и снова падал... Его, едва живого, нашли местные кочевники. Приведя «безумного русского» в чувство, спасители доставили Наседкина в порт Арика. Оттуда на пароходе он добрался до Перу, а затем до эквадорского порта Гуакилья, изучив по дороге процесс производства какао и кофе.

Из Гуакилья пароходы тоже не ходили. В Панаму оставался один путь – пешком через джунгли Эквадора и Колумбии. В дороге Владимир ночевал в хижинах индейцев: «В каждой хижине стояла каменная чаша, в которой женщины размальывали просушенные бобы какао, добавляли в них сок сахарного тростника и из такого теста пекли большие лепешки. За все время перехода я не видел хлеба, питался одними «шоколадными лепешками». В джунглях Колумбии русский странник перешел с какао-диеты на диету банановую. Банановое дерево давало аборигенам все: из листьев делали посуду, одежду, сооружали хижины, из больших бананов варили суп, средние – жарили, мелкие – ели сырьими.

Добравшись до Боготы, Наседкин передохнул у русского фотографа, с которым случайно познакомился. С помощью соотечественника удалось пристроиться на пароход, шедший по одному из притоков реки Магдалены к побережью Карибского моря. На пароходе Владимира свалила лихорадка: «Я почти ничего не ел, глаза заволакивал туман, казалось, что смерть моя близка...»

По прибытии в порт города Барранкилья Наседкин решил идти в город пешком. 10 километров брел всю ночь, но, не дойдя совсем немного, потерял сознание. Очнулся в христианском монастыре, в приюте... для прокаженных: «Меня подобрали и, посчитав за неживого, привезли в мертвецкую, чтобы затем предать тело кремации. Меня спасла настоятельница монастыря: осматривая мертвецкую, она по каким-то признакам установила, что я еще

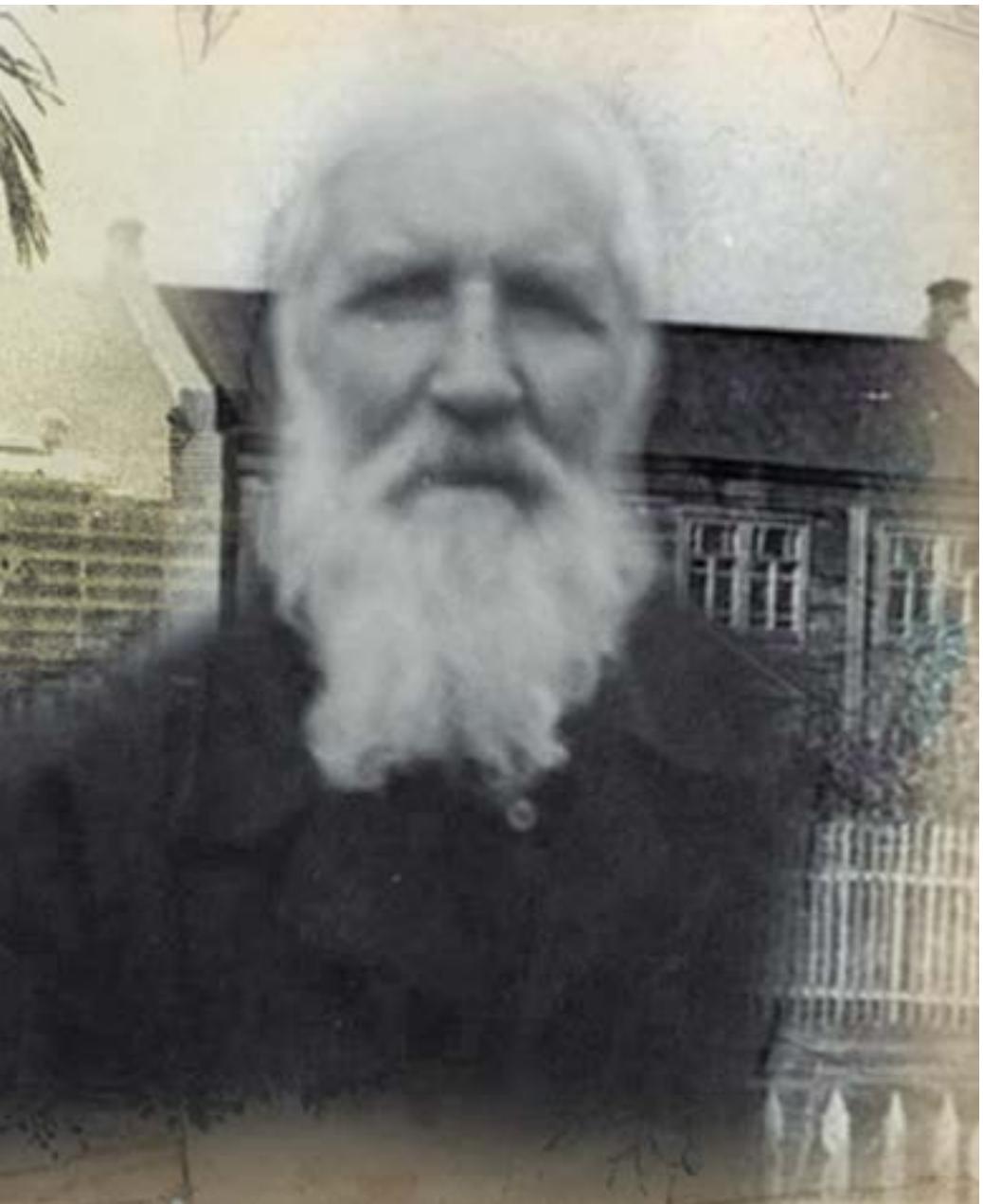

жив, и распорядилась унести в палату».

Оправившись, Наседкин вернулся в барранкильский порт, где поступил матросом на пароход, шедший с грузом бананов в Ливерпуль.

В европейском аду

На пароходе измученный скиталяц плакал от счастья. Но уже на подходах к Британским островам стало ясно, что на пути в Россию опять возникли препятствия. В Старом Свете бушевала война. Владимир прожил полгода в Лондоне, работая на кондитерской фабрике. Не найдя возможности добраться до России по морю, решил пробираться по суше, сквозь воюющую Европу.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Но только он пересек Ла-Манш, как был арестован, несмотря на наличие оформленной по всем правилам визы. Наседкину предложили либо вступать в Иностранный легион, либо подыхать за решеткой. В Легион вступать он отказался. Начались три года французских тюрем и лагерей. Три долгих года грязных застенков, голода, издевательств, побоев... Освободившись, Наседкин перебрался в Италию. И опять попал в тюрьму на несколько месяцев, после чего его выслали в Грецию. В Афинах Владимир устроился в гуманитарную миссию «Русский дом», помогавшую военнопленным. Затем перебрался в Белград, где работал в таком же «Русском доме». Пережил тяжелую зиму в Софии, ночуя в саарах рядом с буйво-

лами. Затем добрался до Константинополя. На улицах здесь царило безумие: «Матросы и солдаты бродили толпами, горланили песни, устраивали драки. А на главной улице стояли русские, просившие подаяния. Вид у них был ужасный... Здесь же продавали картины, книги, редкие вещи. Ценные издания с отличными гравюрами отдавали за гроши. Разгул в Константинополе дошел до последних пределов. В Галате стояли в окнах почти совсем голые женщины, зазывавшие прохожих». Владимир устроился работать в ресторан «Черная роза», где пел Вергинский. Наседкина взяли только потому, что он умел превосходно готовить кофе по рецептам самых разных стран.

После нескольких месяцев жизни в Константинополе появилась возможность вернуться на родину. Было объявлено, что пароход «Решид-паша» готов доставить беженцев в Новороссийск. Наседкин оказался в числе счастливчиков: у него были и виза, и билет. Однако, выйдя на рейд, забитый до отказа пароход простоял неделю. Пошли слухи, что русских хотят отвезти не в Новороссийск, а на «остров смерти» Лемнос (так его называли из-за страшных условий жизни, русские беженцы там умирали целыми семьями. – Прим. ред.). Некоторые пассажиры стали перебираться обратно на берег. Среди них был и Владимир... Пароход все же ушел в Страну Советов, но по прибытии в Новороссийск большая часть пассажиров были расстреляны.

В сентябре 1921 года Владимир устроился на маленькие греческие судно, доставившее его наконец в Севастополь.

Путь по родной земле до Харькова оказался тяжелым. Однажды Наседкина спасло только то, что в свои 37 лет он выглядел на 70, и матросы, пожалев старика, взяли его к себе в поезд.

В Харькове Наседкин пошел в дом своих родителей. Там совершенно незнакомый человек рассказал, что никого из Наседкиных в живых не осталось, а мать его умерла два месяца назад. «Тоска сжала мое сердце, я не мог сдержать слез. Зашел в соседний дом. Дверь открыл пожилой человек. Посмотрев на меня, он воскликнул: «Володя! Неужели это ты?! Я тебя только по глазам узнал – ведь ты совсем старик!»

О дальнейшей жизни Владимира Наседкина почти ничего неизвестно. Сообщается только: «работал на производстве, а в свободное время писал книгу о своих странствиях».

Книга «Пятнадцать лет скитаний по земному шару» Владимира Наседкина впервые была напечатана в 1932 году тиражом 5000 экземпляров. Через год переиздана тиражом 500 экземпляров. В 60-х годах, когда автору уже пошел девятый десяток, книга вышла тиражом 50 тысяч экземпляров, была переведена на английский и французский языки. ●

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПРИЧНИНА – ВЕЩИ НЕСОВМЕСТНЫЕ

С конца минувшего года не прекращаются споры вокруг фильма Павла Лунгина «Царь». Диапазон мнений очень широк – от полного восторга до резкого неприятия и чуть ли не призывов предать режиссера анафеме. О том, как он ко всему этому относится, Павел Лунгин рассказал в интервью «Русскому миру.ru».

В прессе писали, что вы отсняли намного больше материала, чем вошло в картину. Чем вы руководствовались, когда по ходу монтажа что-то выбириали, меняли?

– Это неправильное утверждение, что я что-то менял. Я ничего не менял. – То есть четко следовали сценарию?

– Четко и жестко. Сценарий назывался «Иван Грозный и митрополит Филипп». Их противостояние было изначально. Ибо они по-разному смотрели на Бога, на жизнь, на власть. Как было написано в сценарии замечательным писателем Алексеем Ивановым, так я и снимал. Понимаете, какой-то несерьезный разговор ведут мои критики. Словно копаются в тарелке с макаронами, вынимая их оттуда по очереди – эта макаронина мне нравится, а эта не нравится. Я вообще не

понимаю такого подхода. Это художественное произведение, цельное и последовательное. И копаться в нем – все равно что влезть в живой организм и говорить: печенка мне нравится, а селезенку выкинь. Поэтому считаю, что на эти досужие разговоры не надо реагировать.

– Один известный предприниматель, считающий себя и «общественным деятелем», в статье во влиятельной газете обвинил вас в «клевете и глумлении над русским народом, над православной верой, над тысячелетней российской государственностью»...

– То, что я показал в фильме, – это жестокий мир Средневековья, мир жестокого царя. Россия, к сожалению, живет тем, что называется ретроспективной утопией, мифами, что все прекрасное было у нас в прошлом и т.д. Тем самым мы отнимаем у себя будущее, потому что

если постоянно идеализировать прошлое, то никогда не будет тех перемен и тех осознаний, которые, собственно, и делают будущее.

И это картина, призывающая к размышлению,зывающая к милосердию, к гуманизму, и поэтому...

– ...там надо было показать пытки, глумление над человеческим достоинством?

– Есть там это, конечно. Но в фильме совсем немного сцен жестокости. Другое дело, что эти сцены решены так, что делают больно. Художественно сняты – так, что запоминается. В огромном количестве фильмов, которые мы видим на телевизоре, на киноэкране, людей убивают сотнями – режут, потрошат, поджаривают. Но там это сделано так, что вызывает легкую, девальвированную боль. А есть реальная боль. И мне хотелось ее показать. Это совсем непростое дело – показать что-то так, чтобы люди почувствовали ужас. Поэтому давайте говорить по существу фильма, не обращаясь к моим непрощенным «соавторам», которым что-то нравится или не нравится.

– Ну, для меня лично «Царь» – необычный, неожиданный фильм. Может быть, таких фильмов у нас еще и не было...

– Я часто вступаю в какие-то новые области, которые не разработаны. У меня, по сути, все фильмы такие были, начиная с «Такси-блуз» – совершенно новой и необычной в нашем кинематографе кинокартины. Да и «Свадьба» и «Олигарх» – фильмов такого типа в русском кино тоже не было. Это уж потом другие режиссеры стали тиражировать. Да и фильм «Остров» я считаю абсолютно новым по жанру. И «Царь» –

РИА НОВОСТИ

какой-то иной фильм. Поэтому, как правило, мои картины многие встречают в штыки как что-то не-привычное. Ведь и «Остров», который сейчас признан, вначале был встречен чуть ли не как богохульный фильм.

Я, в общем, морально был готов, что реакция на «Царя» будет сложная, но мне кажется, именно те споры, которые вызвал фильм, и говорят сами за себя. Он заставляет людей думать, оценивать себя, окружающий мир, оценивать и думать о нашем прошлом, и я считаю, в этом и есть его главное достоинство.

– В оценке-то как раз и состоит вопрос. Вас упрекают в очернительстве прошлого России. У нас в истории есть знаковые фигуры. И Грозный одна из них, и, как говорится, неоднозначная. Мне перед этим интервью коллеги напомнили про его достижения: вдвое увеличил

территорию страны, ввел книгопечатание и так далее. У вас же этого позитива не показано – только негатив. Неужели нельзя было хоть что-то позитивное показать – «для баланса»?

– Ну, какой баланс! Понимаете, я совершенно не занимаюсь балансом. Если люди хотят знать о Грозном, пусть читают Ключевского, Карамзина, Соловьева, Костомарова. Он очень разработан. Все взвеличивание Грозного – это сталинская идея. Он до Сталина никогда не был взвеличен, и царская династия всегда его стыдилась. Вообще, русская традиция – это традиция некоторого стыда и ужаса перед Грозным, потому что он был, конечно, маньяк и садист, а еще, видимо, человек не совсем психически здоровый. Мне удивительно, насколько сознание у наших людей мифологическое, сказочное, абсолютно не базирующееся на реальной истории. Из

всех моих критиков никто не утрудал себя открыть наших великих историков и почитать то, что написано там о Грозном. Есть некоторый миф о том, что России обязательно нужен жестокий царь, о том, что прогресс в России и счастье России невозможны без жестокого правления. Это, повторяю, сталинская идея.

В XIX веке ее не разделяли наши государи, пытавшиеся быть милосердными и мягкими. Может быть, даже слишком. Я говорю о Николае II, не сумевшем раздавить восстания. Но идеей Сталина было оправдывать свои чудовищные репрессии, чистки историческими примерами, и Грозный стал, так сказать, его вечным козырем. Он очень многое у него взял. Он так же, как Грозный, жил по ночам, работал по ночам. Он создал карательные органы по принципу опричнины и взял на вооружение принцип перманентной внутренней, гражданской войны в государстве. Stalin полностью перенял эту идею Грозного с опричниной, когда опричники имели все права и власть над жизнью, смертью, имуществом, женами, детьми и так далее, будучи сами освящены и неприкасаемы.

– В чем для вас проблема Грозного, а через него власти в России *per se*?

– В том, что он идею помазанника божьего воспринял так, что он и есть Бог на земле. Это слияние между Богом и властью – земным богом и земной властью. Мне кажется, это чрезвычайно опасная вещь, и мне хочется верить, что России нужен не просто царь – России нужен хороший царь, и мне хочется верить, что Россия может достигать прогресса и благородства не жестокими методами, а нормальными, человеческими. И очень хотелось бы разрушить миф о супервой жестокости, которая обязательно должна являться постоянным атрибутом русской власти.

Хочу обратить внимание, что наша власть сейчас не хочет идти по этому пути. Посмотрите, какие усилия сегодня делаются по «разопричниванию» МВД, какие огромные, последовательные усилия, чтобы наши органы правопорядка не чувствовали себя опричниками, а подчиня-

PHOTOEXPRESS

лись бы закону. То есть это реальная озабоченность не только моя, как я смотрю, но и наших руководителей, а значит, эта проблема существует. Так как Грозный был первым русским царем, своеобразность его личности воспринимается во многом как типовые черты русской власти. Он как бы придал, отпечатал свою личность на матрице этой власти. И это, по-моему, та вещь, которую совершенно необходимо менять в сознании людей.

— Новый всплеск полемики вокруг «Царя» поднялся после 7 января, когда фильм под Рождество показали по Первому каналу. Это так сошло?

— Почему под Рождество — я не знаю. Может быть, потому, что «Остров» был показан под Рождество? Но «Остров» — фильм более светлый, хотя тоже не самый веселый. Это фильм тяжелый, но он о нашем русском святом — митрополите Филиппе — человеке, в чьей святости, в чьем великомученичестве церковь не сомневается. Если были у нас святые, которые считали, что лить не винную кровь необязательно, то мы не должны забывать о них, мы должны их помнить, чтить и величать.

— Кстати, его канонизировали, а Грозного — отказались...

— Как можно к святым причислить убийцу! Те люди, которые повторяют все это... эти люди с ужасными, несчастными лицами, очень мало знающие, очень мало читавшие. Самые разные люди приходят и повторяют одни и те же фразы, будто кто-то запустил в них одну и ту же пластинку. Надо просто читать наших великих историков! Но в ответ на это мои оппоненты говорят, что Ключевский идиот, Карамзин продался масонам и т.д. Ну, тогда не знаю... На уровне какого-то ужасного некультурного бреда критика строится.

Вообще, это интересная тема — почему патриотизм у нас узурпировали очень темные люди. Они узурпировали его и выталкивают из области патриотизма всех тех людей, которые любят Россию, думают о ней и мучаются не меньше, желая что-то изменить и улучшить. Но не в таком самодовольном тоне, как те, что бесконечно восхваляют despотов.

— А есть ли мнения о фильме каких-нибудь высоких руководителей?

— Нет. Никто не высказывался. Я даже не знаю, видели ли они «Царя». Может, и не видели, не знаю. У меня никаких сведений нет — кто смотрел, кто не смотрел.

— То есть вас «на ковер» не таскали, не звонили, писем — поздравитель-

ных или наоборот — не присыпали. Власть не сильно интересуется этим фильмом?

— Я даже и не знаю... Мне как на это реагировать? Ждать чего-то?

— Ну, вдруг на премию выдвинут, орден вручат... Вы, когда работали над фильмом, не надеялись на что-то такое?

— Нет, я не по этому делу. Я просто пытаюсь быть адекватным себе, пытаюсь делать все-таки то, что меня волнует и о чем я интенсивно думаю. Мне кажется, «Остров» — это подход к фильму «Царь». Мне кажется, это является своего рода дилогией.

— А вот один мой коллега адресует вам такой упрек: у Карамзина не было, что в храме Филиппа избивали ногами.

— Было. Пусть читает «Жития святых». Прямая цитата оттуда: «Сорвали с него одежду...» Басманов сорвал с него одежду, он и его опричники избили и поволокли. В фильме все, что говорит Филипп, — прямые цитаты из житийных списков. Весь их разговор — Грозного и Филиппа — прямые цитаты, хотя звучат современно и замечательно интересно. А Грозный вообще говорит у меня только цитатами из своих писем, из своих покаяний, из своих писаний.

PHOTOPRESS

Он же много писал, талантливо писал. И часто хочется согласиться с тем, что он говорит.

Понимаете, у нас люди просто говорят о модернизации, не понимая, что модернизация и опричнина рядом не бывают. Так что Россия должна выбрать: или модернизация, или опричнина! И власть это понимает, а люди, как ни удивительно, нет. И меня это просто удивляет.

– Имеется в виду власть в целом или наиболее продвинутые представители?

– Ну, скорее, продвинутые. Но верхушка, мне кажется, понимает. В выступлениях Медведева я слышу это. Слышу его какое-то удивление: двигайтесь вперед! Понимаете, это мифологическое сознание России не дает ей возможности двигаться вперед. Вот смотрите, сейчас мы все присутствуем при создании нового мифа. Прямо у нас на глазах он создается. Миф о том, что Советский Союз был богатой, прекрасной, великой страной. Которую какие-то заговорщики разрушили, развалили. Это говорят люди, которые забыли, что нечего было есть, эти бесконечные очереди...

Я видел замечательные споры в Интернете вокруг «Царя», которые просто кипели. Были прекрасные

выступления – и за, и против. Были и всякие глупые, но были и очень умные. Мне кажется, разговоры, споры об этом сейчас просто необходимы.

– Уверен, на телевидении, если бы сегодня там были Владимир Соловьев или Леонид Парfenov, которых с экрана вытеснили, было бы такое обсуждение. Ведь есть же прецеденты – по телевизору показывают пре-

мисько на тиранов каким-то образом влиять?

– Не знаю. Видимо, нет. Потому что те, кого в истории перевоспитали, уже не тираны. А тираны – те, кого не перевоспитали.

Я просто влюблена в Филиппа, потому что для меня нет ничего прекраснее на свете, чем человек, который, повторяя подвиг Христа, принес себя в жертву, надеясь остановить

«Россия живет тем, что называется ретроспективной утопией, мифами, что все прекрасное было у нас в прошлом. Тем самым мы отнимаем у себя будущее».

мьеरу, а по окончании люди в студии начинают обсуждать. Вот этого почему-то не было.

– Ну и хорошо, что не было. А то так орали и орали бы друг на друга. Убедить никого нельзя. Хочется верить, что люди просто будут читать и думать.

– В «Царе» показана попытка человека не только высокоморального, но и, казалось бы, авторитетного, который имел какое-то влияние на царя, вывести Грозного из этого состояния, приподнять на другую нравственную ступеньку. А вообще, воз-

потоки невинной крови! Я хотел рассказать об этом чувстве.

– Вот за вашей спиной на стене дипломы за «Остров»: «За возрождение духовности...», «За гуманизм...» и т.д. А вот за продолжение этой же темы в «Царе» не спешат вручать?

– Ну, может, еще вручат. Фильм же еще только вышел.

– А может, страхуются, «отмашки» ждут?

– Может быть, страхуются, потому что мне очень много людей говорили о том, что на них фильм произвел огромнейшее впечатление.

PHOTOPRESS

Знаете, человек не может измерять свою жизнь дипломами и премиями. Жизнь – это что-то иное, поэтому я, честно говоря, не переживаю по этому поводу. Но думаю, этот фильм будет оценен, как и многие фильмы, которые я сделал. Просто нужно какое-то время для того, чтобы вонзиться в сознание общества. Может быть, я слишком рано это делаю?

– А если бы вы показали, теорети-

больной фильм. Во всю силу своего сердца. И сделал.

– Критики говорят, что в Европе в те годы власть тоже не сильно гуманной была. И что на том фоне Грозный вполне, так сказать, типичный продукт своей эпохи...

– Знаете, чуть раньше, чем Иван Грозный, в Англии был Генрих VIII. Тоже человек тяжелый – и казнил, и женился восемь раз, и жен убивал, и

отсутствие моральной оценки! Мне кажется это удивительным. Это говорит об обществе как о незрелом, очень инфантильном конгломерате людей, плохо понимающих, в каком мире они живут.

Я вот спрашиваю иногда своих критиков: хотелось бы вам заснуть и проснуться во времена Ивана Грозного? Иногда говорят: да. Тогда я говорю: а ты веришь, что ты будешь со стороны палачей? Тебе в голову не приходит, что ты можешь быть и на месте жертвы, что тебя могут повесить на крюк и отрезать по кусочку твоего живого тела, как сделали с дьяком Висковатым – стариком, главой Посольского приказа? Нет, отвечают иногда, мне это как-то не приходит в голову. Это какое-то детское отсутствие воображения!

Тем не менее это всего лишь фильм, это просто попытка поговорить, по-рассуждать о механизме русской власти. О том, какая она была, о том, как она все-таки изменилась, и о том, что она должна меняться и совершенствоваться, как любая власть в любом живом обществе. Вот то, что я хотел сказать. А еще я хотел сделать такую шекспировскую картину из диалога двух лич-

«Хочется верить, что Россия может достигать прогресса и благоденствия не жестокими методами, а нормальными, человеческими. Хотелось бы разрушить миф о суровой жестокости, которая обязательно должна являться постоянным атрибутом русской власти».

чески, Грозного или какого-нибудь другого царя большим государственником, ну, скажем, в более патриотичном, с точки зрения государственников, фильме, вас бы быстрее начали одаривать этими премиями? – Что я могу сказать? Наверное, да. Но история не знает сослагательного наклонения. Поэтому я не знаю, что было бы, если не было бы. Лично я в это время, в которое мы живем, хотел сделать честный, жгучий,

убил архиепископа – Томаса Мора, и отказался даже от католичества – создал новую, англиканскую религию. Но как-то никто в Англии не считает, что лучшее, что было в английской жизни, – это Генрих VIII, а те, кто говорят, что он убивал жен, – лжецы и негодяи, а не патриоты. Понимаете, меня вот это удивляет – отсутствие общества в нашей стране. Мы же сейчас находимся не в XVI веке, мы уже в XXI! Но что мы видим? Полное

PHOTOEXPRESS

ностей – двух ярчайших, великих актеров, Олега Янковского и Петра Мамонова. И это тоже захватывающе. Мне было очень интересно с ними работать, их снимать.

– Есть ли в истории России еще precedents – когда кто-то, подобно Филиппу, на столь же высоком уровне пытался одернуть тирана? Была ли соизмеримого масштаба фигура в российской истории?

– Не знаю такой.

– Фигура уникальная в истории, поскольку противостояние власти и некой морали в высоком смысле этого слова, возможно, не имеет аналогов в России. Не знаю, есть ли аналоги в мировой истории?

– В мировой истории есть, я думаю. Были люди, которые кидали перчатку высшим властителям. Тот же Томас Мор. Но в истории России – нет, аналогов не имеет. По крайней мере, на таком уровне: государь и верховный иерарх церкви.

– За рубежом проявили какой-то интерес к фильму? Или это для них слишком далеко, глубоко, слишком русское?

– Ну, вообще, далеко от них, конечно. Во Франции фильм идет вполне успешно на экранах с середины января. Очень много было прессы. И довольно много умного

написано. Ну, во-первых, во Франции меня знают. А купил ли кто-нибудь еще – я не знаю. Конечно, эта история слишком наша, потому что весь мир, в общем, проблему отношений с властью разрешил. Я думаю, Россия – единственная из цивилизованных стран, в которой считают, что власть есть Бог. А демократический мир уже давно решил, что власть сменяется, что власть голосуема. Но для России это действительно большая проблема.

Простите, что я так говорю, но я уже отболел этой историей, я уже не в том безумном состоянии полемики, как был сразу после выпуска фильма. Просто, чтобы не сойти с ума, мне нужно переходить к следующим работам, продолжать жить.

– Вот вы сказали, что только, мол, в России считают, что власть есть Бог. Но знаете, есть еще Китай. Там тоже император – это Сын Неба.

– Да, тоже. Но знаете, нам дано христианство, и я христианин все-таки... И для меня правда Бога выше, чем правда власти. А уж если говорить о китайцах, то Чжуан-цзы для меня вообще ближайший человек и наставник.

– Который спит и думает: то ли бабочке снится...

– ...что она – учитель Чжуан-цзы...
– ...то ли ему, Чжуан-цзы, снится эта бабочка. И хотя в Китае правитель считается Сыном Неба, у всех основоположников ведущих философских и этических школ Китая рассуждения насчет моральности власти, гуманизма являются, по сути, основополагающими...

– Да, конфуцианство там все построено в том духе, что власть должна быть моральной, и благородный муж должен быть верен государю, а государь – гуманен и справедлив по отношению к народу, подданным.

– А последний правитель, что уничтожал зазря свой народ, жил задолго до нашей эры. Я имею в виду первого китайского императора, Цинь Шихуана.

– Да, большой злодей был...

– И после этого господствующая государственная идея строилась все-таки на конфуцианстве, на том учении, которое и пытался выжечь Цинь Шихуан. На том, что должен быть добрый царь, который выступает как бы отцом своего народа.

– Именно отцом! Но разве отец похищает своих детей? Разве он должен их убивать?!

Беседовал Евгений Верлин

О ПРАВДЕ ИСКУССТВА И ИСКУССТВЕ ПРАВДЫ

Чем больше зрелиц на историческую тему нам предлагается, тем чаще хочется задать вопрос: мы уверены, что живем в государстве, у которого было прошлое? Уж больно по-разному трактуют это прошлое составители учебников истории и авторы бестселлеров, создатели блокбастеров и ведущие рейтинговых телепрограмм. На этот и другие вопросы редакции журнала «Русский мир.ги» отвечает член-корреспондент Российской академии наук, профессор Владимир Козлов.

Владимир Петрович, когда-то говорили, что в сельском хозяйстве, погоде и футболе разбирается каждый. В наше время список расширился за счет науки истории. Свидетельством тому – атака мастеров различных искусств на сюжеты самых разных веков. Особливо в этом смысле активны кинематографисты. «1612», «Слуга государев», «Турецкий гамбит», «Александр Невский», «Адмирал», экранизация «Тараса Бульбы», теперь вот – «Царь»...

– Мы ведь не кинокритики и поэтому разбирать каждый фильм не станем, наверное. Да и цель разговора другая. Если давать какой-то общий методологический посыл, то, конечно, правда истории и правда искусства – это разные правды. Потому что правда истории – это точный исторический факт, доказанное историческими методами явление или процесс. То есть правда истории апеллирует к разуму человеческому. Ну а в искусстве апеллируют к душе человека, к сердцу. Таким образом, мы наблюдаем расходящиеся линии. Хотя нельзя утверждать, что методами искусства не удавалось и не удается проникнуть в историческую суть эпохи. Последний фильм на исторический сюжет, который я смотрел, – это «Царь». Время Ивана Грозного. Давайте вспомним Лермонтова и его «Песнь о купце Калашникове». Или Репина и его картину «Иван Грозный убивает своего сына» (имеется в виду картина «Иван Грозный и сын его Иван». – Прим. ред.). Проникли? Еще как!

В начале 70-х годов моего тестя Александра Александровича Зимина (один из самых ярких и глубоких историков России XX века. – Прим. авт.) великий балетмейстер Григорович попросил быть консультантом его балета «Иван Грозный». Зимин написал огромное количество замечаний к постановке, но подготовил также и статью, опубликованную уже после ухода Александра Александровича из жизни, в которой дал произведению очень высокую оценку. Писал не об историчности, а о психологическом проникновении в характеры главных действующих лиц, писал о личностном погружении постановщика в эпоху русского Средневековья. Он посчитал это главным.

Если говорить о последнем «Царе», то это, конечно, не исторический фильм. Три-четыре исторических лица, которые есть в фильме, даты и факты, в нем приведенные, это, на мой взгляд, всего лишь реперные точки, говоря современным языком. Необходимые для рассуждений режиссера о проблеме добра и зла. Проблеме, давненько уже выраженной в вопросе: оправдывает ли цель средства? Отсюда и герои. Грозный как носитель едва ли не всего вселенского зла и митрополит Филипп как носитель идеалов православного христианства. В такой постановке вопроса я не нахожу ничего противоестественного и поэтому не вижу смысла обсуждать наличие или отсутствие в фильме ошибок и неточностей сугубо исторического плана.

– Но ведь ошибки по недостатку знаний и сознательные искажения, передержки – вещи разные...

– В фильме есть, скажем так, «восточный» мотив. То ли еврейская, то ли татарская шапочка на голове царя, целование ног – это мелкие штрихи, отсылающие нас к тому восточному влиянию, которое Русь испытывала всегда. И наличие восточного фактора в нас отрицать бесмысленно. С другой стороны, митрополит Филипп укрывает воевод после их поражения под Полоцком, на западных рубежах от западной же силы. Подспудно закладывается ощущение «восточного зла», воплощенного даже в повседневных привычках царя Ивана, и справедливой силы, граничащей с Русью на западе. Вечно навязываемая нам

дилемма: Восток – это тиария, Запад – человек.

Пусть это будет мой второй методологический посыл. В истории России не было ничего такого, чего не было бы у других государств. Нам есть чем гордиться, что осуждать и что ненавидеть. Равно как и британцам, германцам или китайцам.

– Есть ли у вас пример, когда методология исторического подхода к событию или герою прошлого и методы художественного воплощения эпохи и образа слились в голове одного человека и дали блестящий результат?

– Я бы предложил работу моего любимого российского историка – Николая Михайловича Карамзина, который облек свой абсолютно научный труд – «Историю Государства Российского» – в прекрасную литературную

оболочку. Но один человек сумел затмить и Карамзина. Это – Пушкин. «Борис Годунов». Это блестящее стихотворное переложение и событий, и характеров, и оценок времени Годунова. У Пушкина практически нет никаких отступлений от научной прозы Карамзина. Пушкин гениально уловил точную оценку эпохи в постоянно повторяющемся у Карамзина рефрене «народ безмолвствует». Есть куда более прозаический пример. Я родом из села и кое-что в сельском хозяйстве когда-то понимал. Совсем недавно по телевизору видел фильм «Гость с Кубани» 1956 года, эдакое продолжение знаменитых «Кубанских казаков». Фильм был сделан как отклик на постановление пленума ЦК КПСС. Вроде бы агитка чистой воды! Но смотрю и вижу, что

в этом сугубо художественном по форме фильме содержится серьезнейшая документальная основа, показывающая конкретные проблемы в развитии села той поры. И это на фоне антуража, совершенно не соответствующего действительности. Там такие крестьянские дома, что и сегодняшние западные коттеджи в сравнение не идут. Но! Сложные комбайны только пришли в село, а чем сложнее, тем чаще ломается. И вот во время жатвы комбайнеров преследует беда, подборщик то и дело забивается склоненными стеблями пшеницы, и машины встают. Тогда специальный человек палкой вручную проталкивает эти стебли вглубь. В фильме, понятное дело, объясняется все тем, что уж больно хорошие урожаи вырастили колхоз-

ники. Но для историка это сугубо документальный материал. И если смотреть картину только с этой точки зрения, то она нeliшняя. А вот с художественной!..

Еще раз подчеркну: нельзя относиться к фильму «Царь» как к продукту, связанному с историей. И тогда все становится на свои места. Если бы Лунгин решил-таки всерьез задуматься над историей, то она, история, предоставила бы ему куда более богатый материал для исследования времени царствования Ивана Васильевича. Вот вам параллель. Эйзенштейн. «Иван Грозный». Царь – олицетворение государственного начала, второй герой, князь Андрей Курбский, – изменник, диссидент. Понятно, что за фигурой Грозного маячит облик Иосифа Виссарионовича, образ Курбского навеян реальным Тухачевским. Но историческая суть событий от этого не становится менее драматической. На сцене Большого театра этот же вопрос мутил Григоровича. А ведь есть еще один крайне интересный с исторической точки зрения тандем: Гроз-

ный – Владимир Старицкий. Последний удельный князь на Святой Руси, формальный конкурент Грозному на престоле, с которым Иван Васильевич все-таки свел счеты. Свел, видимо, потому, что его государственное, независимо от личного, отношение к чему-либо и к кому-либо и удельные, локальные представления князя Владимира Андреевича не могли не войти в системное противоречие, не могли не стать причиной крупной политической стычки, о последствиях которой есть основания размышлять и сейчас.

– Есть зритель подготовленный и зритель обыкновенный. Большинство наших сограждан либо забыли, либо не знают историю собственной страны в силу особенностей жизни в последние 25 лет. Они принимают художественный вымысел, если выражаться мягче, поиск художника за историческую правду. Как быть в этой ситуации?

– А как быть с романом Льва Николаевича Толстого «Война и мир»? Там Кутузов вовсе не прозорливый полководец, а влекомый волею событий старик. И что – не читать

Толстого? Нужно, видимо, объяснять эту разницу между авторским прочтением и фактом, между искусством и наукой историей. Давайте вспомним довоенный еще фильм «Александр Невский». Это отнюдь не исторически точный портрет великого князя, а исторические события трактовались режиссером весьма свободно. Однако у фильма была задача – воспитание патриотизма и формирование простейших представлений об истории страны и народа. И он эту задачу выполнил. Есть разные уровни знаний. Есть арифметика истории, а есть высшая математика истории. От простого к сложному. Иной дороги нет.

– Давайте упростим. Безумный временами, как минимум не способный себя полностью контролировать человек, который во главу угла ставит собственные психологические изыскания и комплексы. Потому как никаких государственных нужд, толкающих его на те или иные жесткие решения, не просматривается. Бандиты, мотающиеся по стране с привязанными за каким-то бесом к седлам

собачьими головами. Добрый и светлый, но лишенный реальной силы митрополит. Безмолвствующая толпа жуткого вида. И все это – Русь. Причем в период своего государственного становления, когда из окраинного княжества она превращалась в большое государство. И какое же впечатление о прошлом собственной страны должны вынести ученики с этого «урока арифметики»?

– Я уже предложил смотреть на фильм «Царь» с другой точки зрения. В нем есть исследование психологического, а не исторического феномена. И в этом аспекте фильм, конечно, совсем не арифметика. Думаю, немного найдется неподготовленных людей, которые пойдут на «Царя», чтобы смотреть его вдумчиво, с карандашом и блокнотом в руках. Их

проработать необходимый массив фактуры? Вы вспомнили Пушкина в связи с Годуновым, а если вспомнить Александра Сергеевича в связи с Пугачевым, точнее, пушкинскую многолетнюю подготовку к непосредственному написанию этой работы? С другой стороны, фильм хорошего режиссера Хотиненки «1612» делался, что называется, к событию. В стране появился новый праздник – 4 ноября, и власти срочно понадобилось кинематографическое объяснение этому. И сколько месяцев отвели режиссеру на все про все?

– Такое тоже бывает. Хотя для нас, историков, обидно, когда политическая логика начинает довлесть над историческим фактом независимо от каких-либо аргументов. Ведь проводилась тогда экспертиза по поводу именно 4 ноября. И пусть после

«Правда истории – это точный исторический факт, доказанное историческими методами явление или процесс. То есть правда истории апеллирует к разуму человеческому. А в искусстве апеллируют к душе человека, к сердцу».

вопросы государственного образования во времена Грозного вряд ли волнуют. Это плохо, но это факт нашего сегодня. Тогда уж правомочно поднять вопрос, почему в стране нет простого продукта на историческую тему. Без поиска трудных смыслов, но и без хрестоматийных ошибок.

– Как когда-то делались фильмы «Суворов», «Герои Плевны», «Гусарская баллада», «Академик Павлов»...

– Вот-вот. Посмотрите, какое количество такой простой, но нужной продукции выпускают Голливуд, Би-би-си.

– Получается, в заблуждение нас вводят не режиссер Лунгин, а продюсеры и рекламщики, кричущие о новом историческом блокбастере?

– Согласен. Должны быть люди и возможности сказать о том, что не надо путать понятия. В таких случаях, когда искусство использует фоном историю, а на самом деле никакой истории в произведении и нет.

– Владимир Петрович, а может быть, истории во многих современных «исторических» фильмах нет потому, что сегодня авторы попросту не успевают

драки кулаками не машут, но ведь с исторической точки зрения день выбран неудачно. Ничего необычного не таил тот день.

– Конечно, право выбора за художником. Он волен идти дорогой исторической точности, или психологического анализа, или философского поиска. Но почему-то не оставляет ощущение, что во всех кинематографических изысканиях последних лет присутствует политический фактор. Я вовсе не о заказе власти на тот или иной сюжет, на ту или иную трактовку. Я о внутренней потребности художника всюду проявлять собственное политическое видение исторического события и современное его политическое же толкование. И это толкование на зависть однозначно, а следы ведут в страны, откуда нам уже много веков пеняют по поводу нашей политической отсталости, ущербности, дикости...

– Довольно сложно объективно говорить именно об этом потому, что мы все-таки смутно представляем себе: а что, собственно, происходит в Европах на сей счет? Я помню

кровавый и жестокий фильм «Кромвель» 70-х годов прошлого века, в котором британский режиссер не слишком щадил самолюбие собственных соотечественников.

Отрицать же наличие двойных стандартов в отношении России вообще и ее истории в частности бесмысленно. Они есть.

Равно как есть и ангажированность историков и художников внутри страны. Особенно – при изучении или использовании истории. Есть два критерия в нашей науке. Есть оценка государственная и оценка гуманистическая. Как их совместить? Точного ответа еще никто не сформулировал. Думаю, велика роль личной ответственности каждого гражданина: в том числе и историка, и художника. Я неоднократно сталкивался с этой дилеммой в отношении к самому себе. Подчас люди, известные как истые демократы и либералы, проявляли такой махровый большевизм, что диву давался. Смотришь и думаешь – товарищ, да ты прямо сейчас к нам из семнадцатого года! Такая нетерпимость, такое желание размазать оппонента.

В общественной мысли страны сегодня есть такая тенденция: история России – это череда сплошных преступлений, унижений, бесчинств. Но есть и ровно противоположная: будто вся наша история – это сплошная героика и победы. Но так ведь не бывает. Нет идеального государства, нет идеального народа, нет идеальных государственных личностей.

К слову, у Карамзина и Пушкина «народ безмолвствует». У Лунгина ситуация серьезнее. «Где мой народ?» – спрашивает Грозный в конце. У кого, хотелось бы знать, спрашивает?

– Что ж, Владимир Петрович, сегодня мы с вами формулу баланса между исторической правдой и художественным вымыслом не найдем?

– Боюсь, что нет. Невозможно в одну телегу впрячь коня и трепетную лань.

– И что есть конь? А что есть лань?

– Конечно же, конь – историческая наука, а лань – художественное произведение. Трепетность – это к искусству. А нам, историкам, – надежность и труд. ¶

**Беседовал Михаил Быков
Фото Александра Бурого**

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

СИЛЬВАН ЛЮБАК

Французский режиссер Шанталь Морель без ума от произведений Федора Михайловича Достоевского. По ее мнению, именно в книгах этого великого русского писателя можно найти рецепты от современной бездуховности и цинизма. О том, почему свои спектакли она ставит исключительно по произведениям Ф.М. Достоевского, Шанталь Морель рассказывает «Русскому миру.ru».

Шанталь, ваш спектакль «Бесы» длится шесть часов с двумя перерывами. Даже среди русских найдется немного таких, которые способны на подобный театральный подвиг. А кто ваши французские зрители: невероятные поклонники Достоевского или люди определенного психологического склада?

– Когда я была в Санкт-Петербурге, то смотрела «Бесов» в постановке Льва Додина, этот спектакль длился целых девять часов! Так что я – не рекордсмен. А что касается нашей французской публики, то, наверное, присутствуют и те, и другие: и любители театра, и люди, которые приходят для того, чтобы понять для себя нечто существенное в жизни. Наше современное общество живет во все более ускоряющемся темпе, поэтому иногда просто необходимо сказать себе: «На шесть часов я выключусь из этого сумасшедшего ритма и попытаюсь открыть для себя что-то новое». В течение этого време-

ни зрители как будто отправляются в неизведанное путешествие, и конечно, подавляющую их часть составляют все-таки любители Достоевского.

– И какова их реакция?

– Честно говоря, я не ожидаю какой-то особой реакции. Я очень люблю, если предоставляется возможность побеседовать со зрителями, но специально не рассчитываю на ту или иную реакцию. Во время спектакля мы стараемся, чтобы каждый максимально свободно мог проявлять свои эмоции.

– Достоевский иногда настолько пессимистичен или психологичен, что после его книг, бывает, жить не хочется. Как вам кажется, есть ли надежда в произведениях Достоевского?

– Я считаю, что да, поскольку единственное необходимое для него «материя» – это человеческое существо. Соответственно, решение человеческих проблем не придет с Марса и не осуществит-

ся с помощью волшебства. Только сами люди могут разобраться со своими проблемами. Решение в нас самих. У людей есть привилегия самим формировать свою жизнь, а значит, и отвечать за свои поступки. Именно мы сами должны размышлять о том, что такое добро и зло. Эти вопросы ставятся перед нами постоянно, и мы должны на них отвечать, чтобы наша жизнь была более достойной. Мне кажется, Достоевский не испытывал особых иллюзий, он реально оценивал человеческую натуру. Но, несмотря на такое сугубо реалистическое отношение к жизни, не оставляющее места иллюзиям, он как будто подготовил «пир» для всех нас и приглашает к нему присоединиться. Мы все – и актеры, и зрители – словно собирались за одним столом, где каждый может найти себе блюдо по вкусу. В Достоевском присутствуют моменты такой невероятной открытости и обращенности к людям, что это искупает его пессимизм.

Сцена
из спектакля
«Бесы»

ГИДАЙЕ

Кроме того, театральным постановкам его пьес свойственна определенная интимность. Казалось бы, зал, заполненный зрителями, какая уж тут интимность? И тем не менее. Когда на сцене зрители видят Степана и Варвару, которые мучают друг друга и никак не способны признаться, насколько сильна их любовь, то я замечаю, что некоторые пары выходят потом из зала совершенно с другими лицами. Возможно, спектакль помогает им понять, что нужно дорожить своими любимыми и близкими. Театральные постановки Достоевского иногда служат катализатором неких подспудных чувств. Зрители, видя чужие судьбы, начинают по-другому оценивать свои собственные. Как ни странно, но когда наблюдаешь чужую безвыходную ситуацию, то иногда это позволяет найти выход из собственных затруднений. Переживая за героев Достоевского, люди могут иначе посмотреть и на свою жизнь.

И сказала себе: «Если для них Федор Михайлович так много значит, то мне нужно попытаться понять, что же в нем такого особенного».

— Получается, в вашем окружении были любители Достоевского?

— Да, только никто об этом не говорил. Это было так глубоко и интимно, что даже с близкими не обсуждалось. Достоевский был для них настолько необычным и, я бы сказала, мощным по воздействию другом, что не хотелось мельчить это чувство, пытаясь его объяснить посторонним.

После того как я открыла для себя произведения Достоевского, мы начали собираться небольшой группой и читать их вслух. Сначала на меня огромное впечатление произвело «Преступление и наказание». Тем более что тогда только началась война на Балканах, и репортажи рассказывали о взрыве в Сараево с многочисленными жертвами. И в этом контексте я была потрясена одной фразой Раскольникова, который сказал, что не может понять, почему это так плохо — убить старуху-

«Театральные постановки Достоевского иногда служат катализатором неких подспудных чувств. Зрители, видя чужие судьбы, начинают по-другому оценивать свои собственные».

— А как вы открыли для себя Достоевского?

— Это произошло около десяти лет назад. До этого, признаюсь, я его особо не читала. Более того, я прекрасно помню этот момент, поскольку увидела сон, в котором меня уговаривали прочитать Достоевского. Дело в том, что я очень редко вижу сны и практически их не запоминаю. Тогда же проснулась и прекрасно помнила все, что видела. Попросила моих знакомых принести прочитать Достоевского, сказав им: «Я знаю, что вы любите этого писателя, посоветуйте мне, пожалуйста, с чего начать». И неожиданно для себя увидела на лицах моих друзей такое же выражение, как если бы узнала о какой-то их тайной любви.

процентщицу, тогда как другие убивают ни в чем не повинных мирных жителей осажденных городов. Для меня это пересечение вымысла и реальности было настолько шокирующим, что неволе возникали вопросы: а что такое вообще преступление? И мне захотелось поставить это произведение для французских зрителей, чтобы они задали такой же вопрос себе. А уже после этого мы решили поставить и «Бесов».

— В своих спектаклях вы предпочитаете использовать актеров, которые знают и любят Достоевского, или же тех, для кого он неизвестен?

— Я предпочитаю тех актеров, которые могут и не знать Достоевского, но сами задаются вопросами бытия,

добра и зла, размышляют о человеческой природе. И по счастливому стечению обстоятельств среди таких людей очень много тех, кто по-настоящему проникается Достоевским.

— Есть ли у вас какие-нибудь психологические секреты, чтобы «манипулировать» актерами?

— Я всегда стараюсь вызвать у них чувство максимальной ответственности за постановку. У любого актера в характере присутствует хоть немного нарциссизма, так вот я пытаюсь, чтобы они отставили его в сторону. И кроме того, когда я работаю, у меня словно обостряются все чувства. Я начинаю замечать каждую мелочь, даже обоняние обостряется, а все это позволяет сразу реагировать на любые возникающие проблемы. Может быть, это смешно сравнивать, но хочется привести в пример медиумов, только так я могу объяснить это чувство. Процесс создания спектакля воздействует на меня магически. Спектакль — это как приглашение к взаимному диалогу, и в этом диалоге я себя ощущаю очень естественно.

Причем когда начинаю работать, то явственно чувствую, что каждый раз меня ожидает нечто неизведанное. Многие вещи рождаются спонтанно и интуитивно. Получается, что, с одной стороны, весь процесс создания спектакля есть нечто эфемерное, но с другой — и очень конкретное, поскольку нужно думать о декорациях, о контрактах актеров и так далее. Если у других режиссеров есть какой-то особый секрет, как все увязать, то я его не знаю. Каждый раз приходится учиться чему-то новому.

— Как вам кажется, не устарел ли Достоевский?

— Наша современная цивилизация поглощена материальными заботами. Обладать, иметь, владеть — вот о чем мы думаем, а внутри зачастую — пустота. Многие современные фильмы, которые рассказывают о будущем человечества, пытаются дать ответ на вопрос: а что же такое есть «человеческое», чего никогда не смогут заменить никакие машины и меха-

Сцена
из спектакля
«Бесы»

ГИТАЛАН

низмы? Что противопоставляется прямолинейному материализму? Достоевский считал, что за всеми материальными устремлениями в человеке скрывается нечто большее. Существуют совершенно другие измерения. Условно говоря, мы «едим» и «пьем» не только то, что находится на наших столах. Мы наполняемся и совершенно другими вещами, ведь невозможно жить только материальными ценностями.

— Как вы считаете, был ли Достоевский циником или же больше изображал его?

— В жизни всегда присутствует определенная доля цинизма. Если нет черноты, то не так ярко оттеняется белый цвет. А о некоторых вещах вообще невозможно говорить без некой иронии или, если хотите, цинизма. Например, о любви. Это чувство настолько сильно, что любые серьезные слова покажутся слишком высокопарными. Как можно ставить вопрос, что такое добро, если не задаваться вопросом, а что такое зло?! Мне кажется,

особая ценность произведений Достоевского как раз и заключается в том, что в характерах своих героев он идет до конца. Душа Раскольникова еще могла бы быть спасена, а Ставрогина уже нет. Наверное, Достоевский не был циником, но он нуждался в таких персонажах, чтобы лучше изучить человеческую природу.

— Честно говоря, многие современные политики недалеко ушли от Ставрогина. Он манипулировал людьми, что сейчас считается особо ценным качеством, да и высокими моральными принципами не отличался.

— Для Достоевского Ставрогин был в определенной степени больным человеком, который хотел, но не мог испытывать нормальных человеческих чувств. И, конечно, он был способен на все, ведь боль других для него ничего не значила. С этой точки зрения, действительно, многие современные политики на него похожи. Но у Достоевского Ставрогин в конце концов повесился. Казалось бы, живи, манипу-

лируй людьми, а оказалось, что нет выхода.

– Кстати, достаточно неожиданно, что Достоевский решил именно так закончить жизнь Ставрогина, ведь тот не мог чувствовать себя несчастным, поскольку искренне считал себя выше остальных.

– У Достоевского есть два-три момента, по которым видно, что Ставрогин в глубине души все-таки понимал: он не такой, как большинство остальных людей. Например, однажды ему приснился сон про прекрасный мир. Он проснулся в слезах, первый раз в жизни. Так что, наверное, покончить жизнь самоубийством он все-таки мог.

– К сожалению, нынешние Ставрогины живут и процветают. И зачастую внутренне гораздо более счастливы, поскольку не рефлексируют. Вам не кажется, что Достоевский выдал желаемое за действительное?

– Именно поэтому произведения Достоевского так важны. Именно поэтому мне хочется, чтобы как можно больше людей узнало их получше. Такие люди опасны для жизни. По логике Достоевского, он просто не мог не повеситься.

– Почему же не вешаются современные Ставрогины? Почему не вешаются те люди, из-за халатности которых погибают другие? Получается, в эпоху Достоевского даже Ставрогины были более моральны, чем сейчас?

– К сожалению, я вынуждена с этим согласиться. Это уже даже не вопрос моральности, а вопрос ответственности за то, что ты делаешь. Мне кажется, хоть Достоевский и заглядывал в самые глубины человеческой души, но даже в самых пессимистичных своих предположениях не мог представить тот ужас, который увидела Европа во время Второй мировой войны. Я думаю, тогда и произошел полный разрыв с понятием какой бы то ни было морали. Было причинено настолько много зла ни в чем не повинным людям, что человечество, словно открыв ящик Пандоры, до сих пор не в состоянии справиться с психологическими последствиями этого разрушения морали. Оказалось, нет такой мерзости и зла, которых не

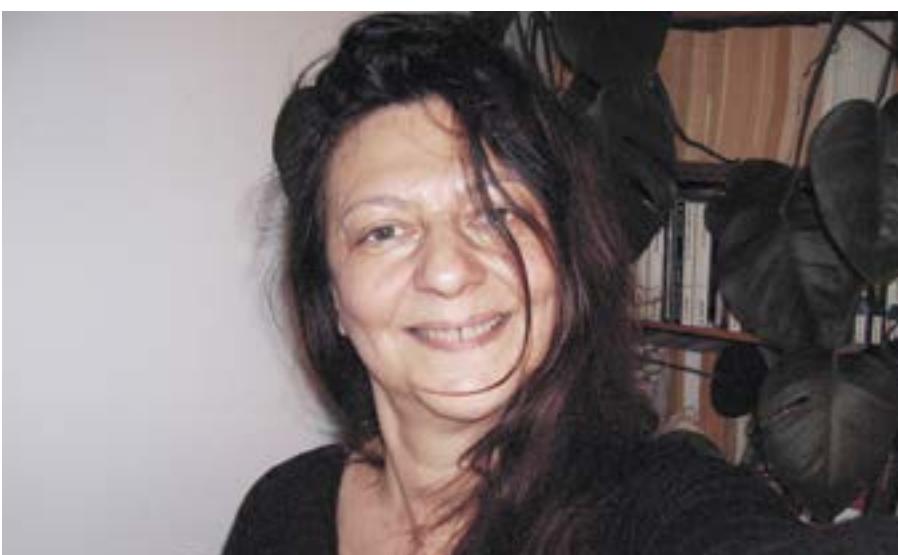
могли бы совершить люди. Потому мы и видим сегодня повсюду столько цинизма.

– Ставрогин в большей или меньшей степени присутствует в каждом из нас?

– Мне кажется, тот психологический надлом, который произошел в европейцах во время Второй мировой войны, не может быть вылечен.

век представляет собой на самом деле, где он сам, а где заканчивается сконструированный имидж. Именно поэтому так важен Достоевский, поскольку он писал свои произведения до тех огромных катастроф, которые пережил европейский континент. Читать его произведения – это как открывать для себя мир, которого больше не

изличного архива Шанталь Морель

«Читать произведения Достоевского – это как открывать для себя мир, которого больше не существует. И я думаю, человечество должно преодолеть в себе цинизм нашего времени, иначе выхода просто нет».

У нас сместились представления о добре и зле. Как будто бы Ставрогин, вместо того чтобы повеситься, вдруг был избран президентом. Поэтому многие люди чувствуют беспомощие перед ситуацией.

– Потому я и говорю, что вокруг нас множество Ставрогинов, причем они гордятся именно теми сторонами своей натуры, которые хотел осудить Достоевский. Ставрогин стал в некотором смысле символом нашей эпохи. Где же мы сейчас по сравнению с принципами XIX века?

– Мне кажется, мы все сейчас принимаем участие в каком-то огромном спектакле. Все играют какие-то роли, позируют перед камерами. Это превращается в сумасшествие, уже невозможно понять, что чело-

вечество должно преодолеть в себе цинизм нашего времени, иначе выхода просто нет.

– Получается, нужно опять «изобрести» и сконструировать те моральные постулаты, которые мы растоптали и от которых отказались?

– Думаю, да. Но даже в наше циничное время все равно существуют чувства, которые не изменились по сравнению с другими веками. Например, мы все так же страдаем от неразделенной любви, будь мы хоть белые, хоть черные, хоть желтые. Есть какие-то неизменные вещи в человеческой природе. По крайней мере, в это хочется верить. ¶

Беседовала Вера Медведева
[Париж]

ЛИТФОНД

Герои этих небольших интервью по-разному зарабатывают на жизнь. Кузнец, переводчица, аниматор, критик, преподаватель философии... Что их объединяет? Литература. Все они – молодые российские писатели и поэты. Возможно, те, кто через несколько лет будут задавать тон в российской словесности. Познакомимся поближе?

Призрак Кенцухе над Горнореченским

Екатерина Репина

27 лет, стипендиат Министерства культуры РФ в 2009 году. Финалист премии «Дебют». Повести и рассказы печатались в журналах «Октябрь» и

«Сибирские огни». Живет в поселке Кавалерово Приморского края. Окончила факультет китаеведения Дальневосточного госуниверситета и Пекинский институт материальных ресурсов. Работает переводчиком в компании, экспортирующей лес в Китай.

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Екатерина
Репина

– Откуда у поселка, в котором ты живешь, такое звучное название?

– О, у нас замечательный поселок, в этом году ему исполняется сто лет! Назвали его так в честь кавалера Георгиевского ордена, участника Русско-японской войны Федора Пополитова. Он был одним из первопоселенцев... Раньше тут были маленькие китайские деревушки, но в начале XX века, после заселения Приморья русскими, китайцы уехали. А названия многих городов и деревень еще долго оставались китайскими. Например, я родилась в поселке Горнореченский, и даже лет десять назад, помню, его по привычке иногда называли по-старому – Кенцухе.

– Сейчас много говорят о китайской «экспансии» на Дальний Восток. Ты работаешь на китайском предприятии, так что у тебя, конечно, свой взгляд на эту проблему...

– Ну, во-первых, это, скажем так, компания с китайским капиталом. В Приморском крае много организаций, занимающихся этим бизнесом, и большинство из них стопроцентно российские, так что в этой области нет сильного китайского преобладания. На мой взгляд, никакой «экспансии» нет. Есть другая проблема – отток российского населения с Дальнего Востока. В результате здесь не хватает рабочих рук, и приходится по квоте завозить рабочих из Китая. Это сезонные рабочие, когда у них кончаются визы, они возвращаются обратно, а на смену им приезжают другие. Получается, что китайских

граждан здесь много, но у них нет цели оставаться. Они просто зарабатывают деньги. Многие русские это видят, понимают и поэтому относятся к китайцам с уважением и без страха.

А работа у меня интересная, хотя очень нервная. Но ведь при всем желании невозможно писать прозу с утра до вечера. Работа нужна, чтобы отвлекаться...

– Тяжело, наверное, жить так далеко от всех «центров», ведь и авиаперелеты на «большую землю» у вас дорогие?

– Мне нравится жить в Приморском крае. Самое главное, здесь есть море, и летом в нем можно купаться. Есть красивые бухты, острова, водопады. Но возможностей для самореализации, увы, не так много. Поэтому люди иезжают на запад, в центральную часть России. У нас есть кое-какая промышленность, но нет желания улучшать условия жизни, отдыха. Например, на праздники и в отпуск приморцы едут в Китай, Японию, Корею. Это близко и не так дорого. А в Приморье есть места не хуже, просто их надо обустроить.

Билеты в Москву недешевы, но работники бюджетных организаций раз в два года могут слетать в любую точку России и обратно бесплатно, есть льготы для студентов, пенсионеров. Иногда авиакомпании проводят разные акции, главное – их отслеживать. В общем, тут все не так плохо. Хорошо, если бы на Дальнем Востоке появился настоящий центр, который привлек бы новые силы, создал рабочие места и возможность для творческой самореализации. В 2012 году во Владивостоке пройдет саммит стран Азиатско-Тихоокеанского региона, сейчас строятся объекты для него. Вот бы все сложилось, и Владивосток стал таким настоящим центром! Тогда и уезжать не нужно. Видели бы вы, как тут красиво!

– Что ты пишешь сейчас?

– Только что отправила несколько рассказов в литературный журнал, а сейчас начинаю работать над повестью о родном поселке.

Человек с «хроматикой»

Андрей Кузечкин

27 лет. Автор книги повестей «Менделеев-рок» (2007). Лауреат премии журнала «Октябрь» за 2006 год. Живет в городе Бор Нижегород-

Андрей Кузечкин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ской области. «Плохо учился, плохие отношения с учителями и одноклассниками, поэтому к 17 годам превратился в замкнутого мизантропа, пришлось в буквальном смысле учиться общаться с людьми, как младенец учится ходить». Окончил филфак Нижегородского университета. Работал учителем в сельской школе, журналистом, охранником, грузчиком, дворником, «но главное – писал книги и осваивал губную гармошку».

– Расскажи о своей рок-группе.

– Она называется «Мир с двойным дном», по названию моей самой первой повести, которая вряд ли будет опубликована. Нас пятеро: барабаны, бас, гитара, девочка-певица и я – губная гармошка и тоже вокал, хотя больше читка, потому что вокальные данные у меня так себе. Я же и администратор – определяю репертуар, график репетиций, договариваюсь о концертах и т.д. Стиля как такового у нас нет – легкий альтернативный рок, причем основной соло-инструмент – хроматическая губная гармошка, что довольно необычно, особенно если уметь на ней играть. Выступаем редко, но с удовольствием.

Андрей Кузечкин на концерте

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– «Менделеев-рок» – книга про музыкантов, про то, как трудно жить в маленьком промышленном городе, полном наркоманов, гопников и пр. «Сопротивление среде» действительно дается так тяжело?

– Когда я это писал, то под городом Нефтехимик подразумевал скорее не родной Бор, а город Дзержинск. А что касается моей малой родины... Говорят, Бор очень «трудный» и «депрессивный», но мое мнение: проблемы бывают у того, кто сам их ищет,

это не зависит от места, где живешь. Любить Бор можно за то, что там все близко, рукой подать. Весь Бор – это две длинные городские улицы, а вокруг них – огромная деревня.

– Чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Последние одиннадцать месяцев работал на производстве защищал картера двигателя, гнул железо, варил, шлифовал болгаркой и еще много чего делал своими руками. На этой неделе уволился, ибо кризис, платят мало. Кроме того, числюсь аниматором в одной фирме, которая организует праздники. В Новый год неплохо заработал Дедом Морозом, ближе к лету намечается еще работа – ведущим свадеб и детских утренников.

– Почему ты ушел из школы?

– Не понравилось. Быть учителем – почти то же самое, что быть, скажем, священником и миссионером. В том смысле, что если сам себе не веришь, то и никто не поверит. Я вот прекрасно видел, что детям не нужна эта учеба, потому и работал спустя рукава. Настоящий учитель должен быть самоотверженным, но при этом понимать детей. Проблема школы в том, что таких мало, а пенсионеры советской закалки сегодняшних детей не понимают или делают вид, что не понимают.

– Ты счастлив?

– Да. Счастье – в движении, а я движусь. Пишу книги, продвигаю свой музыкальный проект и занимаюсь сексом с любимой девушкой.

– Что из новой прозы мы сможем прочитать в ближайшем будущем?

– В этом году, надеюсь, удастся сдвинуться с мертвой точки – публикация повести «Магма» в екатеринбургском журнале «Урал». Надеюсь также издать вторую книгу. Есть два готовых и никому на фиг не нужных романа, «социальщина», о современной молодежи. Сейчас пишу фантастическую сагу, давно хотел. Может, хоть ее куда возьмут.

Спасибо за топор

Алексей Лукьянов

34 года. Лауреат Новой Пушкинской премии. Автор книги «Спаситель Петрограда», изданной в 2006 году. Живет в городе Соликамске Пермского края. Образование среднее. Кузнец. В настоящее время числится сотрудником Усольского историко-архитектурного музея.

– Как относятся к твоей первой профессии коллеги-писатели?

– Для писателей я – кузнец, для кузнецов – писатель. Долгое время эта игра в «свой среди чужих» меня раздражала. Действительно, кто я? Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка. Но, побывав на нескольких писательских тусовках, решил, что все-таки я кузнец. Кузнец может вариться в своем соку, может заниматься текучкой и не задумываться: нужна ли моя работа кому-то или нет? На производстве все ясно: вот ломы, они нужны путейцам. Вот стрелочная тяга, она нужна свялистам. Другое дело, что сейчас экономическая ситуация такая, администрация хочет, чтобы за меньшие деньги ты выполнял ту же работу. Но, положа руку на сердце, если бы меня позвали обратно, сказали бы: «Леха, ты нам нужен», – я бы вернулся. У нас превосходно сработавшийся коллектив, я там себя чувствовал человеком.

С писательством совсем иная ситуация. Это хобби. Я люблю сочинять, у меня неплохое чувство юмора и, как мне кажется, способность видеть и пересказывать забавные истории. Но таких сочинителей сейчас пруд пруди. Сейчас в русской литературе каменный век, период накопления знаний об изменившемся пространстве-времени. Наскальная живопись, натуральный макет, магические обряды. Мы должны стать удобрением для тех, кто придет по-

том, потому что мы выработали ресурс советской литературы, из которой вышли. Литература обесценилась. И в этой ситуации мне быть писателем как-то не улыбается. Потому что в ней никто никому не нужен. И если все, что я написал, сгорит и сотрется, никто этого не заметит. А ограда, которую я выковал, или двери – останутся. И человек, который колет дрова моим колуном, вспомнит меня добрым словом.

– Ты много писал в жанре «альтернативной истории», то есть обращался к прошлому и будущему нашей страны. Каким ты его видишь, это будущее?

– О будущем я как раз ничего не пишу. По большому счету, меня интересуют люди, их судьба, их воля к жизни. Мне очень интересны люди, которые покоряют мир, не сходя с места. Ну вот, скажем, сейчас меня занимают две личности, тесно связанные с Соликамском: Алексей Турчанинов, богатый горнозаводчик, который сумел выдвинуть из нашего города два промышленных клана – Строгановых и Демидовых, добиться за сравнительно недолгую жизнь небывалых успехов, и Владимир Цифринович, директор Первого калийного комбината, поднявший весь советский калий и магний. Эти люди не стремились уехать туда, где жизнь лучше, они строили свой мир здесь и сейчас.

Проблема в том, что я не пишу романы. Меня этот жанр угнетает, я привык бегать на короткие дистанции, и даже повесть для меня – очень тяжелый и длинный путь. Просто гнать километры текста я не умею, мне подолгу приходится формулировать мысль. Впихнуть же в рассказ жизнь человека, причем жизнь, полную событий, заведомо гиблое дело. Если Алексей Иванов живописец-станковист, то я – книжный график, что тоже интересно, но менее заметно.

Что же касается будущего, то я не склонен романтизировать его. Мне кажется, сейчас у нас странная смесь времен: у нас и первая мировая, когда внешняя политика мешает заниматься внутренними делами, и индустриализация, когда надо поднимать отечественное производство, но внизу не умеют, а вверху тянут резину. Однако рассуждать, кто виноват и что делать, не буду – не моя это прерогатива.

– Ну и стандартный вопрос о «творческих планах».

– У меня пока затишье. В прошлом году дописал небольшую повесть о том, как все забыли крепкие слова и что из этого вышло. Сейчас заканчиваю работу над книжкой (не художественной) о Соликамске. Это работа в соавторстве, интересный опыт, но, думаю, больше я так экспериментировать не буду: работа сделана на треть, а результат не нравится, и на кого в таком случае пенять? О том, что сейчас ждет своего часа, говорить, пожалуй, не буду, не из суеверия, а потому, что заготовок слишком много, и я просто не уверен, чем именно займусь: там и детская сказка, и еще один альтернативно-исторический детектив, и вестерн про китайцев. Было бы время.

«Ангел русского языка» среди гастарбайтеров

Елена Погорелая

22 года. Поэт и критик. Статьи и рецензии печатались в «Новом мире», «Знамени» и многих других журналах. Живет в Москве. Окончила МГУ. Работает в редакции научного журнала «Вопросы литературы», преподает в гуманитарной школе при РГГУ. Член редколлегии журнала «Литературная учеба».

Елена Погорелая
в эфире «Вестей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Многим трудно представить себе такое «совмещение»: очаровательная юная девушка – и опытный профессиональный критик. Часто ли приходится сталкиваться с удивлением, а то и с иронией?

– До недавнего времени я «опытным профессиональным критиком» не была, да я и сейчас не рискую так себя называть, хотя опыт работы в серьезном журнале, конечно, способствует профессиональному – но и повышает степень ответственности. А на «критических подмастерьев» гендерные предубеждения обычно не распространяются. Гораздо чаще приходится сталкиваться с предубеждениями другого характера: в литературном пространстве бытует мнение, что отрицательная рецензия критика на какой-то текст вызвана его «политической» (в смысле литературной политики) принадлежностью, что высказывание критика обусловлено мотивами, лежащими где-нибудь в сфере «тусовки» или кружка. Не так давно, например, меня обвинили в том, что в статье о поэтах периода нулевых я называю только «своих». Но

как я могу называть «своими» тех, например, кого я ни разу не видела? Получается, в современной литературе нельзя и шагу ступить, чтобы тебя не приписали к какой-нибудь партии. Это намного печальнее иронии или удивления по поводу пола и возраста «профессионального критика».

– Сейчас разгорелся очередной скандал, связанный с якобы проплачен-

На литературном вечере

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ными рецензиями во вполне авторитетных изданиях. Тебе еще не случалось сталкиваться с этим «теневым бизнесом»?

– Знаешь, мне в этом плане «не повезло»: я получаю письма в основном от бедных поэтов. С просьбой: помогите напечататься. Помнишь Раневскую? «Бог поможет...» «Геневой бизнес», разумеется, есть, но он слукаен и шаток. Впрочем, я могу сейчас вспомнить пару фамилий прозаиков, о которых пишут за деньги, но все же и так понимают, что это за рецензии. Поэтому никакого влияния на собственно литературный процесс книги под их фамилиями не оказывают.

– Кроме шуток. Сейчас работа критика, если это не коммерция, почти безгонорарна. Как тебе удается прокормиться?

– А как удается прокормиться студентам Литинститута, вообще – студентам и аспирантам, приехавшим в Москву из других городов? Обыкновенно: частными уроками, подработкой, левыми или «халтурными» зака-

зами на какие-нибудь дипломы или рефераты... У меня, к счастью, еще есть работа в журнале, которая дает стабильный, хотя и небольшой заработок. А вообще, работая над статьей для толстого журнала, человек изначально отдает себе отчет в том, что пишет не для денег, не для гонорара, а, если угодно, как говорил Бродский, для некоего «ангела русского языка». У каждого критика, поэта, прозаика, мне кажется, должен быть такой собеседник с абсолютным слухом, которого нельзя обмануть.

— Ты обосновалась в Москве. Каким видишь этот город?

— Я здесь работаю, учусь, снимаю квартиру, как тысячи «понаехавших». Своим я этот город считать не могу, да и вообще у меня родного города нет, я его не вижу, не знаю, не чувствую. А то, что я наблюдаю в Москве... В районе, где я живу, очень много подготовленных к сносу пятиэтажек, говорят, им осталось сро-ку — три-четыре года. Коренные москвичи отсюда почти все разъехались, квартиры сдаются приезжим гастарбайтерам. Живут они по 10–15 человек в однушке, работают с ше-сти утра до полуночи, весь черный труд — строителей, продавцов в кру-глосуточных магазинах, снегоубор-щиков — их. А русские москвичи — мужчины «от 35 и старше» — в тех же магазинах клянчат на выпивку. Ка-кие в таком случае перспективы у города? Москва — это многослойный пирог: внизу — заезжая нелегальщи-на, чуть повыше — заехавшие легаль-но, а что там на самом верху, я не знаю. Если все это попробовать пе-ремешать, может вспыхнуть. А мо-жет и не вспыхнуть. Я вижу доволь-но узкий, локальный кусочек жизни в столице, мне трудно судить.

Маленький храм в Академгородке Дмитрий Бирюков

30 лет. Лауреат премии «Дебют» за 2005 год. Живет в Новосибирске. Окончил истфак Новосибирского госуниверситета.

— Насколько я знаю, ты вернулся в Новосибирск несколько месяцев на-зад, а до этого жил в Москве. С чего такой крутой поворот?

ПРЕДСТАВЛЕННО АВТОРОМ

Дмитрий Бирюков

— «Если выпало в империи родить-ся, лучше жить в глухой провин-ции у моря». Я устал от Москвы, эта суэта, шум и постоянные стрес-сы — слишком высокая цена за то, что я искал в этом городе. Я ехал в Москву как в культурную столицу. Но Москва также и столица поли-тическая и экономическая. От это-го лучше держаться подальше. Там я занимался журналистикой, здесь продолжаю писать о культуре, кро-ме того, редактирую научный жур-нал.

— Как тебя встретил Новосибирск?

— Город очень сильно изменился. Это произошло очень быстро. Я не узнавал даже улицы по дороге из аэропорта домой. Теперь здесь есть все, чего мне когда-то не хватало, но сохраняется чувство меры, кото-рого не знают там. Все достоинства Москвы можно найти и здесь, но нет тех недостатков.

— Ты католик. Это редкость для на-шей православной страны. Как ты пришел к католичеству?

— Иисус говорил: не вы выбра-ли Меня, но Я выбрал вас. Стоило только зайти в католический храм, чтобы понять, что тут мое место, это мой дом. Безусловно, это про-является в том, что я делаю. Като-личество — огромный культурный пласт, к которому можно обращать-ся бесконечно. Церковь позволя-ет быть внутри европейского на-следия, понимать его. Кроме того, в целом христианство — духовный

фундамент, который постоянно поддерживает меня в самых раз-ных испытаниях. Конечно, в церк-ви, где больше миллиарда человек, встречаются и подлецы, и негодяи, но я могу объяснить им, по-чему они не правы. А мне укажут на мою собственную неправоту. Есть общий язык, который все по-нимают. К тому же христианство и как мировоззрение, и как куль-тура просто преисполнено красо-той. Будь это маленький приход в Академгородке, будь это огромный старинный храм, что я видел в Ев-ропе, везде чувствуешь эту красоту, доброту, тепло.

— Возвращение на родину как-то повлияло на твоё творчество?

— Планов всегда много, но наконец-то получается писать что-то более крупное, чем рассказы. Потихонь-ку продвигается повесть. Кроме того, есть несколько сюжетов для пьес.

— Каким ты видишь свое будущее и будущее страны?

— Давай оставим мое будущее мне, а будущее страны — стране, и тогда мы не станем мешать друг другу.

Междуречье между майским жуком и электрическим скатом

Александр Гриценко

30 лет. Живет в Москве. Окончил Литинститут им. Горького. Занимаеться общественной работой [в московской организации Союза писателей России, экспертном сове-

те премии «Дебют»), проектами в сфере режиссуры, PR и продюсерского дела, ведет авторскую передачу на «Радио России», рубрики в различных СМИ, возглавлял отдел критики газеты «Литературная Россия». Лауреат нескольких премий, награжден почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью правительства Москвы.

– Мне не очень понятно, как один человек может все это успевать.

– А еще я занимаюсь спортом, выписываю с друзьями, плету интриги против врагов, сам выбираюсь из интриг недоброжелателей, веду блог, уделяю время супруге, много читаю... Ничего странного в этом нет. Там, где я работаю, я не один – стараюсь окружить себя командой из умных и преданных людей. Отдыхать я тоже люблю в компании. Только творчество для меня акт интимный, и писать я предпочитаю в одиночестве.

– Список твоих наград и постов угрожающе велик для молодого писателя. Нет ли страха стать функционером, а не творцом?

– Во-первых, в тридцать автор, который публикуется с шестнадцати, не такой уж и молодой. Это у нас сохранились представления с советских времен, что до пенсии – все в молодых писателях. А те уже вполне сформировавшиеся ребята, которым двадцать, у которых выходят книги, они что, младенцы, что ли, совсем?.. Во-вторых, почему нужно бояться стать литчиновником? Это тоже страх, привитый советской эпохой. Тогда чиновники от литературы давили все не угодное власти. Сейчас же дела обстоят иначе. Как правило, такие «чиновники» – это современные продюсеры. Они кормят и поят коллег, выводят авторов на новый этап развития. Быть продюсером – это неплохо. Потому что творческие идеи или даже готовый, написанный роман (или снятый фильм) – это только материал, который нужно правильно применить, чтобы его захотели посмотреть или прочитать. Есть очень много талантливых творцов, которые не встретили своего продюсера и пребывают

Александр Гриценко

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в безвестности. Что же в этом хорошего?

– По твоим наблюдениям, что сегодня происходит в драматургии, в литературе?

– Возрождение. По-другому начинают творить драматурги, которые известны с двадцати своих лет. Художники из этого поколения или исчезают, или начинают писать всерьез. Я считаю, что культуру ждет прекрасное будущее. Возможно, даже новый «золотой век».

– Ты вхож в совершенно разные театры – и в сугубо традиционные, и в молодые, новаторские. Серьезен ли раскол между ними? По какому пути пойдет театр?

– Ну, как понять – раскол? Между майским жуком и электрическим скатом есть раскол?.. Просто они разные, и все. Например, МХАТ Дорониной живет по правилам эпохи блестящей, но уже мертвей. Их боги уже никогда не вернутся. Уйдут вслед за ними и эти театры-музеи. А новаторские театры – это пока не театры в обычном понимании, а экспериментальные площадки, студии, на которых растут будущие великие художники. Они пришли рано, многих из них объявили гениями, но это не так. Они только сейчас набрались сил. Думаю, в России сохранится репертуарный театр, но «новые» из подвалов придут в него и модернизируют.

– О чем ты сейчас пишешь?

– Закончил и редактирую повесть о первой чеченской войне.

Ездил в Чечню, собирая материал. Надеюсь, получилась хорошая вещь, а то мне со всеми моими наградами будет неудобно. Кроме того, сейчас я пишу роман о довоенной Чечне. Действие начинается в последние годы ссылки чеченцев и ингушей, а заканчивается в первый год войны. Судьбу Чечено-Ингушетии я показываю через жизнь выдающегося композитора Аднана Шахбулатова. Будут там и такие одиозные личности, как, например, Зелимхан Яндарбиев. Совсем не похожий на того, кого мы видели по телевизору. В книге он будет не бородатым террористом, идеологом чеченских сепаратистов, а молодым нищим поэтом, выпускником Высших литературных курсов Литературного института имени А.М. Горького. Я постараюсь понять его превращение. А сверхзадача, которую я поставил, – показать, как мирная советская республика вдруг превратилась в горячую точку. Сейчас работаю над второй частью. Всего роман будет состоять из семи частей.

– Каким бы ты хотел видеть свое будущее?

– Я хочу быть здоровым, знаменитым и богатым. До сорока лет я планирую заниматься литературой и пиар-бизнесом, а потом, возможно, пойду в политику. Дальше я пока не загадываю.

Горизонт собственного всесилия

Михаил Богатов

29 лет. Живет в Саратове. Окончил Саратовский государственный университет. Кандидат философских наук. Преподает ряд философских дисциплин, ведет ежегодный коллоквиум по современному искусству, выпустил несколько научных монографий. Обладатель гранта президента России для молодых ученых. Поэт, прозаик. Автор книги стихов «Лолита в Греции» (2010).

– Как ты сам считаешь, кто ты в первую очередь – ученый или писатель?

– Понятно, что никакой очереди не существует, хотя сказать, что этот вопрос для меня решен или, наоборот, не важен, не могу. Много размышлял по этому поводу, когда ловил себя на том, что творческий подъем всегда един – то есть когда вдохновишься на какой-нибудь труд, сразу же чувствуешь себя всесильным, хочется делать многое, тут и задумки в литературе, и статьи научные. Но это лишь поначалу так происходит, поскольку затем, чем больше работаешь над чем-то определенным, тем более сужается этот горизонт собственного всесилия, и это происходит до тех пор, пока он вообще не исчезнет. Это уже стадия доработки начатого, почти в режиме автопилота. Меня всегда поражала и подавляла судьба Сартра, который и в литературе, и в философии, и в политике. Но затем, последовательно ознакомившись со всеми сферами его достижений, я понял, что человек, который везде сразу, – он нигде.

У меня был опыт одновременного начинания диссертации вместе с романом «Машина тишины». Долгое время эти тексты шли параллельно: на одном я «отдыхал» от другого; во время серьезной научной работы скапливалось много дурных и шальных мыслей, которым я давал «оторваться» в романе. Но в итоге диссертация победила, и «Машина тишины» была брошена.

В литературе отдаешься тому, что пишешь, полностью, без всякой возможности критически отнестись к тому, что ты делаешь, при макси-

Михаил Богатов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мальной предвзятости к тому, как ты это делаешь; в философии, наоборот, размышления над тем, что ты говоришь, зачастую оставляют в тени для тебя самого, как ты говоришь.

– Не слишком ли ты нагружаешь себя, ведь ты еще и собираешь ежегодно поэтический фестиваль «Дебют-Саратов»?

– Наш клуб собирается уже пять лет, изначально это было человек четырнадцать молодых поэтов. Почему именно поэтов? Клуб был задуман не только как организация по интересам, но и как площадка для выступлений. Читать стихи публично куда проще, чем прозу. Кроме того, в Саратове, да и не только, большие проблемы с прозой. Со стихами тоже проблемы, но с прозой хуже. Пишут люди про компьютерные игры, про любовные переживания, пишут детективы, но почти никто из пишущих прозу не удосуживается читать некоммерческую литературу, с которой покончено на школьной скамье. Говорят, не читают «других», чтобы не потерять своей «оригинальности», не замечая, что такая «оригинальность» как две капли воды похожа на все прочие.

Но у нас находятся очень внимательные и начитанные ребята, идеальные слушатели и, возможно, иногда даже собеседники. Когда мы были готовы к первому большому выступлению в городском масштабе, нас вызвался поддержать московский поэт Виталий Пуханов и с ним несколько человек. «Нескольких человек» оказалось восемнадцать. Первый фестиваль шел несколько дней. В этом году готовим уже четвертый. Зачем это нужно мне? Это опыт моей жизни, которая одна, и другой пока не обещали. Если что-то и делается в ущерб себе (в финансовом смысле), то ведь дело не в деньгах, их с собой никуда не возьмешь, когда жизнь закончится. Это общение с людьми, которые родственны тебе по духу. Видя других пишущих, перестаешь воспринимать себя с луны свалившимся человеком.

– Чем сейчас занят Михаил Богатов?

– Готовлю книгу стихов, работаю над романом «Отче наш». Читаю лекции. Между делом работаю над рубрикой «быть интересным папой для своей дочери Алены», которой скоро уже шесть лет. Живу, интересуюсь и люблю. ♡

Беседовал Игорь Савельев

КОЧЕВНИК В ЭРМИТАЖЕ

«Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова» – так называется выставка работ российского скульптора родом из Бурятии. Устроители намеренно представили новое искусство по соседству с археологической экспозицией «Древняя Сибирь».

Э

СТЕТИКА ЭКСПОНАТОВ V–IV ВЕКОВ ДО Н.Э. ИЗ ЗНАМЕНИТЫХ скифских курганов Пазырлык и Аржан настолькоозвучна образам, создаваемым нашим современником, что искусствоведы мира в один голос твердят: энергетика прошлого передалась новому азиатскому гению, и это чудо.

Знаток тибетской культуры американский ламаист Роберт Турман назвал российского скульптора «Пикассо бурят». А Михаил Пиотровский уверен в том, что, даже если Даши Намдаков немедленно прекратит творить, его имя уже «навсегда вписано в человеческую цивилизацию, потому что он вне времени и вне пространства». Скульптор же разводит руками, говоря, что сам не верит тому, что его персональная выставка проходит в Эрмитаже. Для рядового обывателя его имя, может быть, пока не на слуху, поэтому рекомендуем вспомнить фильм «Монгол» режиссера Сергея Бодрова-старшего, который с перевесом в один голос уступил конкурентам премию «Оскар» и был особо удостоен награды Американского национального совета кинокритиков. Художником-постановщиком, основным автором костюмов, оружия и доспехов был именно Даши Намдаков. Зато российские киноакадемики отметили его вклад «Никой» и «Золотым орлом».

– В каком жанре вы работаете? Можно это назвать буддистским авангардом?

– Нет, буддизма в моих работах не так уж и много. Хотя во мне сидит

буддистская пластика, буддистская иконопись, буддистская танка – наша живописная икона. Но я для себя оставил буддистскую тему до пожилого возраста. Я буду этим за-

ниматься, когда созрею духовно. Пока буддизм для меня некое табу, некая высота, которую я сейчас не могу себе позволить.

– Может быть, вы придумали особый, скифский сюрреализм?

– Скифы – да, это уже ближе. Но я свой жанр никак не определяю. Недавно мне кто-то сказал, что я подражаю стилю «фэнтези» режиссера «Аватара» Джеймса Кэмерона. На что я посоветовал собеседнику взглянуть на мои работы десятилетней давности: может быть, у него возникнут вопросы о плагиате или подражательстве к Кэмерону, а не ко мне? На мой взгляд, я просто создаю мир, который меня окружает. Этот мир окружал мой народ, моих предков. Этот мир для меня существует и сегодня. Может быть, я его немножко домыслил, но он вполне реальный.

– Ваши образы глубоко национальны. Это, конечно, корневая азиатская культура?

– Будучи азиатом по рождению, по природе своей, я живу в России, в Красноярске я получил европейское образование, у меня европейский менталитет. Поэтому мои скульптуры, я полагаю, евразийские. Мои образы хорошо воспринимают и азиаты, и европейцы.

– Европейский или все же русский менталитет?

– Пусть будет русский, да. Но я действительно ощущаю в себе симбиоз культур и эпох. Я житель материка Евразия. Правда, был бы я бурятом, родившимся в Китае, я делал бы совершенно другие произведения. То же самое, если бы я родился и рос где-нибудь в Воронежской области – я бы впитал другой мир и изображал бы его. А поскольку я

рожден в Забайкалье, то получился интересный продукт евразийства.

– Вы заставили современный мир взглянуть на азиатов с восхищением. Одно дело – сходить в этнографический или художественный музей, посмотреть на исчезнувшую старину или на артефакты археологических раскопок, другое – увидеть мифический скифский мир совсем рядом и понять, что он до сих пор существует. В какой-то мере вас можно воспринимать как националиста в пассионарном значении этого понятия?

– Ну что вы, я не националист ни в коей мере, я – созидатель, у меня голова забита другим смыслом. Но если задуматься, то, честно говоря, раньше я считал, что мое искусство будет интересно только моему народу, и больше никому. И вот за десять лет с момента моей первой выставки, случившейся в Иркутске, я успел объездить Европу,

Азию, Америку и понял, что интересно всем. Возможно, в этом моя миссия – открыть миру некое послание о нашей древней расе и цивилизации.

– Какой образ в бронзе вам покорился самым первым?

– Это была маленькая скульптура звездочета, который смотрел в небо. Фигурку эту украли и сдали в металлом – такова грустная история моей первой работы.

– Сколько вам было лет, когда вы нарисовали свой первый рисунок?

– Я не помню. Нас было восемь детей в семье, я шестой, и отец всех сажал вокруг буддистской танки – это такая буддистская живописная икона – и мы все вместе ее писали. Отец обязательно давал нам кисть, чтобы мы приложились к создаваемому образу, это ведь духовный вклад в человека. Чем старше мы становились, тем сложнее была танка.

Комментарий куратора выставки, заместителя заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири Юрия Пиотровского:

– Почему искусствоведы так спорят о творчестве Даши Намдакова? Я слышала буквально следующее: «китч», «излишняя красота», «шедевр».

– Я бы сказал, что это споры на пустом месте. Даши Намдаков талантливый художник, очень хороший скульптор, одаренный внутренним наследием. Кто, кроме него, может так изобразить всадника, стреляющего из лука? Это очень важно, потому что он человек, который сам может сидеть в седле, сам стреляет. Это характерная черта многих народов, где сохраняется национальная культура. Второе, что важно для нас, – его талант вырос из ауры Центральной Азии. Внутренние источники, соки, которые его питали, проявились в его творчестве, их ощущает на интуитивном уровне каждый, кто смотрит на работы Даши. Причем эти ощущения испытывает житель любого континента, любой национальности и культуры. Каждый народ, сохраняющий национальную культуру, рождает гениев, продолжающих эту традицию. Ведь здесь кочевническая культура, здесь Бурятия – отец Даши резал скульптуру, его братья и сестры тоже творческие люди, они вокруг него сплотились и работают одной командой. Сам Даши говорит, что он хорошо знает западную культуру и поэтому его творчество хорошо понятно и на Западе, и на Востоке. И хотя мои коллеги склонны видеть в этих работах смешение жанров, мы, археологи, видим, что истоки воображения Даши уходят корнями в глубочайшую древность. Не зря напротив залов с его работами – наша выставка «Древняя Сибирь», с экспонатами, найденными при раскопках знаменитых курганов. Если не прямые параллели, то все равно общие черты между древностью и современным художником легко обнаружит каждый зритель. Для меня внутренние источники Даши совершенно очевидны.

Этот современный человек просто впитал свои истоки. Чужие культуры оказывают на него влияние, не нарушая его стержневого мироощущения. У него собственный язык, собственное слово.

У него переплетение очень многих жанров и эпох, от скифов до Средневековья, ламаистских и буддистских мотивов. У него есть также и мягкий причудливый Иран! Есть и резкость линий, характерная для Японии. Есть и чистый, не азиатский, сюрреализм. Но важно понять: все, что делает Даши, идет у него изнутри. Он уже не может ничего изменить и не может даже ничего объяснить. Его ламаистские фигурки замечательны, но он ведь не монах и изображает их совсем не так, как это делают буддистские священники. Или его бронзовые черепа, маски, головы животных – они очень похожи на такие же народные поделки, вырезанные из рога и кости. Это особенность центральноазиатских культур, которые старались сохранить свою самобытность. И этот процесс не останавливался даже в советские времена, когда вот эта самобытность если не уничтожалась, то тихо сама исчезала. Мне вспоминается, что на Кавказе для возрождения древнего ремесла плетения циновки нужно было, чтобы появился молодой человек Замудин Гучев, который поехал по селам учиться у бабушек. Сегодня уже пожилой Гучев учит детей, зато адыгская циновка теперь не раритет, интерес к этому народному искусству возродился. Даши мне также говорит, что наступление глобализации в культуре способно уничтожить национальное, народное, глубинное творчество. Он все понимает, но считает, что если его творчество поможет возродить интерес детей, молодежи к национальным истокам, то он будет считать, что многое сделал. Поэтому мы и выставку назвали «Ностальгия по истокам».

ИТАР-ТАСС

Комментарий куратора выставки, хранителя отдела археологии Восточной Европы и Сибири Елены Корольковой:

– Я бы не назвала жанр, в котором работает Даши Намдаков, ни авангардизмом, ни сюрреализмом, ни модернизмом, ни «фэнтези», как сформулировали некие юные комментаторы, очарованные фильмом «Аватар». Нет, Даши – это традиционное кочевническое искусство. Я даже думаю, что у него нет еще сформировавшегося имиджа. Потому что у него есть очень неожиданные работы, как, например, созданная за последние два месяца скульптура «Амазонка». Это ведь уже не азиатский, а африканский или южноамериканский мотив, причем традиционная бронза превращена скульптором в камень – нам кажется, что это черный мрамор, а может быть, вулканическое стекло? Это же ошеломляющий поворот в творчестве, он и патину ей глянцевую придал для достоверности. А ведь этот человек работает только в металле. Творчество Намдакова – это динамика, грация, движение, экспрессия. Зарубежные коллеги оценивают нашего российского скульптора очень высоко. Самое характерное высказывание прозвучало из уст известного ламаиста, знатока тибетского искусства, американца Роберта Турмана. В 2004 году, когда в Нью-Йорке в центре «Тибет-хаус» проходила выставка Намдакова, Турман восхитился:

«Это Пикассо бурят!» С одной стороны, у Даши мы видим попытки выхода в современное искусство, а с другой стороны, он все равно остается бурятом, и это прекрасно. Но он не останавливается, не повторяется – идеи и воображение у него не иссякают. А какая у него графика! У нас представлены графические иллюстрации Даши Намдакова к фильму «Монгол». Он ведь не только нарисовал костюмы, графику для многофигурных планов, но и занимался отливкой оружия и лат. И я бы не согласилась с теми, кто утверждает, что для него форма важнее содержания: он же восточный человек, восточный мастер, в его формах зашифровано многослойное философское содержание. А кажущаяся поверхностность «Монгола» выглядит таковой потому, что тема Чингисхана для них отчасти запретная, они боятся ее затрагивать. Ведь с фигурой Чингисхана действительно связано много загадок. Даши Намдаков сделал первый подход к воссозданию памяти об этом великом правителе кочевников, работая над фильмом; кроме того, у него, конечно же, появилась и скульптура императора кочевников. Хотя для азиата изображение Чингисхана – отважный поступок.

– Это семейная бурятская традиция?
 – Это, наверное, буддистская традиция. Потому что мои предки были дарханами – людьми, которые умели делать все, от бытовых вещей, таких как оружие, до изысканных ювелирных украшений. Дарханы обслуживали и Чингисхана, и последующих правителей. Это была такая аристократическая каста, носители особой информации, которые передавали свое уникальное мастерство и знание сакральной сущности из поколения в поколение. Их нельзя было убивать, это считалось большим грехом. Дарханов все старались к себе пригласить, переманить, накормить, напоить, чтобы они творили.

– Отец ваш был народным художником?

– В нашем селе он считался народным умельцем и мастером на все руки. Но на самом деле он был не просто верующим человеком, а представителем духовной элиты – занимался и живописью, и скульптурой, и буддистской пластикой. И вся наша семья – семья художников.

– Вот почему ваши скульптурные образы пронизаны буддизмом, хотите вы того или нет. Все из детства.

– Но мне кажется, я отображаю вполне реальный мир. Не я его при-

PHOTOPRESS

думал, он существует. Просто мы видим его по-разному. Современные люди воспринимают очень узкий диапазон окружающего мира.

– Но и вы, говорят, «воспарили» над узким и обыденным восприятием мира только после особой встречи со старой шаманкой.

– Такая встреча в моей судьбе действительно была. Благодаря особому ритуалу, который провела шаманка, я излечился от болезни, терзавшей

меня семь лет – с детства и до той поры, когда я стал студентом первого курса университета. И конечно, шаманка открыла во мне нечто такое – может быть, сняла с меня шоры. Это отдельная история, а описать ощущения, которые я испытал от старинного ритуала, трудно. Если в двух словах, то шаманка открывает некие энергетические каналы, через которые я вижу то, что нужно именно мне.

– Говорят, на вас оказали влияние и Пикассо, и Дали, и многие западные постмодернисты и авангардисты?

– Может быть, косвенно. Но я все же больше люблю отдельные цивилизации, чем отдельных художников. Ассирия, Вавилон, рельефы, представленные в Британском музее, – эти образы для меня любимые по сей день. Но мои пристрастия меняются, я ведь и сам развиваюсь. Я очень ценю состояние, в котором человек находится в те мгновения, когда он просыпается. В эти секунды, на грани сна и яви, пока не навалились повседневные заботы, в голову приходят интересные и яркие образы. Я их немедленно зарисовываю, делаю наброски. А позже воплощаю в бронзе. ☺

**Беседовала
Наталья Шергина
[Санкт-Петербург]**

PHOTOPRESS

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сергей Виноградов [Череповец]

ФРАК НАРОДА

Дирижер симфонического оркестра из Череповца Валентина Голубева на концертах всегда выступает в мужском фраке. Так безопаснее.

«К

ОГДА-ТО Я В ПЛАТЬЕ дирижировала, но чуть жизнью за это не поплатилась. На сцене я становлюсь эмоциональной, и юбка превращается в очень неудобную одежду. Я ведь притоптываю, когда дирижирую. Однажды попала каблуком в подгиб юбки, и он там запутался — я чуть не рухнула со своего помоста. После этого случая я пошла и заказала мужской фрак». ...Если бы кто-нибудь задумал созвать съезд женщин-дирижеров в 80-х годах, когда Валентина Голубева создала и возглавила в Череповце единственный в Вологодской области симфонический оркестр, то для встречи делегатов вполне хватило бы столика в кафе. Все бы уместились. Лет триста назад слабый пол не лез в профессию по причине неподъемности дирижерской палочки. Однако со временем тяжеленный посох с бронзовым наконечником, которым дирижер отсчитывал доли, трансформировался в элегантную «указку», и женщины взяли свое.

«На ковер» к святым

Детство Валентины Голубевой прошло в деревушке, затерянной в керженских лесах Нижегородской области. Поселение было мало того что глухое, так еще и старообрядческое. Пришлых не жаловали. К примеру, зайдет грибник или охотник, попросит воды попить. Вынесут ковшичек, а после его ухода выбросят в мусор. Потому что иноверец. «Огромное влияние на меня оказала бабушка, потому что фактически она меня воспитывала, — рассказывает Валентина Викторовна. — Родители постоянно отсутствовали — ездили осваивать целину и так далее. И я оставалась с бабушкой. У старообрядцев не принято обнажать публично свои чувства и эмоции, вместо этого — сдержанность и аскетизм. А я росла таким клоуном — любила попеть, поскакать, покричать. До поры до времени мне это прощалось, хотя всякого рода лицедейство почитается старообрядцами за большой грех». В список грехов входила масса вещей, без которых жизнь современного

человека непредставима. Жили по заветам святых и праведников, спать ложились по совету петухов. В те вечерние часы, в которые сейчас Голубева и ее оркестр начинают концерт, в нижегородской деревне давно спали. «Никакого телевизора в нашем доме не было, — вспоминает она. — Когда я была маленькой, в нашу глушь провели электричество. Отлично помню, какой восторг у меня вызвала загоревшаяся лампочка. Я буквально ослепла, спрятала лицо в ладони. Керосинка, с которой я только и была знакома, такого света не давала».

Старообрядцы прятали не только эмоции. В доме будущего дирижера ее прадедом были устроены две избы под одной крышей. Половина была отдана тайной церкви, где проходили секретные моления. Со стен сурохо глядели древние лики, привезенные сюда предками еще во времена Петра I. Бабушкой помещение использовалось и в качестве «холодной» для непослушной

внучки, которая пуще хворостины боялась этих грозных святых, к которым за свои проказы чуть ли не ежедневно попадала «на ковер». «Но там же, на этих старообрядческих молениях, я услышала, как эти старухи и старики поют религиозные произведения. Спустя годы, когда я уже кое-чему научилась в музыке, поняла, что это чистейшее григорианское многоголосие. Тогда, в детстве, меня это попросту потрясло до глубины души».

Доказать папе

Впрочем, в музыку Валентина Голубева пришла не из старообрядческой молельни. «Мой папа очень хотел сына, но родилась дочь, — издалека начинает она свой рассказ. — И всю мою сознательную жизнь он сокрушался. Целью моей жизни было доказать ему и себе, что я не хуже мальчика. Он очень любил музыку, обладал абсолютным слухом, а как двигался, сколько инструментов освоил самоучкой! К 13 годам

я никогда не видела рояль, но читала о нем и влюбилась. Среди инструментов, которые отыскались дома, — а их было много, папа на всем умел играть — я остановила выбор на аккордеоне, потому что клавиатурой он похож на рояль».

Ворчание родственников по поводу решения поступать в музыкальную школу было вполне сносным, и в 13 лет, что по меркам музыкального образования считается преклонным возрастом, Валя Голубева «вышла из леса». Первым в ее жизни оплотом цивилизации стал городок Урень, расположенный в 30 километрах от деревни. Окончив школу, с тем же аккордеоном поступила в музыкальное училище в Дзержинске. И тут, как говорится, судьба постучала в окошко. Однажды город запестрел афишами оркестра Горьковской филармонии, приезд которого для солнного Дзержинска был чем-то вроде визита кукольного театра Карабаса Барабаса для Буратино. Руководил оркестром человек по

Валентина воспитывалась в старообрядческой семье

Первые дирижерские опыты. До печального эпизода, едва не завершившегося травмой, Валентина Голубева надевала на концерты длинное платье

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Возвращение на родину началось с размышлений о том, чем заняться

фамилии Гусман, не в пример более добрый, чем Барабас. Эффект, произведенный на Голубеву слаженной игрой оркестрантов, по силе не уступал вышеописанному эпизоду с лампочкой. Все прежние жизненные планы показались вдруг той самой керосинкой, которая не светит, а коптит и дурно пахнет. Так что следующим шагом стала Консерватория в Горьком. Здесь по воле судьбы Валя попала на курс к Гусману. Намахавшись в классах палочкой, бежала махать шваброй в кафе: после того как схватила тройку и лишилась стипендии, приходилось выживать.

Я бы в докторы пошла

«В Череповец я попала по распределению в 1981 году. Я, по-моему, была последняя, кого распределяли, — с 82-го года эта система рухнула. Сначала я должна была ехать в Чимкент, принять оркестр в местном вузе. Я уже поговорила с заведующим кафедрой, который расписал свое учебное заведение, как рай на земле. Короче, я уже собирала вещи, когда выяснилось, что Министерства культуры РСФСР и Казахстана относительно меня о чем-то не договорились. И мне пришлось довольствоваться тем, что осталось, то есть Череповцом. Я попросила у комиссии полчаса на раздумье, сбегала к знакомой девушке Ларисе,

Сегодня в Череповецком симфоническом оркестре работает более тридцати музыкантов. Репертуар самый разнообразный — от классиков до современных композиторов. Накануне Нового года оркестр делает горожанам подарок — концерт поп-классики с обязательными Моцартом, Чайковским и Бетховеном. Такие концерты пользуются в Череповце огромной популярностью

которая училась на два курса младше и была родом отсюда. Ее рассказ убедил меня принять предложение. Была возможность задержаться в Горьком, но это значило навеки остаться маленькой девочкой под крылом преподавателя Гусмана, а мне хотелось самостоятельности. В Череповце ее хватило с лихвой». О бегстве из города металлургов Валентина Голубева начала помышлять едва ли не на вокзале. Устроившись преподавателем в местное музыкальное училище, мечты не

оставила. Шанс представился спустя пару лет, да еще какой! Появилась возможность уехать в Германию, даром что социалистическую. Три года отработала она там, выступая с аккордеоном перед советскими воинами и дружественными немцами. И мало кто мог подумать, что она твердо решила завязать с музыкой и в 30 лет вновь сесть на студенческую скамью... медучилища.

«Это было в Германии. Как-то летом я работала в международном детском лагере. У нас там была вожатая,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

страдавшая ужасными мигренями, которые вырубали ее на несколько дней вплоть до потери сознания. Однажды среди ночи меня будит эта обезумевшая женщина, падает на колени перед моей кроватью: «Помоги!» Почему она пришла именно ко мне? Она сама потом не могла этого объяснить, ничего не помнила. Я в полусладкиме начинаю водить руками вокруг ее головы. Через 20 минут она уснула и утром встала как новенькая. И после этого ко мне пошли страждущие, а я решила стать врачом». Из Германии решила вернуться в Череповец – здесь было и медучилище, и место работы (надо же что-то кушать, пока учишься). Да и жилищные перспективы обнадеживали. Однако директор «музыкалки», куда она вернулась, поставил ультиматум: либо бери местный камерный оркестр и оставайся преподавателем, либо гудбай. Согласилась через силу. «Уже через год мой камерный оркестр вырос до симфонического, в который вошли преподаватели музыкального училища и студенты. Оркестр тогда захватил все мое свободное время. Мечта о медицинской карьере вскоре забылась. Но своим студентам я руки лечила довольно долго. Миазиты, мышечные воспаления – наши профессиональные заболевания. Правда, этим делом я очень давно не занимаюсь». На последнее заявление

Валентина Голубева упирает особо, небезосновательно беспокоясь, как бы «страждущие» снова не повалили к ней среди ночи. Все же, судя по всему, чутье экстрасенса исчезло в ней не до конца – людей «одной крови» продолжает видеть. «К примеру, дирижер Мариинки Валерий Гергиев... Посмотрите на него – он же гипнотизер, как он работает с залом и своими музыкантами! На его концертах творятся невообразимые вещи, это волшебство, да и только».

Дирижер – мужская профессия?!

«Наверное, это действительно так, – соглашается Голубева. – Постоянно надо говорить людям неприятное, месить людей, что женщины очень непросто делать по своей природе. Приходится ругаться, хотя это жутко неприятно. Мужчина обладает силой и твердостью, чем и воздействует, зато женщина берет терпением. На моем месте мужчина давным-давно бросил бы все это дело». А перед тем, как бросить дело, бросил бы что-нибудь тяжелое в нерадивого оркестранта, не попадающего в ноты. У Валентины Голубевой, которая, по словам ее музыкантов, иногда не стесняется и нецензурной лексики, угрозы не доходят до реализации.

По нашей просьбе Валентина Викторовна раскрыла несколько дирижерских секретов. К примеру, принятый в оркестрах всего мира политес, когда в начале и в конце каждого произведения дирижер уходит за кулисы и всякий раз музыканты встречают его стоя, нужен для того, чтобы размяться и отдохнуть. Система знаков, которыми во время концерта общаются дирижер и музыканты, никакой тайны не несет и ничем вроде языка жестов не является. Все они изучаются в консерваториях за несколько занятий. И, наконец, вопрос вопросов: что будет, если оркестр внезапно лишить дирижера? Опытные музыканты без сбоев доведут произведение до конца или все смешается и пойдет на смарку? «Оркестр для дирижера – это инструмент, но инструмент живой, состоящий из личностей, – отвечает Валентина Голубева. – Каждый считает себя музыкантом и каждый думает, что знает, как лучше. Хороший дирижер дает музыканту поле, пускай подчас и не очень широкое, для импровизации. Дирижер без оркестра – ноль с палочкой, но и оркестр без дирижера – немногим больше. Иногда, когда мы работаем в новом зале, я проверяю акустику – бросаю оркестр и бегу слушать звук в разные концы зала. Оркестранты очень стараются, но без дирижера музыки у них не получается. Пробовали ведь в 30-е годы организовать оркестр без дирижера. Ну и что? Опыт с треском провалился».

Василий Журавлев

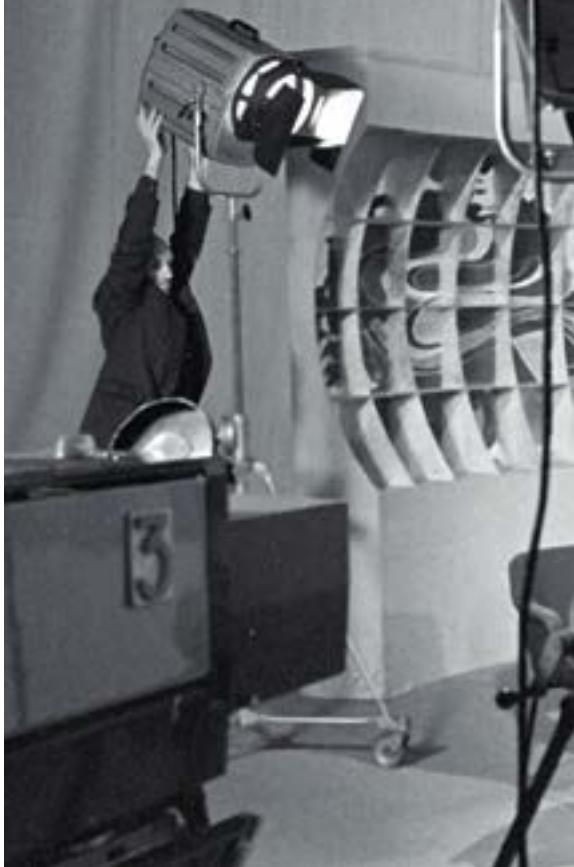
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СТРАНСТВИЙ

Моя 25-летняя подруга нередко говорит, что в СССР все было не так плохо, как ее учили в школе. Она – врач. Работает в больнице. Ей, должно быть, виднее. И все-таки я ей возражаю. «Что ж в нем было такого хорошего? Вам, Мария, было шесть, когда империя распалась». «У людей были идеалы... – с грустью отвечает она мне, – а теперь – нет». «Зато, как шутил Жванецкий, все тогда «смотрели на мир глазами Сенкевича». «Ну, это же лучше, чем смотреть на него глазами Петросяна», – мудро заключает юная собеседница.

А Я ПОЧЕМУ-ТО ВСПОМИНАЮ солнечный воскресный день на даче. Старый «Рубин» едва держит цвет, но все-таки на всю оставшуюся жизнь запомнилось, что куртка на Сенкевиче, ведущем репортаж на фоне Эвереста, была в тот день красной... Только спустя десятилетия я узнаю, что ту самую куртку ему подарили товарищ из команды папирусной лодки «Ра» Карло Маури... И что это была первая настоящая «клубовская» съемка: впервые за границу поехала съемочная группа готовить оригинальный материал, а не устраивать в выпуске передачи «кинопоказ» из чужих сюжетов. И что Сенкевич тогда не только рассказывал о первой советской экспедиции на Эверест, но и готовил по программе подготовки космонавтов наших спортсменов к восхождению: нужна была убедительная победа советского альпинизма. Но в тот далекий теперь день из юности я не знал всего этого, так же как и самого главного: пятнадцать лучших лет моей жизни пройдут в «Клубе путешественников». Родители наши так и остались «теплопутешественниками», зато про-

грамма воспитала новое поколение людей, которые прониклись самой идеей путешествия как увлекательного занятия в жизни. Сегодня им от 30 до 50 и они сами открывают мир, снимая его на видео и фото. Вот только показать свои экспедиции теперь уже негде: аудитория ограничивается друзьями. Впрочем, все большее число «кинопутешественников» выкладывают свои произведения в Интернете. Еще школьником помню, как взрослые старались не пропустить выпуск «Клуба кинопутешественников»: они бросали дела и рассаживались напротив черно-белого телевизора – следить за ходом экспедиции норвежского исследователя Тура Хейердала на папирусной лодке «Ра». Следили с таким же вниманием, как незадолго до этого наблюдали за высадкой американцев на Луну. Хотя здесь было все иначе: в команде был «наш». Скромный доктор, который с застенчивой улыбкой рассказывал о том, как на утлом суденышке они шли через не- приветливую Атлантику. Знаю, что из наших знакомых доктору Сенкевичу никто не завидовал – как не завидовали тогда

РИА НОВОСТИ

Золотым звездам и личным автомобилям космонавтов: просто хотелось быть похожими на них. А нам, детям, – вырасти и стать такими же, как они. Сегодня можно услышать, что никакой высадки американцев на Луну не было: это была инсценировка для того, чтобы напугать русских. Не удивлюсь, если кто-нибудь «достебается» до того, что и двух экспедиций на «Ра» тоже не было: плавание папирусной лодки, мол, снималось в бассейне. А почему бы и нет? Изменилось само отношение к познанию в обществе, проживающем свой сырьевой запас. Любопытство – великая вещь. Вне зависимости от режимов и политического строя. Именно любопытством к жизни обязан своим успехом тот самый первый «Клуб кинопутешествий», который придумал и вел до самой своей смерти Владимир Адольфович Шнейдеров – оператор, режиссер, телеведущий и народный артист РСФСР. А главное – заядлый путешественник. Камера – коварная вещь: она сразу выявляет фальшь. Только человек, для которого путешествие – а значит, и познание – не просто работа ради быстрой славы и денег, а образ жизни, может рассказывать о путешествиях так, что ему верят. Шнейдеров был именно таким человеком. Еще в 20-е годы, тогда же, когда Дзига Вертов ставил свои

киноэксперименты, Шнейдеров колесил по молодой республике и снимал просветительские короткометражки в Средней Азии. Потом, во время первого авиаперелета Москва–Монголия–Китай, снимал из открытой кабины самолета свой «Великий перелет». В 1929 году отправился на Аравийский полуостров и снял «Эль-Йемен». Говорят, именно его киногруппа электрифицировала дворец короля Йемена: ввинтила арабам «лампочку Ильи-ча». В благодарность за свет король приставил к советским документалистам охрану и позволил им передвигаться по опасной и закрытой для иностранцев стране. Все это было еще немое кино, но смотрится оно до сих пор! Интересно, что незадолго до закрытия «Клуба путешественников» съемочная группа снова отправилась в Йемен – «по шнейдеровским местам». На этот раз обошлось без «электрификации всей страны», но Сенкевич с группой передвигались по стране тоже с охраной. Правда, на этот раз это были уже не всадники, а БТР и автоматы...

18 марта 1960 года в эфир вышел первый выпуск «Клуба». Шнейдеров «прорубил окно в мир». Выпуски его «Клуба» были чрезвычайно просты. Он говорил: «А сейчас мы отправимся в...» Говорил несколько слов о маршруте путешествия

Первый
ведущий «Клуба
кинопутешествий»,
Владимир
Адольфович
Шнейдеров.
1971 год

или стране, а потом техники включали документальный фильм... Собственные корреспонденты советского ТВ стали охотно снимать сюжеты для «Клуба». Это был не только дополнительный заработок, но и возможность рассказать о том, что есть прекрасного и удивительного в той стране, где ты обязан показывать, согласно идеологическим канонам, лишь плохое и бесконечно словесно сражаться с империализмом в выпусках программы «Время». А в «Клубе» можно было, пусть и осторожно, но восхищаться и восторгаться тем хорошим и прекрасным, что существует за советским забором.

Советские люди были в чем-то наивными: они, кажется, верили в доброту мира. И «Клуб», создавая образ прекрасной планеты, населенной мужественными и самоутверженными исследователями и путешественниками, эту веру во всемирное добро лишь укреплял.

РИА НОВОСТИ

В 1973 году Шнейдерова не стало. Все попытки заменить его проверенными международниками провалились: они были... не настоящими. И тогда в студии появился гость – лысоватый доктор, только что вернувшийся из путешествия через Атлантику. Он сделал рейтинг, который тогда мерился просто: в «Останкино» понеслись письма с просьбами трудящихся сделать героя с «Ра» ведущим. Легенда рассказывает, что руководительница научно-популярного вещания Жанна Петровна Фомина, в кулуарах прозванная «железной Жанной» за умение твердо стоять на партийных позициях, взяла охапку писем и отправилась к всесильному Лапину, главе Гостелерадио. Патриарх возражал: его смущала докторская лысина. Но перед натиском Жанны ломались редакторы и режиссеры, прогнулся и Лапин. Юрий Александрович Сенкевич стал ведущим и был им все остав-

шился тридцать лет отпущенной ему и «Клубу» жизни. В эфир вышло более 2000 выпусков программы. Уже в постсоветское время программа оказалась в Книге рекордов Гиннесса, уступая в долголетии лишь какой-то американской мыльной опере... Гостями на заседаниях – а именно так называл в эфире выпуски программы Сенкевич – побывали все знаменитые исследователи и путешественники ушедшей эпохи: Тур Хейердал и Жак-Ив Кусто, Жак Майоль и Гарун Тазиев, Мирослав Стингл и Бруно Вайлати, Бернгард Гржимек и Карло Маури... Потом, с развалом Союза, иностранцев становилось все меньше...

А затем наступила перестройка. Советский народ перестал интересоваться дальними странами и путешествиями и впервые всерьез озабочился своей судьбой. «Клуб» смотрели скорее по привычке, чем из интереса. Куда с большим интересом смотрели, как «взглядовцы» режут народу правду-матку в прямом эфире, а ведущий «До и после...» говорит свое сокровенное: «А скажите, граф...» Народ чумел от «телеаромата» свободы. Казалось, еще немного нажать – и все переменится к лучшему: все будет таким же привычно бесплатным, но на мир можно будет смотреть не глазами Сенкевича, а своими собственными.

Я пришел в «Клуб» в тот момент, когда его, увы, уже стали смотреть меньше. Программа умирала. Уже не прежний «советский народ», а новый электорат кормили «джинсой» и «Аум-Синрикё». Первые «скоробогачи» с восторгом внимали рассказам Дмитрия Крылова про различные комфорты его «непутевых», зато коммерчески прибыльных вояжей по курортам, и скапали туры на разрекламированные направления примерно с той же страстью, что пару десятилетий назад зрители следили за «Одиссеей Кусто». Сенкевич исчез из эфира, и поговаривали, что на его место скоро сядет Крылов.

В стране делили собственность и стреляли. В редакции не было ни камер, ни денег. Начальство «пишило» «Останкино» и на все наши напоми-

Жак-Ив Кусто
и Юрий
Сенкевич.
1980 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нания о себе отмахивалось: «Ищите спонсоров!» Начальство, «пилящее» Останкино, похоже, просто забыло про нас, а все те, кто делал «Клуб» в советские времена, перешли на модное тогда российское ТВ: платили там гораздо больше. Тем не менее в «Клуб» пришли новички из самых разных мест. Так сложился необычный коллектив людей одного возраста, одержимых идеей путешествий и съемок. Никто из нас не был связан с прошлым советского ТВ с его интригами, доносительством и привычкой во всем потакать начальству. Мы были молоды и свободны. И достаточно наивны в своей вере в то, что программа делает наш мир лучше, а людей – ближе друг другу. К нам продолжали приходить мешки писем. Впрочем, писали не нам – Сенкевичу. Предлагали новые маршруты, делились замыслами, а иногда просто просили помочь материально.

А потом вернулся и сам Сенкевич. Это были последние дни праздника большого непослушания. Он с опаской поглядывал на нас, мы – на него. Никто не знал, чего ждать друг от друга. Впрочем, мы притерлись и сработались. Он был требователен к себе и ждал того же от нас. Временами бремя требовательной любви было нелегким... И все же он был человеком старой закалки: он умел слушать. И слышать. Ему можно было возражать, если ты четко обосновывала свою позицию. Он привыкал к людям и не хотел с ними расставаться, хотя каждому знал цену: если кто-то вдруг решал уйти из «Клуба», то он всегда долго отговаривал. Денег не сулил – убеждал. Однажды, во время очередного передела «Останкино», нам полгода не платили зарплату, которая и так была очень невелика. Никто не ушел! Мы продолжали делать «Клуб», а в свободное время «халтурили» на стороне...

Постепенно «Клуб» ожил. Кто хотел, тот много путешествовал: было время взлета русского туристического рынка – по всему миру хотели заполучить «русо туриста». «Клуб» работал с туристическими отделами посольств и регионами страны. Каждый из нас стал «человеком-оркестром»: монтировал, писал тексты и сценарии, вел бесчисленные переговоры о том, кто готов был принять «Клуб», и работал с музыкальным оформлением. Программа держала марку: качественная картинка, интересная информация и отличная му-

тующие маки в степи... Но его мечта о «Телевизионном атласе России» так и не успела сбыться... Так же, как и мечта организовать экспедицию в Полинезию на «острова россиян»: немало островов в Тихом океане было открыто русскими мореплавателями и названо русскими именами. В этот момент возрождения о нас вдруг вспомнили главные теленачальники страны. За нас взялись, причем не на шутку. Над нашей тихой гаванью, как вестники надвигающейся беды, пронеслись слова-штурмовики: «рейтинг» и

стало лозунгом момента, но как сказать о своем решении нашему Командору?

Тут-то все и кончилось в один день. Сенкевича не стало.

Программу закрыли сразу, еще до похорон Сенкевича. Мы еще месяц приходили в редакцию. Смотрели на аппаратуру, ставшую в одночасье грудой железа. На сотни архивных кассет, которые потом кто-то куда-то незаметно вывез... Пили. Оплачивали его и себя.

Еще через месяц всех попросили вон «по собственному желанию». Примерно так же провели увольнение

Антарктическая экспедиция 1969 года. Юрий Сенкевич. Снимок сделан при температуре -70°C

Медицинское обследование альпинистов-кандидатов в сборную страны (программа подготовки к восхождению на Эверест в 1982 году)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

зыка. Никита Богословский тогда даже сказал в каком-то интервью: «На ТВ музыку теперь просто стало слушать невозможно, только в «Клубе путешественников» и можно». «Клуб» снова полюбили и стали приглашать – иногда операторы едва успевали передать друг другу камеры между вылетами.

В те годы только, пожалуй, в «Клубе» непременно присутствовала «нечернушная» Россия. Например, однажды выяснилось, что на фестивале в Германии нечего показать о России, кроме криминала. И тогда чиновников снова выручил старый, добрый «Клуб» своим фильмом о Великом Устюге.

Сенкевичу был любопытен весь мир, но любил он только Россию. И всегда поддерживал все наши идеи съемок по стране. Так мы снимали забытые малые города России, Святки в русской деревне, ходили по Волге и Белому морю, снимали историю Москвы и цве-

«формат». Над «Клубом» сгустились тучи. Начальство капризничало и алкало «креатива», требовало «формата». Присыпало своих эмиссаров, которые журили нас за неумение делать настоящий «формат» и учило, словно отцы-мормоны. Чем больше выпуски стали напоминать «капусту в нарезку» с элементами MTV, тем радостнее становилось на душе останкинских небожителей. Вокруг программы шла какая-то подковерная борьба на тех этажах, куда с окончательной победой демократии поставили громил и перестали пускать рядовых тружеников голубого экрана. Зато прибавили зарплату. Закупочная цена программы взлетела сразу втрой: мы впервые отправились в командировку на свои средства. Однако вместо того, чтобы радоваться, мы стали нервничать. Много курили и совсем не хотели работать ради «дебилизации всей страны». «С меня хватит!»

ние в одном немецком офисе: дали пожарную тревогу, все сотрудники высыпали на улицу. Обратно вернулись не все.

18 марта 2010 года «Клубу» исполнилось бы полвека. Но его больше нет, как нет в эфире ни одной отечественной полновесной программы о путешествиях.

Недавно один мой хороший знакомый принес слух: говорят, в умах теленачальства созрела «креативная идея нового формата» – возродить «Клуб путешественников»! А вести его будет Ястржембский. «Вранье, – ответил я, – брехня все это! Как охотник и истребитель обитателей африканской саванны Ястржембский должен вести «В мире животных». ●

За время своего существования программа несколько раз меняла название: 1960–1973 – «Клуб кинопутешествий»; 1974 – «Клуб кинопутешественников»; 1980-е годы – «Клуб путешественников».

Павел Васильев, коллажи Евгении Гладкой

БЕГСТВО

Мальчик стоял на холме, прислонившись к забору, и смотрел вниз. Забор был железный, из прутьев, а холм – высокий, зеленый, поросший травой и кустарником. Мальчик смотрел на паром, который отчаянно спешил к берегу. Паром – старенький, ржавый, полный людей, телег, машин. А пароход – насмешливый, важный, еще и гуднул пару раз – давай, давай, не задерживай... Пароход плыл и усмехался... А паром отдувался, тянул и краснел от бессилия. До берега оставалось чуть-чуть... У мальчика побелели пальцы. Быстро глянув по сторонам, он легко подтянулся, прыгнул и помчался вниз, забирая правее, к шиповнику. Когда запел горн, на холме уже никого не было.

...В ООБЩЕ-ТО МЫ ВСЯКИЙ раз старались обойти его. Но как обойдешь? Он сидел на лавочке у кинотеатра, а тут как раз самая короткая дорога к школе. Он всегда окликал нас, спрашивал закурить, улыбался, зная ответ, потому что никто из нас не курил... И одет был странно. Мы-то все стриженые, застегнутые, с портфельчиками и мешочками для сменной обуви. А он?! Волосы длинные, черные, рубаха с большим воротником распахнута на груди. И даже носков у него не было... Ботинки черные, старые, растоптанные – и те без шнурков. А еще – крест на цепочке. А говорил он одно и то же. И улыбался при этом. Он говорил, что кино – лучшее бегство и что самое лучшее работать в кино, а все остальное – скука и ерунда, включая школу. Сидел, развалившись, на лавочке, качал ногой и кивал на афиши... А мы старались уйти побыстрее, чтобы не опоздать на урок. Мы побаивались его, но всякий раз останавливались, чтобы послушать. Мы тогда читали книжки про шпионов. Смотрели фильмы про шпионов. Мы хорошо знали, как много врагов у нашей страны. И этот парень должен был внушать нам подозрение. Чего это он к нам при-

стает, такой большой, а мы еще маленькие...

Но чем-то он нам даже нравился. И я думал о том, как мне хорошо живется, какие хорошие у меня мама и папа... Ни у кого таких нет... А вот – почему они такие хорошие? Это очень подозрительно. Шпионы тоже на первый взгляд очень хорошие... Живут как все люди. Работают. Женятся. Воспитывают детей. Дневник проверяют... Делают план на заводе. Вдруг, мои родители тоже шпионы? Засланы к нам из-за рубежа? Внедрились... И что же делать? Бежать? У школы эти мысли пропали сами собой.

А потом и этот парень пропал. Говорили, что его призвали в армию. Мы шли в школу, лавочки были пусты, никто не окликал нас, и лишь иногда милицейская машина останавливалась перед кинотеатром. Хорошо быть милиционером. В кино бесплатно пускают. И пистолеты дают. Когда у тебя пистолет, ни от кого бежать не нужно. Когда мой товарищ Яшка Каплан уехал с семьей в Израиль, я долго ждал допросов. Я же дружил с Яшкой... Бывал у него дома... При виде милиционера я вздрогивал и шел быстрее. Но я шел навстречу человеку в форме. Из книжек про шпионов я знал – так надежнее.

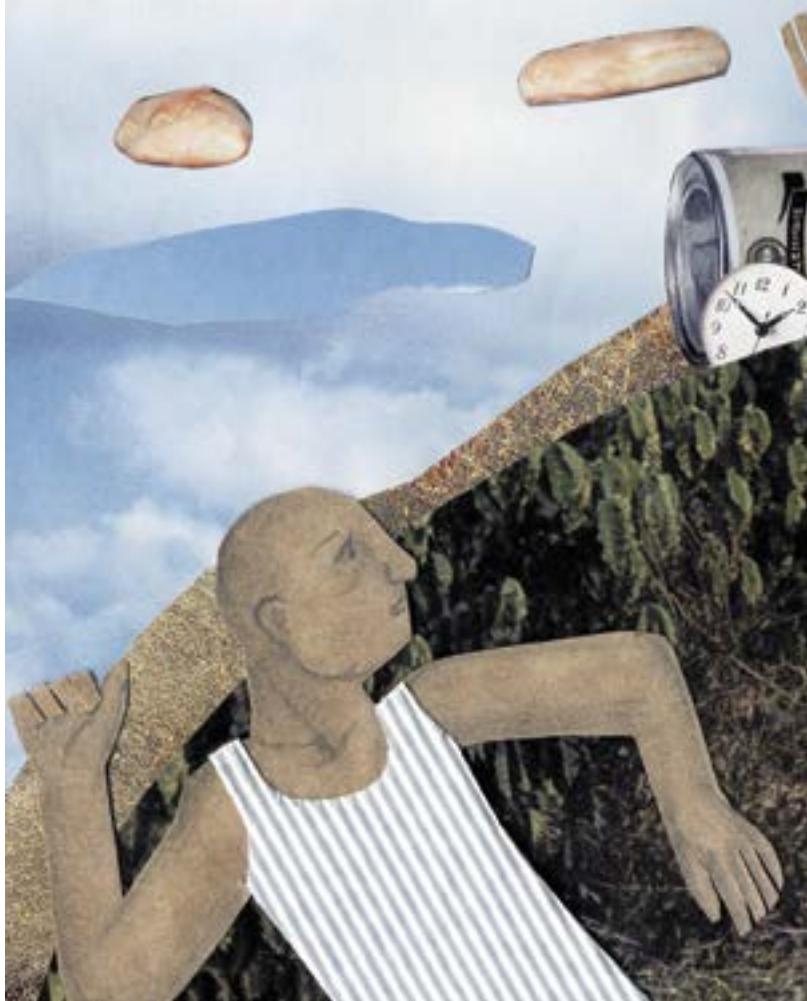
Первый план бегства я придумал еще в детском саду. Нас вывезли на дачу. Мы знали, что будем жить вдали от дома целых 24 дня. И я тут же придумал план. И рассказал его двум девочкам и другу Витьке.

План был очень хороший. Надо готовиться: собирать хлеб, оставшийся после обедов, прятать его в укромном месте, а еще рвать в лесу щавель и запасаться водой.

Витька нашел пустую бутыль, мы сделали пробку из обрывка старой газеты. Под березой устроили тайник, откопав кусок мха и застелив ямку берестой.

Вдалеке, за полем, шла дорога. Иногда можно было разглядеть автомобили, маленькие и юркие, они катили куда-то далеко-далеко.

И все было просто и ясно. Пока все спят, мы тихо встаем, берем из тайника припасы, идем через поле опушкой рощи, чтобы никто не увидел, доходим до шоссе, машем рукой, и нам останавливают! Тут, правда, возник спор. Что дальше? Витька предлагал ехать к морю. Я доказывал, что лучше – домой. Рассудительная Вика выступила на моей стороне, она заметила, что до моря нам ни воды, ни хлеба не хватит. За это я подарил Вике желтое стеклышко, края которого были

гладкие и не резались. Я подарил стеклышко тайно, чтобы никто не знал.

Побег был готов, но провалился из-за Наташки. Наташка ночью расплакалась, и наша няня вытянула из нее все. Няне хватило двух малюсеньких шоколадок! А Наташка боялась, что не дойдет до шоссе, потому что у нее старые сандалии и ремешок держится еле-еле.

А еще кто-то проник в тайник и съел весь хлеб. Щавель завял, вода плохо пахла. Мы с Виткой решили бежать в другой раз и обязательно без девчонок. Эту смену мы решили дотерпеть. Тем более, воспитательница Вера Петровна придумала поход и поставила меня в одну пару с Викой.

Из санатория я бежал вечером. Каждый на моем месте поступил бы так же. Шел дождь, папа только-только уехал, подарил мне пластмассового буденовца на коне – и уехал. А я так просил взять меня с собой.

Я стоял у терраски и плакал. Я стоял так специально – на дожде слез не видать.

А то, конечно, заметят и засмеют. А Люська обязательно засмеет, она всегда надо мною смеется и говорит, что у меня уши как лопухи...

Вчера Люська нашла настоящий штык. Штык от винтовки! И отдала его не мне, а Сережке, сильному, рыжему пацану, который подтягивался на турнике больше меня.

А ведь я первый к ней подошел, первый спрыгнул в канаву, в которой и нашла Люська штык – ржавый, длинный и страшный. Мы в лесу грибы собирали...

Мы тут же решили бежать. В санатории нам здорово надоело. В тихий час заставляли пить кислющий виноградный сок. Вырви глаз, какая кислятина... Яблочный был не лучше! А на ночь давали кефир и смотрели, чтобы все выпили. И уроки – были. И какие-то дурацкие процедуры.

Может, Сережка чем и болел, но я-то точно попал сюда по ошибке. Я был здоров на все сто, а по физкультуре имел одни пятерки, только по канату лазал неважко.

Шли дожди, осень, листья из желтых становились черными, костры жечь не разрешали и еще обыскивали тумбочки в поисках спичек.

И вот Люська сказала:
– А давайте сбежим!
И Сережка тут же ответил:
– Да хоть сегодня...
И я тоже поддержал:
– Можно...

И вот дождь... И папа уехал без меня... И вот буденовец скакет в моей руке мокрой...

Кефир мы выпили вечером, а ночью вылезли в окно. Люська нас ждала у беседки.

Дальше... Дальше – неинтересно. Мы пошли к лесу и тут же поругались, потому что Сережка не знал, где север. Он говорил, что знал, а сам не знал... Я ему сто примет привел, а он ни в какую. Леса становились все больше и больше...

Потом мы устали и разожгли костер. И уснули. А когда проснулись, два санитара сидели рядом и рассматривали Люськин штык. Один из них сообщил, что мы обошли санаторий кругом и отлично успели к завтраку. И что родителям сообщают о нашем поведении. А может, и в школы напишут...

Костер наш еще дымил. Мы затушили его и пошли завтракать. Мы с Сережкой шли молча, а Люська что-то тараторила санитарам. Те весело смеялись и на ходу втыкали штык в землю. А мы с Сережкой молчали. Говорить было не о чем.

...Ночью я отворачивался к стенке, чтобы не слышать этих дурацких страшных историй и рассказов про ногти в котлете... Они были большими, и им не было до меня никакого дела. Они не замечали и не обижали меня. Просто – не обращали внимания.

Я боялся кататься с ними на тяжелых деревенских санях. Разогнавшись с ледяной огромной горы, они специально заваливали сани набок, чтобы оказаться в снегу и побарабхаться с девчонками, которые визжали так, что уши закладывало. Ночью они не хотели идти через коридор в туалет и обильно поливали кадку с пальмой.

А я грыз костяшки пальцев и считал дни, я вспоминал сестренку, двор, друзей, собачку Оскара, который любил снег и всегда стягивал с нас варежки...

Зимний пионерский лагерь стал для меня испытанием. Так долго молчать я еще ни разу не пробовал. Отец приехал за мной на служебной машине. Мы отъехали по снежку, шофер включил радио, и бодрый го-

лос запел про Червону Руту... А на-встречу тянула телегу с молоком знакомая серая лошадь. Едва ли не лучший мой друг за эти морозные, бесконечные дни.

Колокольчик брякал на ее шее, дядя Прохор махнул мне в окошко, и я завопил ему вслед: «Червону Руту не шукай вечерами! Ты у мене едина, тильки ты повиры!!!»

Шофер повернулся к отцу и сказал: «Видать, хорошо отдохнул парень. Ишь, веселый какой...»

Тут он ошибался. Мои обкусанные пальцы болели. Но я продолжал петь...

Шиповник чуть разодрал мне щеку, но это было сущей чепухой! На паром я успел вовремя! Паром отчаливал на тот берег, я упльывал от высокого холма и ликовал так, что хотелось броситься в воду и плыть рядом. И обогнать этот дряхлый паром!

Кассирша обходила людей и собирала плату за проезд. Три копейки с носа. Трех копеек у меня не было, и я спрятался сначала за деда, потом за трактор, а потом и вовсе перестал прятаться, разглядев, что никому я не нужен.

Я знал, что на том берегу реки есть железнодорожная станция. И что дорога приведет меня к ней сама собой. И что любая электричка идет в Москву, а по дороге есть родная, любимая моя дача, где я и сойду. И пусть меня отругают, но я объясню, что ни в какой пионерский лагерь, где я никого не знаю, больше не вернусь.

Конечно, меня отругают, но потом ведь простят. Поймут. И сестренка меня поддержит. И мы снова проведем лето на даче, и всем будет хорошо, и я сделаю себе новый лук, новые стрелы и новую мишень. И перечитаю любимые книжки. И мы будем полоть траву, окучивать

картошку, собирать малину и вишню и еще ходить в лес – за грибами. А по выходным будем купаться! Хорошо было смотреть с воды на упльывающий холм... Правда, вот горн... Горн – это построение, это расчет, это линейка... Быстро выяснится, что меня нет, быстро...

Но разве они догадаются, что я поумному переплыл реку на пароме? Никогда! Они решат, что я, как идиот, сбежал в лес. Или в деревню. Или еще куда-то там задевался, спрятался.

А в это время я уже в электричке сижу... Я уже на дачу еду... А они не знают про дачу. Они думают, что я дурак мелкий...

Я и скрываться не стал. Сел себе на платформу и ноги свесил... Вот мои удивляются-то...

Девять лет, а сам на дачу приехал. Из лагеря драпанул, да так точно все рассчитал... Следопыт.

Вот только перерыв в поездах. Целый час до первого поезда. Ничего, подожду. Я на свободе...

Когда крепкие руки схватили меня сзади, я даже не испугался. Я не поверил. Я был изумлен. Пять минут оставалось! Пять минут. И я в поезде...

Веселый вожатый Саша держал меня крепко: «Ну, ты даешь, парень... Я аж запыхался... Пошли домой».

Он утешал меня всю обратную дорогу. Рассказывал, как будет хорошо. И, как вскоре выяснилось, не врал. Я с ним подружился. Саша классно играл в футбол. Я даже полюбил потом этот лагерь и ездил сюда много лет.

И все же, я навсегда запомнил: мне не хватило пяти минут. Я недооценил противника. Пять минут – это очень много для беглеца.

Теперь, когда летом становится слишком жарко, мне опять хочется убежать. Сесть в северный, дальний поезд и ехать, ехать, смотреть в окно. Но вместо этого я выхожу к реке и бреду к одинокой палатке. Я беру холодное пиво и усаживаюсь в теньке.

Дальше убежать уже не выходит. Нет сил для рывка. Видно, все рывки мои в прошлом. ☺